

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А.М. МУХИН

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СИНТАКСИС

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ МОРФОЛОГИЯ

Санкт-Петербург
Нестор-История
2007

УДК 81
ББК 81.2
М 92

Мухин А. М. Функциональный синтаксис. Функциональная лексикология. Функциональная морфология. – СПб.: Нестор-История, 2007. – 198 с.
ISBN 5–98187–195–4

Настоящая работа продолжает ту линию исследования, которая наметилась в книгах автора «Вариантность синтаксических единиц» (1995), «Функциональный синтаксис» (1999), «Морфологические категории и функциональный синтаксис» (2002), а также «Эксперимент и моделирование в лингвистике. Структурный синтаксис предложения» (2004).

Автор выражает глубокую признательность за подготовку данной работы к печати преподавателям факультета иностранных языков Санкт-Петербургского государственного политехнического университета С. А. Амахиной и Н. В. Дмитриевой.

Технические редакторы: Амахина Светлана Анатольевна,
Дмитриева Наталия Владимировна

*Утверждено к печати
Институтом лингвистических исследований РАН*

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда, грант № 06-04-00471а
и

Программы фундаментальных исследований Президиума РАН
«Адаптация народов и культур к изменениям природной среды,
социальным и техногенным трансформациям»

ISBN 5-98187-195-4

9 785981 871955

© А. М. Мухин, 2007
© ИЛИ РАН, 2007

ВВЕДЕНИЕ

Деривационные морфемы и их вариантность

0.1. Как известно, исследование деривационных, или словообразовательных, морфем, которым в значительной своей части посвящена данная работа, связано с большими теоретическими трудностями. Показательными в этом отношении являются существующие разногласия по проблеме деривации (или аффиксального словообразования), которую одни исследователи связывают с лексикологией, другие – с грамматикой [ср.: Лопатин 1977: 3 и сл.]. Иначе подходил к словообразованию Л. В. Щерба, различавший, с одной стороны, «правила словообразования, т. е. вопрос о том, как можно делать новые слова», чем занимается один из основных отделов грамматики, с другой – вопрос о том, «как сделаны готовые слова», это, считал он, «дело словаря, где должна быть дана и делимость слова, если его состав еще ощущается и может быть действенным фактором “речи” (parole)...» [Щерба 1958: 17]. В настоящей работе мы относим исследование функциональной специфики деривационных морфем к общей проблематике лингвистического анализа, однако мы не можем не иметь в виду и тесных связей последнего с грамматикой, из которой он собственно, и вырос [ср.: Мухин 1976: 12 и сл.; 2002а: 7 и сл.].

В одной из статей начала 80-х годов мы охарактеризовали деривационные морфемы как элементарные функциональные единицы морфологического уровня языка, которые представлены в языке системами вариантов, имеют признаки дистрибутивного порядка и определяются с помощью методов эксперимента и моделирования [Мухин 1982:172 и сл.]. Дистрибутивные признаки таких морфем связывались с их использованием при основах соответствующей части речи и с их местоположением. Однако самым сложным при этом оказалось выделение систем их вариантов, т. е. решение проблемы функционального тождества морфологических элементов, относимых к одной и той же морфеме.

Предпринимая тогда попытку решить эту проблему, мы учитывали накопленный в лингвистике опыт функционального анализа элементарных единиц разных уровней языка, в частности и в особенности собственный опыт функционального анализа элементарных синтаксических единиц – синтаксем, который свидетельствует о том, что признак внешнего сходства не играет решающей роли при выделении вариантов синтаксемы [там же: 174]. Соответственно, мы попытались определить системы вариантов некоторых деривационных морфем независимо от их внешнего сходства или различия, учитывая лишь их значение и дистрибутивные особенности. Так, у прилагательных английского языка в каче-

стве вариантов морфемы со значением подобия (уподобления тому, что обозначено основой) были выделены суффиксы *-ly*, *-like*, *-ish*, *-y*, а также *-form*, *-oid*, *-ous*, *-ine*, *-ed*, которые иногда заменяют друг друга при одних и тех же основах (*womanly – womanlike – womanish*, etc.). Все они обнаруживаются при основах существительных, подразделяемых по их принадлежности к одному из трех семантических разрядов, обозначающих (1) одушевленные предметы, (2) конкретные неодушевленные предметы, (3) вещества и явления природы. И далее, чтобы полнее охарактеризовать сочетаемость указанных различных суффиксов с субстантивными основами, последние в пределах каждого семантического разряда дифференцировались по подразрядам, причем количество таких семантических подразрядов субстантивных основ могло быть весьма значительным и они могли пересекаться [Мухин, Джалолов 1984: 133 и сл.].

В этой связи нельзя не заметить, что объединение внешне различных суффиксов в качестве вариантов одной и той же морфемы подобия приводило к чрезмерному усложнению их анализа, который к тому же вряд ли позволял выделить основной вариант морфемы. Уже только это могло породить сомнение в правомерности их отождествления как вариантов одной и той же языковой единицы. Кроме того, в самой процедуре анализа содержался существенный дефект, который заключался в том, что использование морфемы подобия при субстантивных основах истолковывалось как ее дистрибутивный признак – сочетаемость с основами определенных семантических разрядов или подразрядов, хотя субстантивная основа, в отличие от морфемы, вовсе не относится к числу элементарных (нечленимых) единиц и сама по себе может передавать некоторое лексическое значение. Сочетаемость как дистрибутивный признак предполагает наличие однородных языковых единиц (ср. сочетаемость синтаксем с синтаксемами же или фонем с фонемами же, а не синтаксем с синтагмами или фонем со слогами).

Однако объединение различных суффиксов как вариантов морфемы со значением подобия позволило нам осознать и подчеркнуть то, что роль фактора многозначности в функциональном анализе ограничивается и в каждом случае подлежит уточнению. Показательным в этом отношении может быть сопоставление суффикса *-y*, рассматриваемого как вариант морфемы подобия, с суффиксом *-у* как вариантом другой морфемы, имеющей значение полноты (полноты того, что обозначено субстантивной основой), например у прилагательных *crasty*, *greedy*, *spleeny*, *gossipy* [там же: 140–141]. Если первый связан системными отношениями с суффиксами *-ly*, *-like* и др., имеющими то же самое значение подобия, то второй соотносится в том же плане уже с другими суффиксами, в частности *-ful*, *-some*, которые имеют значение полноты и иногда используются наряду с суффиксом *-y* (*spleeny – spleenful*, *trusty – trustful*, etc.). Причем

данные суффиксы выступают уже при иных субстантивных основах, каковыми обычно являются основы абстрактных существительных, ср. *spleen* 'злоба', *craft* 'хитрость', *greed* 'жадность' и т. п. Подробнее системных отношений морфем мы коснемся, однако, ниже (0.3; см. также 4.2, 6.2).

0.2. Теперь же, спустя два десятка лет после опубликования указанных двух статей, представляется необходимым подойти к проблеме функционального тождества морфологических элементов с иных, более конкретных позиций, не перенося опыта функциональной интерпретации единиц синтаксического уровня языка на морфемы, но имея в виду поставленную в книге «Функциональный синтаксис» задачу изучения взаимодействия функционального синтаксиса с деривационными морфемами [Мухин 1999:180]. В таком случае основным или исходным для нас является то, что деривационная морфема составляет часть лексемы, сообщая ей новое значение.

Может, однако, показаться, что дело обстоит не всегда так, например в случае рассматриваемых ниже морфем первого ряда. Выделяя, в частности, суффиксальную морфему **-al** при глагольной основе в субстантивной лексеме *arrival* 'приезд', 'прибытие', казалось бы, можно констатировать, что значение действия уже заключено в самой глагольной основе и что указанная морфема не сообщает лексеме нового значения. Однако новизна значения здесь определяется тем, что передается с *уб-станицальное* действие (в отличие от процессуального действия, передаваемого глаголом). В этой связи нужно вспомнить, что писал Л. В. Щерба о субстанциальности, или предметности, как значению категории существительных в русском языке: «При ее посредстве мы можем любые лексические значения, и действия, и состояния, и качества, не говоря уже о предметах, представлять как предметы: *действие, лежание, доброта* и т. д. Формальными признаками этой категории являются: изменяемость по падежам (которая в отдельных случаях может отсутствовать: *какаду, пальто*) и соответственные системы окончаний; ряд словообразовательных суффиксов имен существительных, как-то: **-тель, -льщик, -ник, -от(-а), -изн(-а), -ость, -(о)к, -(е)к** и т. д., и т. д. ...» [Щерба 1957: 68].

Отсюда явствует, что в деривационных морфемах дают себя знать и морфологический фактор (принадлежность оформляемых ими лексем к определенной части речи), и фактор лексический (ср. лексическое значение действия, состояния, качества у лексем). Поэтому их значимость можно охарактеризовать как *морфологическую-лексическую*. Что же касается флективных, или словоизменяемых, морфем, языковая значимость которых также определяется двумя факторами, то у них эти факторы сводятся к тому, что, во-первых, они (эти морфемы) обусловли-

вают собой наличие в языке частей речи с их морфологическими категориями (падежа, времени и др.) и, во-вторых, они в предложениях служат средствами выражения синтаксических единиц – компонентов предложения и синтаксем, а также соответствующих синтаксических связей. Исходя из этого языковую значимость флективных морфем можно определить как м о р ф о л о г о - с и н т а к с и ч е с к у ю .

Из сказанного, между прочим, также следует, что для определения морфемы нужно знать, что собой представляет с л о в о - л е к с е м а как целое. С этим вопросом мы соприкоснулись, исследуя системные отношения переходных глагольных лексем в английском, а также русском языке. Существенной особенностью лексемы, в отличие от синтаксем, следует признать то, что она во всех своих вариантах имеет «о б щ у ю к о р н е в у ю ч а с т ь» [Смирницкий 1954: 24]. При этом сам корневой элемент может претерпевать некоторые изменения, в частности в огласовке (ср. *man – men, woman – women, child – children, etc.*), и некоторые формы глагольной лексемы могут включать в себя совершенно различные корни: *be – am – is – are – was, go – went, иду – шел* и др. [Мухин 1987: 35 и сл.]. Подобные факты, однако, не нарушают тождества слова-лексемы во всех его вариантах, имеющих одно и то же лексическое значение и общую для них сочетаемость [см. также: Горбачевич 1978: 4, 9 и сл.].

Тот факт, что деривационная морфема образует новую лексему, имеет решающее значение для понимания самой ее сущности. Ей может быть свойственна вариантность, обусловленная влиянием различных факторов и допускающая проведение количественных исследований, причем непременным условием вариантов морфемы является наличие у них фонетического сходства. Это хорошо показано в работе, подготовленной коллективом авторов филологического факультета СПбГУ «Структура английского имени существительного» [Стр-ра англ. имени сущ-го 1975: 7–8, 34–42, 62 и сл.]. Так, морфема **-age** (в написании иногда **-ege, -edge**, ср. *sacrilege, knowledge*), оформляющая существительные, обозначающие действия, имеет фонетические варианты (фонетические формы реализации), которые встречаются как в разных, так и в одних и тех же лексемах: *arbitrage, breakage, espionage, etc.* Кроме того, эта морфема имеет и варианты с усложнителями [там же: 35–37, 62–63]. То же самое можно сказать, например, и о морфеме **-ture**, которая также оформляет субстантивные лексемы, обозначающие действия, и представлена в языке различными фонетическими и иными вариантами: *expenditure, capture, departure, etc.* [там же: 122–124].

Существенное значение в этой связи приобретает то обстоятельство, что лексемы, включающие в себя тот или иной вариант морфемы со значением действия, будь то фонетический или графический, или другой

вариант, могут иметь определенные количественные характеристики (хотя в цитируемой коллективной работе такие характеристики даются суммарно, применительно ко всем существительным, содержащим многозначную морфему **-age** или **-ture** и т. д., т. е. независимо от того, обозначают ли они действия, состояния, конкретные предметы или нечто иное [там же: 62–131].

Между прочим, совсем иначе обстояло бы дело, если бы мы исходили из нашего первоначального понимания вариантов деривационной морфемы, выделяемых независимо от их внешнего сходства или различия в структуре разных лексем, принадлежащих к одной и той же части речи. Относя, например, к числу вариантов морфемы со значением подобия или вариантов морфемы полноты упомянутые выше суффиксы прилагательных **-ly**, **-like**, **-ish**, **-y** или, соответственно, суффиксы **-y**, **-ful**, **-some** (0.1), мы лишаемся опоры на какие-либо определенные лексемы. Лишаемся и возможности устанавливать количественные характеристики соответствующих лексем, включающих в себя тот или иной вариант исследуемой морфемы.

Эти замечания, как и высказанные выше суждения о чрезмерном усложнении и противоречиях анализа, когда внешне различные суффиксы рассматриваются как варианты одной и той же морфемы, свидетельствуют о том, что перенос опыта функциональной интерпретации единиц синтаксического уровня языка на морфемы был ошибочным. Однако связанные с таким анализом попытки изучения системных отношений морфем могли иметь и положительное значение, подготавливая нас к решению вопроса о наличии функциональных рядов среди деривационных морфем.

Функциональные ряды морфем

0.3. Исходя из учета суффиксальных морфем, рассмотренных во второй части указанной коллективной работы, можно отметить целый ряд морфем со значением действия (включая сюда и упомянутые выше **-age**, **-ture**), которые выделяются при глагольных основах (ниже при переводе субстантивных лексем использован «Большой англо-русский словарь»):

- 1) **-age** (assemblage ‘сбор’, ‘собираение’, breakage ‘отламывание’, ‘разламывание’, depasterage ‘пастьба’ и др.),
-al (betrayal ‘измена’, ‘предательство’, removal ‘перемещение’, ‘устранение’, ‘смещение с должности’, withdrawal ‘отнятие’, ‘отдергивание’, ‘отзыв’, ‘изъятие’, ‘уход’, ‘удаление’ и др.),
-ance — **-ence** (assistance ‘помощь’, ‘содействие’, riddance ‘избавление’, ‘устранение’, emergence ‘выход’, ‘появление’ и др.),

-ation (pronunciation 'произношение', reconciliation 'примирение', 'урегулирование', 'согласованность', 'согласование', renunciation 'отказ', 'отречение' и др.),
-ing (blessing 'благословение', 'благодарение', breathing 'дыхание', parting 'расставание', 'разлука', 'прощание' и др.),
-ment (development 'развитие', 'совершенствование', movement 'движение', 'перемещение', reconciliation 'примирение', 'урегулирование', 'согласованность', 'согласование', renouncement 'отречение', 'отказ' и др.),
-th (spilth 'пролитие', 'разлитие', stealth 'воровство' и др.),
-tion (abdication 'отречение', 'отказ', operation 'действие' и др.),
-ure (expenditure 'расходование', 'расход', mixture 'смешивание', departure 'отъезд', 'уход', 'отклонение' и др.),
-ure (failure 'провал', 'невыполнение', 'неосуществление', seizure 'захват', 'овладение' и др.).

С этим рядом суффиксальных морфем можно сопоставить два других ряда морфем – со значением состояния или качества, которые также оформляют субстантивные лексемы, выступая обычно при основах прилагательных или прилагательных и глаголов:

2) -ancy – -ency (dependency 'зависимость', 'несамостоятельность', expectancy 'ожидание', 'предвкушение', 'упование' и др.),
-asy (bankruptcy 'банкротство', 'несостоятельность', complicity 'запутанность', privacy 'уединение', 'уединенность'),
-dom (freedom 'свобода', 'независимость'),
-ity (brutality 'грубость', 'жестокость', gravity 'серьезность', 'важность', 'торжественность', possibility 'возможность', 'вероятность' и др.),
-ness (bitterness 'горечь', calmness 'спокойствие', cheerfulness 'бодность', 'веселость', guardedness 'сдержанность', 'осмотрительность', preparedness 'готовность', 'подготовленность' и др.),
-our (dour 'скорбь', 'страдание', fervour 'пыл', 'горячность', languor 'слабость', 'усталость' и др.),
-ship (hardship 'трудности', 'огорчения', 'лишения'),
-th (illth 'бедность', 'нищета', truth 'правдивость', 'искренность', warmth 'теплота', 'сердечность', 'горячность' и др.),
-ture (moisture 'влажность', 'сырость', rapture 'восторг' и др.),
-ude – -itude (quietude 'покой', 'спокойствие' и др.),
-ure (composure 'спокойствие', 'хладнокровие', pleasure 'удовольствие', 'наслаждение' и др.),
3) -ance – -ence (elegance 'элегантность', 'изящество', indolence 'праздность', 'вялость', vigilance 'бдительность', 'зоркость' и др.),

- ancy – -ency (constancy ‘постоянство’, ‘верность’, solvency ‘платежеспособность’ и др.),
- cy, -sy (courtesy ‘вежливость’, ‘любезность’, delicacy ‘утонченность’, ‘деликатность’, supremacy ‘превосходство’, ‘верховенство’ и др.),
- dom (wisdom ‘мудрость’),
- ity (ambiguity ‘двузначность’, ‘неопределенность’, generosity ‘благородство’, ‘щедрость’, simplicity ‘простота’, ‘скромность’ и др.),
- ness (absoluteness ‘совершенство’, ‘абсолютность’, cuteness ‘сообразительность’, ‘остроумие’ и др.),
- our (candour ‘искренность’, splendour ‘блеск’, ‘великолепие’, ‘величественность’ и др.),
- ude – -itude (aptitude ‘пригодность’, ‘соответствие’ и др.).

С подобными рядами морфем (члены которых иногда совпадают, особенно во втором и третьем рядах) лингвисты до сих пор не имели дела, поскольку не возникала та самая задача, которая стоит перед нами здесь, а именно задача изучения взаимодействия функционального синтаксиса с деривационными морфемами (0.2). В дальнейшем изложении, особенно в первой главе (1.1–1.4), а также второй (2.1–2.5), мы внесем некоторые уточнения или дополнения в указанные три ряда морфем, опираясь на имеющийся в нашем распоряжении фактический материал, однако они не носят принципиального характера.

Что же касается самой сути взаимодействия функционального синтаксиса с деривационными морфемами, то оно заключается в том, что субстантивные лексемы, оформленные морфемами того или иного ряда, используются для выражения определенных синтаксем в соответствующем оппозитивном ряду. Так, агентивная акциональная синтаксема в оппозитивном ряду агентивных синтаксем (1.1) допускает использование лексем с морфемами только первого ряда (но не лексем с морфемами второго или третьего ряда, т. е. с морфемами состояния или качества), для выражения же агентивной стативной или агентивной качественной синтаксемы используются лексемы с морфемами второго или, соответственно, третьего ряда.

Например, в следующих случаях агентивная акциональная и агентивная стативная синтаксемы выражены существительными с морфемами **-al** и **-ness**, первая из которых относится к числу морфем первого ряда, вторая – к числу морфем второго ряда: Her *disapproval* of my casualness suggested that she had read them with admiration (S. Maugham). But his *illness* had given Captain Butler a lucidity (S. Maugham). О наличии указанных синтаксем в этих двух примерах можно судить по показаниям экспериментов, когда вычленяемая из предложения подл

жа щная синтагма с той или иной агентивной синтаксемой трансформируется в предложение с акциональной или, соответственно, стативной синтаксемой в позиции сказуемого: *Her disapproval of my casualness* → *She disapproved of my casualness*; *his illness* → *He was ill*. Аналогично этому и существительные с морфемами третьего ряда (в частности, с морфемой **-ance** – **-ence**), которыми выражена агентивная качественная синтаксема в позиции подлежащего, допускают проведение экспериментов с трансформацией подлежащей синтагмы в предложение с качественной синтаксемой в позиции сказуемого: ...*Pope Leo's extravagances had nearly bankrupted the Vatican* (I. Stone) → *Pope Leo was extravagant*, etc.

Таким образом, исследованию подлежат как морфологические, так и синтаксические и лексические факторы в их взаимодействии. В особенности хотелось бы подчеркнуть роль метода эксперимента, который применительно к затрагиваемым здесь синтаксемам (отраженным отчасти в названиях глав) приобретает форму трансформаций вычленяемых из предложений синтаксических конструкций – синтагм в предложения, содержащие в позиции сказуемого родственные синтаксеммы (близкие по их синтаксической семантике). Тем самым большое значение для автора здесь имеют результаты исследования синтаксем в позиции сказуемого и подлежащего, осуществленного им в упомянутой выше книге «Функциональный синтаксис» [о подлежащих, а также сказуемых, зависимых и других синтагмах см. Мухин 2004б: 24–32, 37–52, 70–73, 109–110].

0.4. С совершенно иным положением вещей мы имеем дело в случае собственно агентивной синтаксеммы (основной или исходной синтаксеммы оппозитивного агентивного ряда), которая не допускает проведения экспериментов, подобных указанному. Она реализуется на базе самых различных производных и непроизводных субстантивных лексем, в том числе таких, которые включают в себя суффиксальные морфемы, образующие свой, более обширный парадигматический ряд. Оформленные ими существительные могут обозначать конкретные неодушевленные или одушевленные предметы, а также абстрактные предметы-понятия. Достаточно полное представление о таких морфемах также можно составить на основании данных, содержащихся в упоминавшейся выше коллективной работе. Приведем здесь лишь небольшую часть морфем этого (четвертого) парадигматического ряда [Стр-ра англ. имени суц-го: 62–89]:

- 4) -age (appendage ‘придаток’, ‘отросток’, hermitage ‘приют отшельника’, personage ‘выдающаяся личность’ и др.),
- al (animal ‘животное’, capital ‘столица’, festival ‘праздник’ и др.),

- an – -ian (Russian ‘русский’, Darwinian ‘дарвинист’, librarian ‘библиотекарь’ и др.),
- ant – -ent (assistant ‘ассистент’, correspondent ‘корреспондент’ и др.),
- ard (drunkard ‘пьяница’, sluggard ‘лентяй’, coward ‘трус’ и др.),
- arium – -orium (planetarium ‘планетарий’, sanatorium ‘санаторий’ и др.),
- ary – -ery – -ory (locutary ‘приемная в монастыре’, infirmary ‘лазарет’ и др.),
- cle (corpuscle ‘частица’, spectacle ‘зрелище’, ‘сцена’ и др.),
- er (boiler ‘паровой котел’, foreigner ‘иностранец’, gambler ‘картежник’ и др.),
- ess (authoress ‘писательница’, fortress ‘крепость’, lioness ‘львица’ и др.),
- ism (impressionism ‘импрессионизм’, Calvinism ‘кальвинизм’ и др.).

Многие из этих морфем представлены в языке системами вариантов, как, например, третья морфема, основными вариантами которой являются **-an**, **-ian**. Однако она имеет также варианты **-ean**, **-nian**, **-itan**, **-sian**, **-isan**, **-arian**, **-darian**, **-onian**, **-san** и др.; у морфемы **-cle** обнаруживаются варианты **-icle**, **-acle**, **-cule**, **-icule**, **-uncle**, **-uncule**, у морфемы **-er** – варианты **-or**, **-ar**, **-ier (-yer)**, **-eer**, **-eur** и др. [там же: 67–69, 80–87].

Соответственно указанному избирательному использованию лексем с морфемами того или иного ряда рассматриваемые ряды морфем здесь именуется ф у н к ц и о н а л ь н ы м и р я д а м и. В отличие от оппозитивных рядов синтаксем, где последние противопоставляются друг другу по определенному синсемантическому (синтаксико-семантическому) признаку, в пределах функционального ряда оппозиции отсутствуют. Речь идет о рядах морфем, а не рядах лексем, оформленных ими, поскольку в данном случае системные отношения устанавливаются именно между морфемами, количество которых в функциональном ряду столь же ограничено, как и количество синтаксем в соответствующем оппозитивном ряду. Морфемы в каждом ряду изучаются с учетом их вариантности, когда выделяются как основные, так и иные их варианты, которые иногда могут заменять друг друга.

Относительно же самих лексем, оформленных деривационными морфемами того или иного ряда, нужно сказать, что их количество может быть весьма значительным, хотя и поддающимся некоторому определению, чему способствует учет у них соответствующих деривационных морфем. При этом нужно принять во внимание, что, кроме лексем, включающих в себя деривационные морфемы, для выражения упомянутых синтаксем агентивного ряда (как, впрочем, и синтаксем иных оппо-

зительных рядов) используются также субстантивные лексемы, лишенные деривационных морфем. Например, в случае агентивной акциональной синтаксемы таковой может быть лексема, внешне совпадающая с инфинитивом глагола: ...but Neele's strong *grip* restrained him (A. Christie). Следовательно, при определении лексической наполняемости данной агентивной акциональной синтаксемы важно учитывать субстантивные лексемы и этого рода.

Следует заметить, однако, что среди существительных, оформленных деривационными морфемами четвертого ряда, имеются и такие, в отношении которых может создаться впечатление, что они передают значение состояния и что, соответственно, они относятся к числу лексем с деривационными морфемами второго ряда (0.3). Так, в указанной коллективной работе отмечается, в частности, следующее: «Суффикс *-age* оформляет существительные со значением: ...3) положения, состояния – от основ имен существительных» [там же: 62], например *brigandage* ‘разбой’, ‘бандитизм’, *knightage* ‘рыцарство’, ‘рыцарское сословие’, *matronage* ‘матронство’, *peerage* ‘сословие пэров’, ‘высшая знать’. «Существительное с суффиксом **-hood**, образованное от именной основы, обозначает состояние, положение» [там же: 91], например *boyhood* ‘отрочество’. «Существительные с суффиксом **-ship** обозначают пребывание в определенном состоянии или положении, или само это состояние или положение» [там же: 118], ср.: *abbotship* ‘аббатство’, ‘звание’ или ‘сан аббата’, *heirship* ‘права’ или ‘положение наследника’; ‘право наследования’, *friendship* ‘дружба’, ‘дружелюбие’.

Свидетельством того, что в рассматриваемых случаях морфемы *-age*, *-hood* и *-ship* относятся к числу морфем именно четвертого (в не второго) функционального ряда, оформляющих существительные как лексическую базу собственно агентивной синтаксемы, могут быть показаны э к с п е р и м е н т о в : в отличие от агентивной стивной синтаксемы данная синтаксема совершенно не допускает проведения экспериментов, подобных указанным выше, когда синтагма с агентивной стивной (как и с агентивной акциональной или агентивной качественной) синтаксемой трансформируется в предложение с родственной синтаксемой в позиции сказуемого – стивной (соответственно, акциональной или качественной). Следовательно, при решении вопроса, к какому функциональному ряду относятся рассматриваемые деривационные морфемы, надежной опорой служит метод эксперимента. Отсюда, между прочим, становится очевидным, что упомянутые существительные с морфемой *-age*, *-hood* или *-ship* (*brigandage*, *knightage*, *matronage*, *peerage*, *boyhood*, *abbotship*, *heirship*, *friendship*) не могут составить единую группу с существительными, оформленными морфемами второго функционального ряда.

Иначе обстоит дело в отношении существительного *hardship* (обыкн. *pl.* ‘трудности’, ‘неприятности’; ‘лишения’, ‘нужда’), также оформленного суффиксом *-ship* и приведенного вместе с существительными *abbotship*, *heirship*, *friendship* [там же: 118]: оно, напротив, дает возможность осуществить эксперимент с преобразованием соответствующей синтагмы в предложение с родственной синтаксемой в позиции сказуемого. Так, например, вычленив синтагму с объектной стативной синтаксемой (2.3), выраженной существительным *hardship* в следующем случае, можно трансформировать ее в предложение со стативной синтаксемой в позиции сказуемого, представленной прилагательным *hard*: ...*who had experienced the hardship and tragedy of life...* (I. Stone) → *the hardship... of life* → *The life was hard*. Однако эксперимент в данном случае осуществим только потому, что морфема *-ship* использована при адъективной, а не субстантивной основе. Тем самым при проведении экспериментов с синтаксемами подчеркивается необходимость учета того, при основах какой части речи – прилагательного или существительного – выделяется деривационная морфема.

Нельзя также не заметить, что среди деривационных морфем имеются такие, которые в своих разных значениях оформляют существительные, используемые для выражения, например, агентивной акциональной и собственно агентивной или агентивной стативной и собственно агентивной, или агентивной квалитативной и собственно агентивной синтаксем. Таковыми являются указанные выше морфемы четвертого ряда *-age*, *-al*, которые фигурируют и среди морфем первого ряда (в значении действия – 0.3). Такова и последняя из упомянутых выше морфем четвертого ряда *-ship*, которая в случае с существительным *hardship* относится к числу морфем второго ряда (со значением состояния). Подобных многозначных морфем мы коснемся несколько подробнее в первой и второй главах, в частности при рассмотрении синтаксем агентивного ряда в их взаимодействии с морфемами указанных четырех рядов.

Нужно сказать также здесь, в предварительном порядке, о возможности использования разных морфем одного и того же ряда для оформления существительных, составляющих лексическую базу определенной синтаксемы агентивного или иного ряда. Так, в связи с только что упомянутыми существительными с морфемами *-age*, *-hood* можно привести примеры некоторых таких лексем, получивших отражение в указанном выше «Большом англо-русском словаре»: *knightage*, *kighthood* ‘рыцарство’, ‘рыцарское сословие’; *matronhood* = *matronage* ‘матронство’; *peerdom* = *peerage* ‘звание пэра’ и др. Подобное использование разных морфем одного и того же ряда является ярким показателем системных отношений морфем в пределах функционального ряда.

Деривационные морфемы и субварианты синтаксем

0.5. Мы затронули здесь в основном агентивный ряд синтаксем отчасти потому, что синтаксемы этого ряда позволяют четко определить систему их вариантов, которая включает в себя лишь два субстантивных варианта (в отличие от систем вариантов других синтаксем, особенно объектных и косвенно-объектных, ср. главы 2, 3). Первый из этих вариантов, наиболее употребительный, представлен в позиции подлежащего существительным без предлога (S), второй же в позиции зависимого компонента выражен существительным с предлогом *by* (*by S*). Кроме того, нельзя не принять во внимание тот факт, что в целом синтаксемы агентивного ряда относятся к числу самых распространенных в позиции подлежащего, а также в зависимой позиции, вследствие чего можно ожидать употребления субстантивных лексем с самыми различными морфемами соответствующего функционального ряда, как, например, в следующих случаях, где варианты агентивной акциональной синтаксемы выражены существительными с морфемами первого ряда **-al** и **-ment**, а варианты агентивной стативной синтаксемы – существительными с морфемами второго ряда **-ure** и **-ence**, ср.:

Her *disapproval* of my casualness suggested that she had read them with admiration (S. Maugham). – Then his eye was caught *by the movement* in the house (I. Murdoch);

His *composure* broke ranks briefly (I. Wallace). – ...he was placed *by Bosinny's absence* in an awkward position (J. Galsworthy).

Указанные варианты той и другой синтаксемы представлены в языке множествами субстантивных лексем, как, впрочем, и варианты любой другой синтаксемы, выраженной существительными с предлогами или без предлога. Определение каждого такого множества лексем, на базе которых реализуется вариант синтаксемы, представляет собой довольно сложную задачу. Ее решение в значительной степени облегчается тем, что множества лексем, охватываемых вариантами синтаксем, в частности двумя вариантами рассматриваемых агентивных синтаксем, распадаются на некоторые подмножества, члены которых оформлены морфемами первого ряда (со значением действия) **-al**, **-ment**, etc. или, соответственно, морфемами второго ряда (со значением состояния) **-ure**, **-ance** – **-ence**, etc.

Это значит, что, кроме упомянутых беспредложного и предложного вариантов, агентивная акциональная и агентивная стативная синтаксемы имеют и другие варианты, каждый из которых реализуется на некотором подмножестве субстантивных лексем. Точнее, варианты этого рода следует назвать **субвариантами** синтаксемы, поскольку охваты-

ваемые ими лексемы являются подразделениями того множества субстантивных лексем, на основе которого реализуется беспредложный вариант (S) в позиции подлежащего или предложный вариант в зависимой позиции (*by S*). Их можно обозначить посредством следующих знаковых моделей: S *-al*, *by S -ment*, S *-ure*, S *-ance – -ence*, etc.

В главах первой части работы мы подробнее коснемся вариантов и субвариантов агентивных синтаксем, а также синтаксем других оппозитивных рядов, возникающие же при этом вопросы теоретического порядка рассмотрим во второй части. В последующем изложении достаточное место будет отведено и используемым методам исследования, а именно экспериментам, с помощью которых дифференцируются синтаксем в оппозитивных рядах, и методу моделирования, который заключается в построении знаковых моделей вариантов синтаксем [ср.: Мухин 1995: 39 и сл., 233–237], а также моделей их субвариантов.

Относительно таких знаковых моделей нужно, однако, заметить, что знак S указывает на существительные, или субстантивные лексемы (*substantives*), что связано с необходимостью изучения лексической наполняемости вариантов или субвариантов синтаксем, исследуемых в настоящей работе. Этим знаковые модели синтаксем существенно отличаются от моделей компонентов предложения, используемых при исследовании структуры предложений, где знак S обозначает существительное как часть речи. Подобно этому и знаки V, A указывают, соответственно, на глагол и прилагательное как части речи [ср. обозначения в структурных моделях предложений подлежащего, сказуемого и других компонентов предложения: Мухин 1968: 156–161; 2004б: 14 и сл.]. При этом изучение компонента предложения, выраженного глаголом или прилагательным (как и существительным), не предполагает необходимости определения его лексической наполняемости, тогда как выделение синтаксем как раз связано с характеристикой ее лексической наполняемости, которая обычно различна у разных синтаксем и требует выявления.

Многие из рассматриваемых ниже синтаксем были упомянуты нами в книге «Функциональный синтаксис» в ходе исследования их оппозитивных рядов. Причем основное внимание там было уделено самым различным синтаксемам в позиции сказуемого, которая является центральной синтаксической позицией, допускающей наиболее полную реализацию оппозитивных рядов и имеющей ключевое значение для синтаксем в позиции подлежащего. В настоящей же работе синтаксемам в позиции сказуемого отводится сравнительно небольшое место вследствие того, что здесь внимание сосредоточивается главным образом на изучении взаимодействия оппозитивных рядов синтаксем с функциональными

рядами морфем, выделяемых в структуре существительных, которые используются сравнительно редко в позиции сказуемого.

Однако при проведении экспериментов в каждой из первых трех глав мы имеем дело именно с синтаксемами в позиции сказуемого – акциональной, стативной или квалитативной, которые представлены там лишь одним из их вариантов: глаголом в форме прошедшего времени (1.1, 2.1, 3.1) или прилагательным со служебным глаголом в прошедшем времени (1.3, 1.4, 2.3, 2.4, 3.3, 3.4), хотя эти синтаксемы в позиции сказуемого имеют и другие варианты. Следовательно, возникает необходимость полнее показать вариантность как акциональных, так и стативных и квалитативных синтаксем, играющих очень большую роль в функциональном синтаксисе. Кроме того, возникает необходимость внести исправления в трактовку соответствующих синтаксических категорий – акциональной, стативной и квалитативной, к которым в предыдущих двух монографиях мы отнесли в основном лишь синтаксемы одного функционального класса – процессуального или квалитативного [Мухин 1999: 176; 2002а: 51–52, 128]. Таким исправлениям и дополнениям посвящается пятая глава.

В данной работе мы не ставим перед собой задачи сколько-нибудь полного исследования указанных выше рядов морфем (0.3–0.4) с учетом их взаимодействия с оппозитивными рядами синтаксем. Решению этой задачи, которая предполагает выделение многочисленных групп субстантивных лексем, оформленных той или иной деривационной морфемой и поддающихся статистической обработке, могут быть посвящены различные работы (начиная, пожалуй, с курсовых или дипломных работ студентов специальных языковых вузов или факультетов). В нашей работе мы хотим рассмотреть открывающиеся возможности исследования морфологических явлений в тесной связи с синтаксическими и лексическими явлениями и с опорой на определенные лингвистические методы исследования.

ЧАСТЬ I

Глава 1. Функциональные ряды морфем и субварианты синтаксиса агентивного ряда

Субварианты агентивной акциональной синтаксиса

1.1. В связи с выделением первых трех функциональных рядов деривационных морфем (0.3) рассмотрим прежде всего синтаксиса агентивного ряда, с тем чтобы установить, как реализуются эти морфемы в структуре субстантивных лексем для выражения упомянутых во введении агентивных синтаксиса – агентивной акциональной (AgAc), агентивной стативной (AgSt) и агентивной квалитативной (AgQlt), которые употребляются как в позиции подлежащего, так и в зависимой позиции [Мухин 1999: 76–77, 94–95]. В первой синтаксической позиции эти синтаксиса находят наибольшее применение, причем используются при переходных и непереходных глаголах, во второй они возможны только при переходных глаголах в форме причастия прошедшего времени, причем выступают не только при глаголах, но иногда и при существительных (с тем же предлогом *by*). Ниже (1.5) мы затронем и собственно агентивную синтаксису (Ag), а также еще одну синтаксису агентивного ряда (1.2), которую ранее мы не отмечали, а именно агентивную пассивную акциональную (AgPsvAc).

Агентивная акциональная синтаксиса содержится в приведенном выше примере *Her disapproval of my casualness suggested that she had read them with admiration* (0.3, 0.5), а также в следующих многочисленных примерах, где она представлена существительными в позиции подлежащего с морфемами первого функционального ряда. Последние обуславливают собой наличие таких субвариантов синтаксиса, как:

S *-ance – -ence*: ...but its sudden *disappearance* unnerved him (I. Stone). *Ignorance* of the law excuses no one (Ibid.). Rain's *appearance* created a mild sensation in the room above (I. Murdoch).

S *-ation*: By the time ... *the conversation* had changed (I. Stone). No *gratification* of any other sense... could approach it (Ibid.). *The invitation* hadn't come from him (C. P. Snow).

S *-ing*: Leonardo's hearty *welcoming* of him... had also assuaged his uneasiness (I. Stone). But his *prophesying* of doom is causing a mounting hysteria in Florence (Ibid.). *Fighting* had broken out in the streets... (Ibid.). "*The opening* of quarries... could destroy them" (Ibid.).

S *-ment*: The official *announcement* told nothing... (C. P. Snow). If *the arrangement* works well... I could keep building the fund... (I. Stone). The

statue must be anchored securely... yet not so rigidly that a jolt, jar or sudden *movement* could damage it (Ibid.).

S -tion: *The discussion* centered around what biblical and... (I. Stone). ...only *the instructions* from his rabbi kept him from bolting (Ibid.). Her *expression* altered only a trifle (Ibid.).

S -ture: The noise in the street, the voices, the welcomes, *the departures* gave him company... (I. Stone).

Указанные субварианты являются подразделениями основного, беспредложного варианта агентивной акциональной синтаксемы в позиции подлежащего (S). Синтаксическая семантика (или синсемантический признак) агентивности определяется здесь на основе ядерной предикативной связи по отношению к глаголу в позиции сказуемого. О наличии же семантики акциональности у данной синтаксемы можно судить по ее непосредственному синтаксическому окружению, а также по показаниям экспериментов. Так, характерная ее особенность заключается в ее сочетании с объектной синтаксемой (когда с помощью суффиксальной морфемы существительное образовано от переходного глагола), которая в приведенных примерах выражена предложными сочетаниями (*c of*), ср.: *disapproval of my casualness, ignorance of the law, welcoming of him, prophesying of doom, the opening of quarries*. При отсутствии же объектной синтаксемы в подобных случаях ее в порядке эксперимента можно обычно вставить.

О своеобразии рассматриваемой синтаксемы по сравнению с другими синтаксемами агентивного ряда свидетельствуют и эксперименты, когда из предложения с агентивной акциональной синтаксемой вычленяется подлежащая синтагма, которая трансформируется в предложение с родственной акциональной синтаксемой, выраженной глаголом в личной форме в позиции сказуемого: *Her disapproval of my casualness* → *She disapproved of my casualness; its sudden disappearance* → *It suddenly disappeared; Rain's appearance* → *Rain appeared; Leonardo's hearty welcoming of him* → *Leonardo heartily welcomed him; his prophesying of doom* → *He prophesied doom; her expression* → *She expressed*.

При отсутствии же соответствующей подлежащей синтагмы, когда существительное с той или иной суффиксальной морфемой не имеет при себе притяжательного местоимения или существительного в родительном падеже, такой элемент обычно может быть введен (опять-таки в порядке эксперимента) вместо артикля или указательного местоимения, и тогда осуществление указанных экспериментов (трансформаций синтагм в предложения с акциональной синтаксемой в позиции сказуемого) становится возможным, как в примерах с морфемами *-ance, -ation* и др.: *their ignorance of the law* → *They ignore the law; their conversation* → *They conversed; his invitation* → *He invited; their fighting* → *They fought; their*

opening of the quarries → They opened the quarries; their discussion → They discussed; his rabbi's instructions → His rabbi instructed; her expression → She expressed; their official announcement → They officially announced; our arrangement → We arranged; someone's sudden movement → Someone suddenly moved; their departures → They departed.

В сущности, то же самое можно сказать об агентивной акциональной синтаксеме и в зависимой позиции при глаголе, где семантика агентивности определяется на основе субординативной связи и где данная синтаксема представлена субвариантами с предлогом *by*, при этом глагол в форме причастия прошедшего времени может быть как в позиции сказуемого (в сочетании со служебным глаголом), так и в зависимой позиции, ср.:

by S -al: The hot days and weeks passed in lonely suffocation, broken only *by the arrival* of a former Settignano stonemason... (I. Stone).

by S -ance -ence: Strangers... were sometimes put off *by* Lady Ashbrook's *insistence* on maintaining rigid standards... (C.P. Snow). They were interrupted *by the entrance* of yet another employee of the firm (J.B. Priestley). Rome had been fooled *by this performance*... (I. Stone).

by S -ation: ...he was nevertheless touched *by* Alec's elaborate *consideration* (C.P. Snow). Michelangelo was troubled *by* Lorenzo's *preparations* for his departure to Careggi... (I. Stone).

by S -ing: Nor was he frightened *by* Sansovino's *warning*... (I. Stone). Exhausted *by* Buonarroti's *badgering* for money... Michelangelo took a thousand ducats from the funds... (Ibid.).

by S -ment: Perugino had been so incensed *by* his *statement* before the Company that... (I. Stone).

by S -tion: The final impetus was provided *by* Pope Leon's open *expression* of hostility (I. Stone).

Эти и другие субварианты агентивной акциональной синтаксемы в зависимой позиции при глаголе обнаруживают в их непосредственном синтаксическом окружении те же особенности, что и субварианты в позиции подлежащего. Особенно это касается их способности иметь при себе объектную синтаксему (когда они выражены существительными, образованными от переходных глаголов): *by* Lady Ashbrook's *insistence on maintaining* rigid standards, *by* Buonarroti's *badgering for money*, etc. При отсутствии же объектной синтаксемы, выраженной предложным сочетанием, ее можно вставить, чтобы подчеркнуть наличие семантики акциональности у данной агентивной синтаксемы.

Здесь столь же показательны и эксперименты, в которых проявляется семантика акциональности рассматриваемой синтаксемы (трансформации вычленимых зависимых синтагм в предложения с акциональной синтаксемой в позиции сказуемого), ср.: *by the arrival of a former Settignano stonemason* → A formal Settignano stonemason arrived; *by* Lady

Ashbrook's insistence on maintaining rigid standards → Lady Ashbrook insisted on maintaining rigid standards; by the entrance of yet another employee of the firm → Yet another employee of the firm entered; by Alec's elaborate consideration → Alec elaborately considered; by Lorenzo's preparations for his departure to Careggi → Lorenzo prepared for his departure to Careggi; by Sansovino's warning → Sansovino warned; by his statement before the Company → He stated before the Company; by Pope Leon's open expression of hostility → Pope Leon openly expressed hostility.

Такая общность свойств субвариантов в той и другой синтаксической позиции является следствием того, что они представляют одну и ту же агентивную акциональную синтаксему, и при этом допускают проведение трансформации, обычно именуемой трансформацией депассивизации: Strangers were sometimes put off by Lady Ashbrook's insistence on maintaining rigid standards → Lady Ashbrook's insistence on maintaining rigid standards sometimes put off strangers; They were interrupted by the entrance of yet another employee of the firm → The entrance of yet another employee of the firm interrupted them, etc. При наличии же предложного субварианта синтаксемы в составе обособленной (или иной) синтагмы при зависимом компоненте, как в первом примере с морфемой -al, синтагма предварительно трансформируется в предложение с пассивной акциональной синтаксемой в позиции сказуемого, и затем уже трансформация депассивизации становится осуществимой: broken only by the arrival of a former Settignano stonecutter → It was broken only by the arrival of a former Settignano stonecutter → Only the arrival of a former Settignano stonecutter broke it (suffocation).

Устанавливая взаимодействие деривационных морфем с синтаксемами (здесь – с агентивной акциональной) в позициях подлежащего и зависимого компонента, мы одновременно выделяем или, точнее, намечаем группу и подгруппы существительных, которые используются в качестве лексической базы варианта синтаксемы или ее субвариантов. К числу таких лексем относятся, в частности, следующие подгруппы существительных (отделенные ниже одна от другой знаком тире) с суффиксальными морфемами первого ряда в приведенных здесь примерах, а также указанные во введении (0.3, 0.5): arrival, betrayal, disapproval, removal, withdrawal – appearance, disappearance, emergence, entrance, ignorance, insistence, iteration, performance, sustenance – consideration, conversation, gratification, invitation, preparation – badgering, blessing, breathing, fighting, opening, parting, prophesying, warning, welcoming – announcement, arrangement, development, movement, reconciliation, renouncement, statement – discussion, expression, instruction, operation – departure, expenditure, mixture. Этим подгруппам существительных, именуемых далее а к ц и о - н а л ь н ы м и с у щ е с т в и т е л ь н ы м и , несколько подробнее мы коснемся ниже, в связи с изучением в следующей главе объектной ак-

циональной синтаксемы, имеющей много общего с данной синтаксемой (2.1).

Наряду с подобными существительными необходимо, однако, принять во внимание и субстантивные лексемы, не имеющие какой-либо суффиксальной морфемы первого ряда, например такие (внешне совпадающие с инфинитивом глагола), как *groan*, *influence*, *promise*, *quarrel*, *reply*, *respect*, *travel*, которые наполняют собой два варианта агентивной акциональной синтаксемы, беспредложный и предложный:

S: A tortured *groan* racked the warm night air (I. Stone). Leonardo's *influence* in Florence was spreading... (Ibid.). Her *respect* for authority was fading (Ibid.). His *travels* seemed to have done him good... (Ibid.). Even to herself her *reply* rang false... (S. Maugham).

by S: Those whose work had been stopped by Savonarola's *influence* and power were now producing again... (I. Stone). ...but no one... was fooled by this *promise* (Ibid.). The aura of good will... had been broken by the Perugia *quarrel* (Ibid.).

Как и существительные, оформленные соответствующими суффиксальными морфемами, существительные в последних примерах с вариантами агентивной акциональной синтаксемы обуславливают собой наличие в ее непосредственном синтаксическом окружении таких особенностей, в которых проявляется синтаксическая семантика акциональности, а также обеспечивают возможность проведения указанных выше экспериментов, раскрывающих сущность данной синтаксемы. Однако в отличие от существительных второго рода первые имеют иные особенности, связанные с часто реализуемой возможностью использования одной суффиксальной морфемы вместо другой морфемы первого (но не второго или третьего) функционального ряда. Это получает отражение в словарях, в частности в «Большом англо-русском словаре», ср.: *acquittal*, *aquittance* 'освобождение (от долга, обязательства)'; *aplyment* *уст.* = *aplication* и *appliance* *редк.* 'применение', 'использование'; *argument*, *argumentation* 'аргументация', 'приведение доводов'; *denouncement* = *denunciation* 'осуждение', 'обвинение'; *dismissal*, *dismission* *редк.* 'ропуск'; *iterance* = *iteration* *книжн.* 'повторение', 'повтор'; *reconcilement* = *reconciliation* 'примирение'; *remitment*, *remittance* 'пересылка', 'перевод денег'; *renouncement*, *renunciation* 'отказ', 'отречение'; *sustention*, *sustentation*, *sustenance* *редк.* 'поддержание', 'поддержка', etc.

Подобные параллелизмы («лексические дублеты») свидетельствуют о том, что деривационные морфемы первого ряда имеют общее значение действия, которое допускает возможность употребления одной морфемы вместо другой того же ряда, но не допускает использования морфемы иного функционального ряда. Этим общим значением действия, очевидно, обуславливается и тот факт, что для выражения агентивной акциональной синтаксемы используются существительные, образован-

ные как от непереходных, так и переходных глаголов (в отличие от существительных, представляющих следующую синтаксему агентивного ряда – 1.2).

В заключение по данному параграфу нужно также сказать, что кроме группы и подгрупп акциональных существительных, оформленных суффиксальными морфемами первого функционального ряда, при изучении вариантов и субвариантов агентивной акциональной синтаксемы можно наметить и группу акциональных глаголов, используемых в позиции сказуемого при проведении указанных выше экспериментов, подчеркивающих специфику рассматриваемой синтаксемы. К этой группе относятся следующие глаголы, соотносительные с существительными указанных выше подгрупп: *arrive, betray, disapprove, remove, withdraw; appear, disappear, emerge, enter, ignore, insist, iterate, perform, sustain; consider, converse, gratify, invite, prepare; badge, bless, breathe, fight, open, part, prophesy, warm, welcome; announce, arrange, develop, move, reconcile, state; discuss, express, instruct, operate; depart, expend, mixt* (ср. также 2.2, 3.1).

Субварианты агентивной пассивной акциональной синтаксемы

1.2. Проводя выше эксперименты с трансформацией зависимых синтагм, содержащих в себе предложные субварианты агентивной акциональной синтаксемы, в предложения с акциональной синтаксемой, выраженной глаголом в личной форме в позиции сказуемого (1.1), мы не включили в число приведенных там примеров следующий (хотя, казалось бы, предложный субвариант здесь с морфемой *-al* внешне ничем не отличается от указанного там предложного субварианта с той же морфемой): *...his fragility was accented by the removal of his burden* (I. Wallace). Это объясняется тем, что в языке имеются две разные агентивные акциональные синтаксемы, выраженные существительными с одними и теми же суффиксальными морфемами первого ряда (со значением действия): одна из них – рассмотренная выше агентивная акциональная (1.1), соотносительная, как это показано было с помощью экспериментов, с акциональной синтаксемой в позиции сказуемого, другая – агентивная пассивная акциональная, соотносительная с пассивной акциональной синтаксемой в той же синтаксической позиции.

Различие между этими двумя агентивными акциональными синтаксемами отчетливо проступает в экспериментах: если первая допускает эксперименты с трансформацией зависимой синтагмы в предложение с акциональной синтаксемой, выраженной личной формой глагола в позиции сказуемого, то для второй показательны уже эксперименты с трансформацией соответствующей синтагмы в предложение с неличной формой глагола – причастием прошедшего времени (в сочетании со служеб-

ным глаголом) в позиции сказуемого, ср.: by the removal of his burden → His burden was removed. В данном случае агентивная пассивная акциональная синтаксема представлена предложным субвариантом в позиции зависимого компонента *by S-al*.

Беспредложные субварианты этой синтаксемы мы находим в позиции подлежащего, в частности субвариант с морфемой первого ряда -ment в следующих двух примерах:

S-ment: (For Pope Leo the dinner was but a preliminary to an afternoon and night of pleasure...) *The entertainments* would continue until Leo could no longer keep his eyes open (I. Stone). As soon as she was seated in the bedecked stands *the entertainment* began: a play..., a tournament...; and as the climax, a contest... (Ibid.). Заменяв артикль существительным в родительном падеже или притяжательным местоимением (как мы делали и в предыдущих случаях, чтобы образовать синтагму, – 1.1), получаем и здесь возможность провести эксперимент с трансформацией подлежащей синтагмы в предложение с пассивной акциональной синтаксемой в позиции сказуемого, ср.: Leo's entertainments → Leo was entertained, her entertainment → she was entertained.

В сущности, так же обстоит дело с беспредложным субвариантом агентивной пассивной акциональной синтаксемы в позиции подлежащего в случае, когда существительное оформлено суффиксальной морфемой первого ряда -ation и за ним следует сочетание с предлогом of:

S-ation: *The last official recognition* of the waning Buonarotti family had taken place thirteen years before, in 1474... (Ibid.). Здесь также возможен эксперимент с трансформацией синтагмы в предложение с пассивной акциональной синтаксемой в позиции сказуемого: *The last official recognition of the waning Buonarotti family* → *The waning Buonarotti family was officially recognized*.

По синсемантическим признакам (синтаксической семантике) пассивности и акциональности рассматриваемая синтаксема соотносится с синтаксемами некоторых других оппозитивных рядов, которые мы затрагиваем ниже, в частности с объектной пассивной акциональной синтаксемой (2.3), а также с косвенно-объектной пассивной акциональной (3.2). Эти синтаксемы определяются с помощью указанных экспериментов и реализуются на базе существительных, образованных от переходных глаголов посредством суффиксальных морфем первого ряда. Такими существительными в приведенных здесь примерах являются *removal*, *entertainment*, *recognition*, тогда как предыдущая агентивная акциональная синтаксема представлена существительными, образованными с помощью морфем первого ряда как от переходных, так и непереходных глаголов (1.1).

Субварианты агентивной стативной синтаксемы

1.3. Иной функциональный ряд составляют деривационные морфемы со значением состояния, отнесенные выше ко второму ряду (0.3), однако включающие в себя и другие многозначные морфемы. С теми и другими морфемами второго ряда связано наличие, например, следующих субвариантов агентивной стативной синтаксемы в позиции подлежащего (где их семантика агентивности определяется на основе ядерной предикативной связи):

S *-ance* – *-ence*: *An emotional silence* filled the space between them (I. Stone). Her very *presence* ... sent the blood pounding through his veins... (Ibid.). And this *indifference*, this childlike *confidence* in his ability... did nothing to restore his own self-confidence... (J. B. Priestley).

S *-cy*: Their *intimacy* had permeated the room, irradiating the atmosphere (I. Stone).

S *-ation*, S *-tion*: Walter's *moderation* had exasperated her (S. Maugham) ...and on a sudden a *suspicion*, as it were, of the sense flashes across your troubled wits... (Ibid.). ...and the *dejection* of his eyes gave him an air of mild depression... (Ibid.). ...and *the confusion* of the senses cleared away (C. P. Snow). Buonarotto woke only once... *resignation* spread its calm unguent (I. Stone). ... *Indignation* had disappeared (Ibid.).

S *-ity*: ...her *cordiality* held you at a distance (S. Maugham). All *anxiety* had gone away... (C. P. Snow). All gaiety left the palace with the cardinal (I. Stone). ...*Uncertainty* had kept him from probing further (Ibid.). *Vitality* seemed to return to his limbs (Ibid.).

S *-ment*: His *excitement* rose (I. Stone). His personal *fulfilment* did not lead him to evolve a cheerful Madonna... (Ibid.). His *disappointment*... gave way to the realization that it would be better... (Ibid.).

S *-ness*: Her *happiness*... renewed her beauty (S. Maugham). ...but his *nervousness*... made him clumsy... (Ibid.). The *harshness* receded from Lorenzo's brow (I. Stone). By nightfall they had gotten it out of the wall... before *darkness* settled (Ibid.).

S *-th*: ...*the strength* expended in carving with hammer... (I. Stone). ...here his inner *strength* could resolve itself (Ibid.).

S *-ure*: His *composure* broke ranks briefly (I. Wallace).

Сравнивая этот ряд морфем с указанным выше морфемным рядом в субвариантах агентивной акциональной синтаксемы (1.1), можно заметить, что у них имеются общие члены. Таковыми являются, в частности, морфемы *-ation*, *-tion*, а также *-ment*, которые, однако, здесь имеют значение состояния, объединяющее их с другими морфемами ряда. Этим обуславливаются и различия в показаниях экспериментов, которые у данной синтаксемы столь же специфичны, как и у агентивной акциональной синтаксемы. Экспериментами служат преобразования, или трансформации, вычленяемых из предложений подлежащих синтагм в предложе-

ния с родственной с т а т и в н о й синтаксемой в позиции сказуемого, выраженной прилагательным со служебным глаголом; при отсутствии же синтагмы допустимо использование (вместо артикля) притяжательного местоимения или существительного в родительном падеже, или сочетания с предлогом *of*. Ср.: *Walter's moderation* → *Walter was moderate*; *your suspicion... of the sense* → *You are suspicious of the sense*; *the dejection of his eyes* → *His eyes were dejected*; *the confusion of the senses* → *The senses were confused*; *his resignation* → *He was resigned*; *his indignation* → *He was indignant*; *his excitement* → *He was excited*; *his personal fulfilment* → *He was personally fulfilled*; *his disappointment* → *He was disappointed*.

Подобные же результаты эксперименты дают и в других приведенных примерах: *their intimacy* → *They were intimate*; *their emotional silence* → *They were emotionally silent*; *her very presence* → *She was present*; *his indifference* → *He was indifferent*; *his childlike confidence* → *He was confident*; *her cordiality* → *She was cordial*; *their anxiety* → *They were anxious*; *their gaiety* → *They were gay*; *his uncertainty* → *He was uncertain*; *his vitality* → *He was vital*; *her happiness* → *She was happy*; *his nervousness* → *He was nervous*; *his harshness* → *He was harsh*; *darkness of the night* → *The night was dark*; *his strength* → *He was strong*; *his composure* → *He was composed*.

Так же обстоит дело и с предложными субвариантами агентивной стативной синтаксемы пари глаголе (в форме причастия прошедшего времени). Последний при этом может быть как в позиции сказуемого (со служебным глаголом), так и в зависимой позиции, например:

by S -ance – -ence: ...he was placed *by* *Bosinny's absence* in an awkward position (J. Galsworthy).

by S -ation, by S -tion: She let no one... see how mortified she was *by the frustration* of her hopes (S. Maugham). ...her social position was determined *by* her husband's *occupation* (Ibid.). ...he's moved *by compassion* for all these dying Chinamen (Ibid.). Julius' face was ravaged *by frustration* and illness (I. Stone). Her life is being endangered *by this isolation* in a cottage... (Ibid.). Michelangelo was warmed *by Buonarroti's affection* (Ibid.).

by S -ment: His initial emotion of disgust was overcome *by excitement* (I. Stone).

by S -ness: At first she had been touched *by his kindness*... (S. Maugham). ...said Celia ...no more impressed *by consciousness* of importance... (C.P. Snow).

Проводя эксперименты с зависимыми синтагмами (фактическими или конструируемыми) в этих примерах, мы получаем результаты, столь же отчетливо указывающие на наличие семантики стативности у рассматриваемой синтаксемы агентивного ряда, как и в экспериментах с подлежащими синтагмами в приведенных выше примерах, ср.: *by Bosinny's absence* → *Bosinny was absent*; *by the frustration of her hopes* → *Her*

hopes were frustrated; by her husband's occupation → Her husband was occupied; by her compassion → She is compassionate; by his frustration and illness → He was frustrated and ill; by her isolation in a cottage → She was isolated in a cottage; by Buonarroti's affection → Buonarroti was affected; by his excitement → He was excited; by his kindness → He was kind; by her consciousness of importance → She was conscious of importance.

При изучении деривационных морфем второго ряда с учетом их взаимодействия с агентивной стативной синтаксемой мы одновременно намечаем группу и подгруппы существительных, являющихся средствами выражения того или иного субварианта синтаксемы. Такими существительными с морфемами *-ance – -ence, -ation, -cy, -dom, -ity, -ment, -ness, -th, -tion, -ure* в приведенных примерах служат (знак тире отграничивает одну подгруппу существительных от другой, даже если подгруппа представлена здесь пока одним существительным): *absence, presence, silence – frustration, indignation, isolation, moderation, occupation, resignation, suspicion – intimacy – anxiety, cordiality, gaiety, uncertainty, vitality – disappointment, excitement, fulfilment – consciousness, darkness, happiness, harshness, illness, kindness, nervousness – strength – affection, compassion, confusion, dejection – composure*. Ниже мы подробнее коснемся подобных стативных существительных (2.3).

Приходится, однако, считаться с возможностью использования одной суффиксальной морфемы вместо другой морфемы того же второго ряда, что влечет за собой отнесенность существительного к иному субварианту синтаксемы. О наличии таких лексических параллелизмов можно судить по материалам «Большого англо-русского словаря» (ср. 0.4, 1.1): *affectation, affectedness* 'притворство', 'жеманность'; *applicableness редк.* = *applicability* 'применимость', 'пригодность'; *expectance* = *expectancy* 'ожидание', 'упование', 'вероятность'; *despondence, -cy* 'уныние', 'подавленность'; *dependency* = *dependence* 'зависимость', 'несамостоятельность'; *indignance редк., indignation* 'возмущение'; *excitation, excitement* 'возбуждение', *suitableness = suitability* 'соответствие', 'пригодность' и др. Очевидно, возможность такого использования суффиксальных морфем здесь обуславливается наличием общего для них значения состояния.

Следует также указать на возможность использования существительных, лишенных деривационных морфем второго ряда, таких как *anger, fury, energy, defeat, interest, shock*, которые определяют собой лексическую наполняемость двух вариантов агентивной стативной синтаксемы – беспредложного (S) и предложного (*by* S), например в позициях подлежащего и зависимого компонента: *His ill-suppressed anger lent him strength...* (I. Stone). *His fury and energy were rising...* (Ibid.). *Defeat overcame Giuliano...* (Ibid.). *His shock at what he saw made him gasp* (P. Benchley). *June was greatly encouraged by his interest* (J. Galsworthy). Здесь также допустимы эксперименты с трансформацией подлежащей

или зависимой синтагмы в предложение, содержащее в позиции сказуемого стативную синтаксему, выраженную прилагательным со служебным глаголом: *His ill-suppressed anger* → *He was angry*; *His fury and energy* → *He was furious and energetic*; *His defeat* → *He was defeated*; *His shock* → *He was shocked*; *by his interest* → *He was interested*.

К сказанному нужно добавить, что прилагательные со служебным глаголом в предложениях, в которые трансформируются в порядке эксперимента подлежащие или зависимые синтагмы с агентивной стативной синтаксемой, представляют собственно с т а т и в н у ю синтаксему как исходную синтаксему стативного ряда [Мухин 1999:56 и сл.]. К на-мечаемой здесь в экспериментах группе с т а т и в н ы х п р и л а г а - т е л ь н ы х относятся: *absent, angry, anxious, composed, confident, confused, cordial, dark, defeated, dejected, disappointed, excited, energetic, frustrated, fulfilled, furious, gay, happy, harsh, ill, indignant, indifferent, interested, intimate, moderate, nervous, occupied, present, resigned, shocked, silent, strong, uncertain, vital*.

Эта стативная синтаксема, выраженная прилагательными, в основном соответствует в русском языке выделенной Л. В. Щербой категории состояния, представленной такими прилагательными, как *готов (я готов), способен (я способен), рад (я рад), болен (я болен), намерен (я намерен), знаком (я знаком), весел (я весел), шумен (он шумен), сердит (он сердит), грустен (он грустен)* и др. [подробнее см.: Мухин 2002а:127–128; 2002б:39–40]. Ниже, изучая синтаксемы других оппозитивных рядов, передающие синтаксическую семантику стативности (во взаимодействии с деривационными морфемами второго ряда), мы затронем с т а т и в - н у ю с и н т а к с и ч е с к у ю к а т е г о р и ю в более широком плане (5.3–5.5).

Субварианты агентивной квалитативной синтаксемы

1.4. Морфемы третьего функционального ряда (0.3) оформляют субстантивные лексемы, составляющие лексическую базу а г е н т и в - н о й к в а л и т а т и в н о й синтаксемы в ее различных субвариантах – беспредложных (в позиции подлежащего) и предложных (с предлогом *by* в зависимой позиции). Так, ее субвариантами в позиции подлежащего являются:

S -ance – -ence: The importance of her new assignment had turned her mind inward (I. Wallace). ...Pope Leo's extravagances had nearly bankrupted the Vatican (I. Stone). The intelligence cost him several nights of sleep (Ibid.).

S -ancy – -ency: She was watching his face and knew that her flippancy angered him (S. Maugham).

S -dom: Walk away from the books; the wisdom lies in you (I. Stone).

S *-ity*: ...their *popularity* depended on how beautiful they made their public baths (I. Stone). A grudging family *loyalty* had kept him out (Ibid.). Nevertheless, *hospitality* unreturned continued to nag at him... (C.P. Snow).

S *-ness*: ...from this relatively small substance... emerged all *the greatness* of the human race: art, science, philosophy... (I. Stone). *The sharpness* of this vision... enhanced the illusion... (Ibid.). ...the ineffable *exquisiteness* of the man's presence made him feel tattered and dirty by comparison (Ibid.). *The whiteness* of the house encouraged in these travelers a tendency to overlook the versatility of life (G. Cheever).

Сама по себе уже эта группа субвариантов агентивной качественной синтаксемы достаточно показательна, о чем свидетельствуют результаты экспериментов, которые сводятся опять-таки к трансформациям подлежащих синтагм (фактических или конструируемых, ср. 1.1, 1.3) в предложения с *к в а л и т а т и в н о й* синтаксемой, выраженной прилагательными со служебным глаголом в позиции сказуемого: the importance of her new assignment → Her new assignment was important; Pope Leo's extravagances → Pope Leo was extravagant; his intelligence... → He was intelligent; her flippancy → She was flippant; your wisdom → You are wise; their popularity → They were popular; the family's loyalty → The family was loyal; his hospitality → He was hospital; all the greatness of the human race → The human race was great; the sharpness of this vision → This vision was sharp; the ineffable exquisiteness of the man's presence → The man's presence was enaffably exquisite; the whiteness of the house → The house was white.

Те же суффиксальные морфемы оформляют и существительные, используемые для выражения предложных субвариантов агентивной качественной синтаксемы в зависимой позиции, ср.:

by S *-ance – -ence*: He was worn down by the gritty *reticences* round him (C. P. Snow).

by S *-ity*: 'You don't often get upset by human *frailty*, do you?' (C. P. Snow). Baglioni was entertained by Michelangelo's *intensity* (I. Stone). He was startled by the *ferocity* of expression in his face... (Ibid.). He was stunned by the *authority* of the draftsmanship (Ibid.). 'I am touched by your *loyalty* to our house' (Ibid.).

by S *-ness*: Again he was fascinated by her loveliness (F.S. Fitzgerald). As always he was surprised by the beauty and *spaciousness* of the house... (I. Stone). Michelangelo was impressed by the *forthrightness* (Ibid.). Ten thousand Florentines stood packed together, yet dwarfed by the *enormousness* of space around them (Ibid.).

Упомянем также еще некоторые субварианты:

by S *-ism*: It seemed as though he were driven to the limit by *professionalism*, or conscience, or both (C.P. Snow).

by S *-tude*: Sangallo was enthralled by the *magnitude* of the concept (I. Stone).

Во всех этих случаях показания экспериментов остаются теми же самыми, т. е. трансформации зависимых синтагм с агентивной квалитивной синтаксемой также дают предложения с квалитивной синтаксемой, выраженной прилагательными со служебным глаголом в позиции сказуемого: *by their gritty reticences round him* → *They were reticent round him*; *by men's frailty* → *men are frail*; *by Michelangelo's intensity* → *Michelangelo was intense*; *by the ferocity of expression in his face* → *The expression in his face was ferocious*; *by the authority of the draftsmanship* → *The draftsmanship was authoritative*; *by your loyalty* → *You are loyal*; *by her loveliness* → *She was lovely*; *by the beauty and spaciousness of the house* → *The house was beautiful and spacious*; *by his forthrightness* → *He was forthright*; *by the enormousness of space around them* → *The space around them was enormous*; *by his professionalism* → *He was professional*.

Как отмечалось в предыдущем параграфе, прилагательные обнаруживаются в позиции сказуемого и в предложениях, в которые трансформируются подлежащие или зависимые синтагмы с агентивной стативной синтаксемой. Однако примечательным является то, что среди указанных там стативных прилагательных большое место занимают образования с суффиксом *-ed* при глагольных основах. Так, наряду с такими прилагательными, как *moderate*, *intimate*, *indifferent*, *confident*, *indignant*, *silent*, *present*, *absent*, *cordial*, *anxious*, *gay*, *uncertain*, *vital*, *happy*, *nervous*, *harsh*, *dark*, *strong*, *ill*, *kind*, *conscious*, там упомянуты и образования на *-ed*, обычно трактуемые как прилагательные, но включающие в себя глагольные основы: *dejected*, *confused*, *resigned*, *excited*, *disappointed*, *composed*, *frustrated*, *occupied*, *isolated*, *affected* (ср. переходные глаголы: *deject*, *confuse*, *resign*, *excite*, *disappoint*, *compose*, *frustrate*, *occupy*, *isolate*, *affect*). Что же касается квалитивных прилагательных, составляющих лексическую базу квалитивной синтаксемы в позиции сказуемого, то среди них мы не находим таких образований, которые можно назвать причастными прилагательными на *-ed* (ср. также причастные прилагательные на *-ing*).

Соответственно разграничению прилагательных, выражающих квалитивную или стативную синтаксему, возникает необходимость разграничения и существительных, квалитивных и стативных, составляющих лексическую базу агентивной квалитивной или агентивной стативной синтаксемы. Это касается и существительных, оформленных одними и теми же деривационными морфемами, но имеющими различные значения – значение качества или состояния. Здесь, следовательно, мы соприкасаемся с фактором многозначности морфем, как и в предыдущем случае (1.3), а возможно, и в большей степени. Там в этом аспекте затрагивались морфемы второго и первого функциональных рядов, в данном же случае мы затронем морфему *-ness* третьего и второго рядов, которая оформляет, с одной

стороны, существительные, относящиеся к субвариантам агентивной квалитативной синтаксемы *S -ness, by S -ness*, с другой – существительные, относящиеся к субвариантам агентивной стативной синтаксемы *S -ness, by S -ness*.

Выделяя группу существительных, оформленных морфемой *-ness* со значением качества, например, *absoluteness, abusiveness, biliousness, cuteness, entireness, hereditariness, restiveness, saltiness, vegetativeness, wheeziness*, мы не можем включить в эту группу и существительные с морфемой *-ness* в значении состояния (из второго морфемного ряда), которые в действительности относятся к лексической базе агентивной стативной синтаксемы. Таковы, в частности, существительные на *-ness* с основами прилагательных или причастий прошедшего времени *awareness, calmness, happiness, assuredness, contentedness, detachedness, fixedness, guardedness, preparedness, relatedness* [Стр-па англ. имени существительного 1975: 114–115].

Существительные же первой группы на *-ness* объединяются с такими существительными, которые образуют субварианты (в том числе упомянутые выше) той же самой агентивной квалитативной синтаксемы: *importance, extravagance, intelligence, reticence – flippancy – wisdom – professionalism – authority, ferocity, frailty, hospitality, intensity, loyalty, popularity – enormousness, exquisiteness, forthrightness, greatness, loveliness, sharpness, spaciousness, whiteness – magnitude*. К этим существительным, а также близким к ним существительным, лишенным суффиксальной морфемы (*beauty, pride*, см. ниже), мы вернемся в следующей главе в связи с изучением объектной квалитативной синтаксемы (2.4).

Следует также указать на часто реализуемую возможность использования одной морфемы вместо другой суффиксальной морфемы того же третьего ряда (ср. 1.1, 1.3): (по материалам словаря) *competency = competence* ‘компетентность’, ‘правомерность’, *brilliance, -су* ‘яркость’, ‘великолепие’, *extravagancy = extravagance* ‘расточительность’, *redundance = redundancy* ‘чрезмерность’, ‘избыточность’, *transparence редк. = transparency* ‘прозрачность’, *denseness = density* ‘плотность’, ‘густота’, *entireness, entirety* ‘полнота’, ‘цельность’, *fertileness редк. = fertility* ‘плодородие’, *importunacy = importunity* ‘назойливость’, ‘надоедливость’, ‘докучливость’ и др.

Однако, как и в предыдущих случаях (1.1, 1.3), наряду с существительными, оформленными суффиксальными морфемами, для выражения рассматриваемой здесь агентивной квалитативной синтаксемы используются и производные существительные, которые образуют беспредложный и предложный варианты этой синтаксемы (*S, by S*), например: *Then, as he reached the Settignano farmhouse, pride took precedence...* (I. Stone). *As always he was surprised by the beauty...* of the house (Ibid.). Такие существительные также допускают проведение экспериментов,

подчеркивающих наличие семантики качественности у данной синтаксемы, а именно экспериментов с трансформацией подлежащей или зависимой синтагмы в предложение с качественной синтаксемой, выраженной прилагательным в позиции сказуемого: his pride → He was proud; by the beauty of the house → The house was beautiful, etc.

Завершая выше параграф, посвященный агентивной стативной синтаксеме (1.3), мы отметили, что прилагательные со служебным глаголом в предложениях, в которые трансформируются в порядке эксперимента подлежащие или зависимые синтагмы с этой синтаксемой, представляют собственно стативную синтаксему как исходную синтаксему стативного ряда. Подобно этому и прилагательные, затронутые в данном параграфе, представляют собственно к в а л и т а т и в н у ю синтаксему как исходную синтаксему качественного ряда [ср.: Мухин 1999: 56–60, 65–66]. Эта качественная синтаксема соответствует в русском языке выделенной Л. В. Щербой категории качества или свойства [Щерба 1958:101], хотя положение последней (как и положение упомянутой выше категории состояния – 1.3), оставалось неопределенным в 20-е и 30-е годы прошлого столетия. Ниже мы более подробно коснемся синтаксической категории качества, которая включает в себя не только синтаксемы, выраженные прилагательными (5.6).

Относительно прилагательных нужно, однако, заметить, что разграничение их как средств выражения, с одной стороны, качественной синтаксемы, с другой – стативной, иногда связано с некоторыми трудностями. Преодолению их может способствовать учет систем вариантов, которые у них различны. Например, используя связочный глагол feel, заменяя им связку be (когда говорится о состоянии человека), можно подчеркнуть, что в том или ином конкретном случае имеется стативная, а не качественная синтаксема [Мухин 1999: 58; ср.: Филимонова 1978: 69–78]. Тем самым уточняется и агентивная стативная или качественная синтаксема в позиции подлежащего или зависимого компонента, которая в составе соответствующей синтагмы допускает трансформацию этой конструкции в предложение со стативной или качественной синтаксемой, выраженной прилагательным со связкой в позиции сказуемого.

Собственно агентивная синтаксема

1.5. Для данной синтаксемы характерно использование производных существительных (не говоря уже о личных местоимениях). Однако для ее выражения наряду с ними широко употребляются и существительные, оформленные суффиксальными морфемами. Более того, по разнообразию последних существительные, составляющие лексическую базу этой синтаксемы в ее двух вариантах – беспредложном (в позиции подлежащего) и предложном (с предлогом by в зависимой позиции), далеко превосходят существительные, относящиеся к лексике других аген-

тивных синтаксем (1.1–1.4). В частности, морфема -er в ее разных вариантах, графических, фонетических, ударно-фонетических [Структура англ. имени сущ. 1975: 81 и сл.], оформляет большое количество существительных (*direct-or, profess-or, li-ar, templ-ar, etc.*), на базе которых реализуются субварианты собственно агентивной синтаксемы S *-er, by S -er*.

Среди морфем четвертого функционального ряда (0.4) обнаруживаются многие из тех, которые входят в структуру существительных, определяющих собой лексическую наполняемость агентивной акциональной, агентивной стативной или агентивной квалитативной синтаксемы. В их числе находим и морфемы *-ation, -ing*, характерные для первого функционального ряда морфем (со значением действия) и обнаруживаемые, например, у существительных *discoloration* ‘выцветшее место’, ‘пятно’, *swelling* ‘опухоль’, ‘припухлость’, где они выделяются при глагольной основе: *The swelling receded, the discoloration faded; but he was still unable to present himself to the world in this changed, mutilated form* (I. Stone). В этом примере указанные существительные представляют субварианты собственно агентивной синтаксемы в позиции подлежащего S *-ing, S -ation*.

Специфика подобных существительных, составляющих лексическую наполняемость собственно агентивной синтаксемы в том или ином ее субварианте, заключается в том, что они не находятся в системных отношениях с лексемами какой-либо другой части речи (в частности, с глаголами или прилагательными). Такие системные отношения мы затронули выше при проведении экспериментов, сводящихся к трансформациям подлежащих или зависимых синтагм с агентивной акциональной (1.1), агентивной стативной или агентивной квалитативной синтаксемой (1.3, 1.4) в предложения с соответствующей акциональной, стативной или квалитативной синтаксемой, выраженной глаголами или прилагательными в позиции сказуемого. Обращаясь к только что приведенному примеру, можно констатировать, что рассматриваемые существительные не допускают трансформации подлежащей синтагмы в предложении с глаголом в позиции сказуемого: *His swelling... → He... (?)*, *His discoloration... → He... (?)*.

Существительные с суффиксальными морфемами, определяющие собой лексическую наполняемость собственно агентивной синтаксемы, в основной своей массе являются устоявшимися образованиями, которые обозначают конкретные предметы, вещества или абстрактные понятия (ср. 0.4). Этим обуславливается то, что они, видимо, очень редко образуют параллелизмы в лексике – суффиксальные образования, подобные тем, которые наблюдаются среди существительных, служащих лексической базой рассмотренных выше агентивных синтаксем – агентивной акциональной, агентивной стативной и агентивной квалитативной (1.1, 1.3, 1.4).

Глава 2. Функциональные ряды морфем и субварианты синтаксем объектного ряда

Субварианты объектной акциональной синтаксемы

2.1. Объектные синтаксемы являют собой большое разнообразие в их взаимодействии с функциональными рядами морфем. Их своеобразие определяется прежде всего их вариантностью, обусловленной различным управлением переходных глаголов [ср., например: беспредложное, предложное, вариативное беспредложно-предложное и вариативное предложное управление **о д н о п е р е х о д н ы х г л а г о л о в**: Мухин 1987: 7–17, 98 и сл.; 2002а: 58–63]. При этом **п е р е х о д н о с т ь** определяется в двух аспектах – лексическом и синтаксическом: как такое свойство лексем, которое проявляется в наличии у них способности к управлению и в употреблении при них в предложениях объектных, а также косвенно-объектных синтаксем. С многообразием вариантов объектных синтаксем связано и многообразие их субвариантов.

Как и рассмотренные выше синтаксемы агентивного ряда, объектные синтаксемы употребляются и в позиции подлежащего, и в зависимой позиции. Однако в отличие от первых их сильной позицией является не позиция подлежащего, а зависимая позиция, особенно при глаголе, где средства их выражения раскрываются во всей их полноте. Поэтому изучение объектных синтаксем в их взаимодействии с функциональными рядами морфем мы начнём именно с этой синтаксической позиции, имея в виду объектную акциональную (ObAc) и объектную пассивную акциональную (ObPsvAc) синтаксемы, объектную стативную (ObSt) и объектную качественную (ObQIt) синтаксемы, прежде всего выраженные существительными, оформленными суффиксальными морфемами того или иного функционального ряда. Позиция же подлежащего является слабой синтаксической позицией объектных синтаксем [Мухин 1999: 82–84, 95–97].

Наиболее распространенный вариант **о б ь е к т н о й а к ц и о - н а л ь н о й с и н т а к с е м ы** – беспредложный (S), поскольку большинство однопереходных глаголов имеет беспредложное управление. Этот вариант в зависимой позиции при глаголе представлен различными субвариантами, выраженными существительными с суффиксальными морфемами первого ряда (0.3):

S-age: I could have lost the cardinal's *patronage* (I. Stone).

S-al: ... said one of them, beginning to chalk up his *approval* of the language (J.B. Priestley). ... and he was still enjoying his *arrival* (Ibid.). Ср. также при двупереходном глаголе: Michelangelo timed his *arrival* at the Duomo... with the end of the service (I. Stone).

S-ance – -ence: He had already picked out the reference to the murder (C.P. Snow). Again the prior offered his *assistance* ... (I. Stone). When a murmur announced *the entrance* of Savonarola, he slipped ... (Ibid.).

S-ation: “Do you recall your *lamentations* about carving angels?” (I. Stone). She had accepted that *invitation* (C.P. Snow). Anyway, the police wanted an *explanation* (Ibid.).

S-ing: ... she was set to supervise *the stitching* and *hemming* of the younger girls (S. Maugham). I should never have left *sculpturing* (I. Stone). Granacci gave up *the painting* of a street festival scene ... (Ibid.).

S-tion: Lady Ashbrook had given a spirited *imitation* of a version of upper-class English ... (C.P. Snow). Ghirlandaio apparently had forgotten *the discussion* and the boy’s drawing (I. Stone). Granacci secured David’s *permission* ... (Ibid.).

S-ment: I saw your *statement* ... (C. P. Snow). He made this *announcement* with a kind of sullen reluctance ... (J.B. Priestley). He seemed to have forgotten their *argument* in the court yard ... (I. Stone).

S-our: ... but you might be able to change their *behaviour* (C.P. Snow).

S-ture: Lorenzo announced his *departure* for Careggi (I. Stone). The Pope authorized *the expenditure* ... (Ibid.).

S-y: He did tell Humphrey *the discovery* that there had been three hundred pounds’ worth of notes... (C.P. Snow). ...the police have been making their *inquiries* (Ibid.). He resumed his *scrutiny* of the chess-board (S. Maugham).

Указанный беспредложный вариант объектной акциональной синтаксемы может быть выражен и существительным, лишённым суффиксальной морфемы, ср.: Mr. Golspie continued his *walk* ... (J.B. Priestley). And the young man gave a final *flourish* of chalk (Ibid.). After each series of blows he stepped back to inspect his *progress* (I. Stone), etc.

О наличии семантики акциональности у этой синтаксемы можно судить по её непосредственному синтаксическому окружению (как и у агентивной акциональной синтаксемы – 1.1), особенно по её сочетаемости с объектной синтаксемой или с зависимым объектным предложением, ср.: his approval *of the language*, the reference *to the murder*, your *lamentations about carving*, the painting *of a ... scene*, a spirited imitation *of a version*, the discovery *that there had been three*.... О наличии семантики акциональности свидетельствуют и показания экспериментов, которые сводятся к вычленению из предложения зависимой синтагмы с объектной акциональной синтаксемой и трансформации синтагмы в предложение с акциональной синтаксемой, выраженной глаголом в позиции сказуемого. При отсутствии же синтагмы, т.е. конструкции, возникающей на основе синтаксической связи, можно вставить притяжательное местоимение или существительное в родительном падеже вместо артикля (как, например, при проведении экспериментов с агентивной

акциональной или стативной синтаксемой – 1.1, 1.3), ср.: the cardinal's patronage → The cardinal patronized; his approval of the language → He approved of the language; his reference to the murder → He referred to the murder; his assistance → He assisted; the entrance of Savonarola → Savonarola entered; your lamentations → You lamented; his invitation → He invited; your explanation → You explained, etc.

Однако объектная акциональная синтаксема в зависимой позиции при глаголе имеет варианты и с предлогами, когда она употребляется при переходных глаголах, которым свойственно предложное или вариативное предложное управление. Так, при переходных глаголах со значением взгляда на кого-либо, что-либо, управляющих обычно посредством предлога *at* [Мухин 1987: 49–50, 160–163], эта синтаксема представлена вариантом *at S*, при глаголах со значением 'кричать', 'орать', 'ворчать' на кого-л., что-л. и с управлением посредством предлога *at* [там же: 155–156] – также вариантом *at S*, при глаголах со значением согласия или несогласия на что-л. и управлением посредством предлога *to* [там же: 147–149] – вариантом *to S*, при глаголах со значением ожидания или надежды и управлением посредством предлога *for* [там же: 144] – вариантом *for S*, при глаголах со значением размышления, рассуждения или высказывания о чём-л. и вариативным предложным управлением [там же: 177–178] – вариантом *on / upon / over S* (хотя могут быть и некоторые другие предлоги, посредством которых управляют глаголы этого ряда).

Здесь следует обратить внимание на то, что речь идет об употреблении того или иного варианта объектной акциональной синтаксемы не при каком-нибудь отдельном переходном, или, точнее, однопереходном, глаголе, а при глаголах, образующих ряд однопереходных глаголов с одним и тем же управлением и общей или близкой лексической семантикой, а также общей сочетаемостью с дополнением (лексемой-дополнением) в лексических конструкциях, именуемых глагольными фразами [Мухин 1976:13]. Такие парадигматические ряды переходных глаголов ранее мы неточно именовали “лексико-семантическими группами” [Мухин 1987:7 и сл.]. Теперь, однако, становится очевидным, что их следует называть функциональными рядами переходных глаголов, поскольку они представляют собой такие объединения лексем, которые служат целям выражения определённых элементарных синтаксических единиц (в данном случае – объектной акциональной синтаксемой в её различных предложных вариантах), подобно тому как рассматриваемые в настоящей работе функциональные ряды морфем, оформляющих существительные, используются для выражения определённых синтаксем в соответствующем оппозитивном ряду (0.4). Следовательно, выделяя указанные варианты объектной акциональной синтаксемой при переходных глаголах со значением направленного взгляда (*beam, frown, gaze, glance,*

look, etc.) или со значением ‘кричать’, ‘орать’, ‘ворчать’ (bawl, bay, bellow, bluster, carp, clammer, cry, etc.) и т.д., мы имеем дело с функциональными рядами однопереходных глаголов.

Если бы для функциональных рядов переходных глаголов мы оставили их прежнее название “лексико-семантические группы”, то фактически мы уподобили бы их, например, лексико-семантическим группам глаголов, различаемых при изучении структуры предложений с предикцирующим компонентом, а именно таким группам, как глаголы физического восприятия (hear, feel, see, notice, observe, perceive, watch, etc.), глаголы умственной деятельности (believe, think, consider, conceive, conclude, suppose, expect, fancy, imagine, know, understand, etc.), которые служат лексической базой сказуемого в предложениях, ср.: They *had heard* no one walk along the verandah (S. Maugham). I *did not believe* him capable of love (Ibid.), etc. [Мухин 2004б: 54, 56–57]. В отличие от подобных лексико-семантических групп глаголов упомянутые функциональные ряды однопереходных глаголов, поддающиеся количественному определению, образуются на основе их системных отношений, особенно с однокорневыми существительными, имеющими предложное управление. Тем самым они открывают возможность применения лингвистических методов эксперимента и моделирования. Так, принадлежность переходных глаголов к одному общему ряду доказывается экспериментально посредством трансформации субстантивизации [ср.: Мухин 1987: 99].

2.2. Возвращаясь к вопросу о субвариантах объектной акциональной синтаксемы, нужно сказать, что она представлена различными предложными субвариантами, выраженными существительными с суффиксальными морфемами первого ряда (хотя возможны и существительные без суффиксальной морфемы, как в четвёртом из отмечаемых ниже случаев), например:

at S -tion : Michelangelo gazed *at* Piero’s contemptuous *expression*... (I. Stone).

at S -ism : Michelangelo grumbled *at* Bertoldo’s harsh *criticism* of a torso he had drawn ... (Ibid.). ... grumbled Michelangelo who absorbed instruction ... but bridled *at criticism* (Ibid.).

to S -ing : He finally acceded *to* Balducci’s *importuning* that he watch some of the Roman spectacles (Ibid.).

for S : ... and he waited day after day *for* his father’s *return* (A. Christie).

over S -ture : Mr. Smeeth, still puzzling and pondering *over the sullen departure* of Goath and *the arrival* of this mysterious Mr. Golspie, put his books away for the night ... В этом примере, однако, наряду с указанным субвариантом с морфемой -ture при том же глаголе выделяется и другой

субвариант – с морфемой -al, поскольку предлог *over* фактически относится и к нему (хотя опущен во избежание повторения).

Относительно предложных субвариантов объектной акциональной синтаксемы нужно заметить, что они имеют те же особенности, что и приведённые выше беспредложные субварианты в зависимой позиции при глаголе. Как и последние, они могут содержать в своём непосредственном синтаксическом окружении нечто такое, что указывает на наличие у них семантики акциональности (употребление объектной синтаксемы, объектного предложения и др.). Подобно им, они допускают и проведение экспериментов с трансформацией зависимой синтагмы в предложение с а к ц и о н а л ь н о й синтаксемой, выраженной глаголом в позиции сказуемого: *at Piero's contemptuous expression* → *Piero contemptuously expressed*; *at Bertoldo's harsh criticism of a torso* → *Bertoldo harshly criticized a torso*; *to Balducci's importuning that he watch...* → *Balducci importuned that he watch...*, etc. Так же обстоит дело и в отношении других предложных субвариантов с существительными, оформленными суффиксальными морфемами первого ряда.

Отметим также предложные субварианты с существительными, оформленными суффиксальными морфемами первого ряда в зависимой позиции при существительных, которые находятся в системных отношениях с однокорневыми переходными глаголами, как иногда упоминаемые ниже прилагательные [см.: Мухин 1999: 97–99]. При этом, если глаголы имеют беспредложное управление, соответствующие существительные требуют обычно предлога *of* (если же глаголам свойственно предложное управление, тот же предлог обычно сохраняется). Ср., например, предлог *of* при наличии морфемы -ment (*of S -ment*): *Loseby himself ... had moved to a quiet businesslike discussion of funeral arrangements* (C. P. Snow), а также при отсутствии суффиксальной морфемы (*of S*): *Every step brought memories of his earlier stay...* (I. Stone). С тем же предлогом *of* часто используются различные субварианты при прилагательных: *of S -ance -ence*: ... *but she was conscious of his appearance...* (S. Maugham); *of S -tion*: *Michelangelo was also aware of a quick and intuitive perception* (I. Stone); ср. также *to S -ment*: *She was angry with Susan because she hadn't been immune to Loseby's blandishments* (C. P. Snow), etc.

Как и при изучении лексической наполняемости агентивной акциональной синтаксемы (1.1), которая допускает проведение тех же экспериментов, диагностирующих признак акциональности, здесь также возникает необходимость изучения лексической базы синтаксемы, причём применительно к объектной акциональной синтаксеме эта задача носит гораздо более сложный характер. Если там упор делается на исследовании субвариантов синтаксемы в позиции подлежащего (сильной позиции агентивной акциональной синтаксемы), то здесь основное внимание исследователя привлекают многочисленные беспредложные и пред-

ложные субварианты в зависимой позиции при глаголе, а также при существительном и прилагательном. Без внимания не остаются и многочисленные ряды переходных глаголов, составляющих непосредственное лексическое окружение синтаксемы и дифференцируемых с учётом особенностей их управления (предложного, беспредложного, вариативного).

В итоге, объединяя существительные с определённой суффиксальной морфемой (а также существительные, лишённые морфемы), относящиеся к лексике того или иного субварианта в зависимой позиции при глаголе, существительном или прилагательном, можно составить достаточно полное представление о лексической наполняемости синтаксемы. При этом, конечно, должны быть приняты во внимание и соответствующие существительные, относящиеся к беспредложным вариантам синтаксемы в позиции подлежащего, которая, как отмечалось в самом начале главы, является слабой синтаксической позицией объектных синтаксем вообще. В частности, с существительными, оформленными морфемой *-ation* или *-tion*, или *-ment* в упомянутых выше беспредложных и предложных субвариантах объектной акциональной синтаксемы, объединяются, соответственно, и многие существительные в позиции подлежащего, например в беспредложных субвариантах этой синтаксемы:

S -ation: *Lodovico's conversation* was interlarded with religious expression... (I. Stone). His *admiration* for Ghirlandaio's pictorial skill was renewed (Ibid.).

S -tion: *The transaction* was swiftly made (Ibid.). *The same instruction* was to be passed on to him (C.P. Snow).

S -ment: ...as though all *movement* around him, even of the sun and air, had been speeded up (I. Stone). *Agreements* with builders and architects were handed down from generation... (Ibid.). Эксперименты с синтагмами и в этих случаях показывают соотносительность объектной акциональной синтаксемы с а к ц и о н а л ь н о й синтаксемой, выраженной переходными или непереходными глаголами в личной форме в позиции сказуемого, ср.: *Lodovico's conversation* → *Lodovico conversed*; *His admiration for Ghirlandaio's pictorial skill* → *He admired Ghirlandaio's pictorial skill*; *Their transaction* → *They transacted*; *Their instruction* → *They instructed*; all their movements around him → *They all moved around him*; *Their agreements with builders and architects* → *They agreed with builders and architects*.

В совокупности указанные выше субварианты объектной акциональной синтаксемы в разных синтаксических позициях позволяют выделить следующую группу существительных, способных служить лексической базой этой синтаксемы и подразделяемых в зависимости от их принадлежности к той или иной подгруппе лексем, оформленных суффиксальной морфемой первого функционального ряда (в основном из числа отмеченных выше морфем этого ряда – 0.3): *patronage* – *approval*, *arrival* – *assistance*, *entrance*, *reference* – *admiration*, *conversation*, *explana-*

tion, invitation, lamentation – hemming, importuning, painting, sculpturing, stitching – criticism – agreement, announcement, argument, movement, statement – behaviour – discussion, expression, imitation, instruction, permission, transaction – departure, expenditure – discovery, inquiry, scrutiny. Кроме того, отметим объединяющуюся с ними группу существительных, лишённых суффиксальной морфемы: flourish, progress, walk.

Однако с указанными существительными объединяются и лексемы, выделенные выше при изучении агентивной акциональной синтаксемы, так как они оформлены теми же суффиксальными морфемами первого ряда (или лишены суффиксальной морфемы) и при этом допускают возможность проведения аналогичных экспериментов с синтагмами, трансформируемыми в предложения с акциональной синтаксемой, выраженной глаголами в личной форме в позиции сказуемого (1.1). О существенной близости тех и других лексем свидетельствует тот факт, что среди них часто отмечаются одни и те же лексемы, используемые для выражения субвариантов как объектной акциональной, так и агентивной акциональной синтаксемы (approval, disapproval, arrival, entrance, conversation, invitation, announcement, movement, statement, discussion, expression, instruction, departure, etc.).

Такая же общность обнаруживается и у глаголов, посредством которых выражена акциональная синтаксема в предложениях, получаемых в результате проведения экспериментов (1.1, 2.1). Поскольку они обозначают те или иные действия (ср. patronize, approve, arrive, assist, enter, refer, admire, converse, explain, invite, lament, importune, paint, sculpture, stitch, criticize, agree, announce, argue, move, etc.), то их можно именовать акциональными глаголами, в отличие от стативных глаголов, которые обозначают то или иное состояние и обуславливают собой проявление иных особенностей в их окружении в предложениях [ср.: Мухин 1999: 49 и сл.]. Соответственно и существительные, находящиеся с ними в системных отношениях и обеспечивающие возможность осуществления экспериментов с синтагмами, содержащими объектную акциональную или агентивную акциональную синтаксему, могут именоваться акциональными существительными.

Субварианты объектной пассивной акциональной синтаксемы

2.3. Суффиксальные морфемы первого функционального ряда (0.3) оформляют и существительные, образующие субварианты объектной пассивной акциональной синтаксемы, которая вместе с рассмотренной объектной акциональной синтаксемой входит в оппозитивный объектный ряд. Субварианты при этом чаще всего беспредложные, поскольку однопереходные глаголы,

при которых они обычно употребляются, здесь также в большинстве случаев имеют беспредложное управление, например:

S *-ance – -ence*: ... he hadn't received *an acceptance* for three days (C.P. Snow).

S *-tion*: now all these artists of Florence ...were applauding his *election* (I. Stone).

... who had flocked to Rome from all over Europe to help Leo celebrate his *elevation* to the papacy... (Ibid.). He will complete his *education* there (Ibid.).

Предложный субвариант данной синтаксемы находим, например, при глаголе *hope* (из числа однопереходных глаголов со значением ожидания или надежды, управляющих посредством предлога *for*) [см.: Мухин 1987: 144]:

for S -ment: It was unlikely now that Bernard Garstin would ever be made a judge of the High Court, but he might still *hope for ...an appointment* in the Colonies ('назначение судьёй в Колониях') (S. Maugham).

Своеобразие объектной пассивной акциональной синтаксемы по сравнению с объектной акциональной отчетливо проявляется в экспериментах, которые заключаются в трансформациях вычленимых из приведенных примеров зависимых синтагм с указанными субвариантами в предложения с п а с с и в н о й а к ц и о н а л ь н о й синтаксемой, выраженной причастием прошедшего времени в сочетании со служебным глаголом в позиции сказуемого (причём вместо артикля используется притяжательное местоимение или существительное в родительном падеже): *his acceptance* → He was accepted; *his election* → He was elected; *his elevation to the papacy* → He was elevated to the papacy; *his education* → He was educated; *for his appointment in the Colonies* → He was appointed in the Colonies.

Подобные же эксперименты с объектной акциональной синтаксемой дают в результате а к ц и о н а л ь н у ю синтаксему, выраженную глаголом в личной форме в позиции сказуемого (2.1). Эта последняя является основной, исходной синтаксемой оппозитивного акционального ряда, в составе которого она обычно характеризуется как собственно акциональная синтаксема (в отличие от акциональной перфективной, акциональной континуативной и других синтаксем этого ряда). Пассивная же акциональная синтаксема в позиции сказуемого – это основная или исходная синтаксема оппозитивного пассивного акционального ряда, члены которого реализуются только на материале переходных глаголов в форме причастия прошедшего времени в сочетании со служебным глаголом в позиции сказуемого [Мухин 1999: 42 и сл.; 2002а: 97 и сл.].

Как и у объектной акциональной синтаксемы, субварианты рассматриваемой синтаксемы обнаруживаются в зависимой позиции не только при переходных глаголах, но и при существительных, соотносительных с однокорневыми переходными глаголами, а также при прилага-

тельных. Ср., например, *of S -tion*: "I was helped by the rumors of your *reception* in the court" (I.Stone); *for S -tion*: But the desire *for approbation* is perhaps the most deeply seated instinct of civilized man (S. Maugham.); *of S -ment*: Then came the announcement *of Doris's engagement* to Geoffrey Dennison (S. Maugham.); *S -ing*: Drawing is the poet's written line, set down to see if there be a story worth *telling*, a truth worth *revealing*.

Различные беспредложные субварианты объектной пассивной акциональной синтаксемы, выраженные существительными с суффиксальными морфемами первого ряда, используются и в позиции подлежащего (слабой позиции этой и других объектных синтаксем), о чём можно судить проводя эксперименты с трансформацией пассивизации, трансформируя, например, некоторые из приведённых выше предложений с данной синтаксемой в зависимой позиции при глаголе в предложение с нею же в позиции подлежащего: ... he hadn't received *an acceptance* for three days → An acceptance hadn't been received by him for three days; He will complete his *education* there → His *education* will be completed there.

Опираясь на указанные и другие субварианты синтаксемы в разных синтаксических позициях, можно приступить к выделению группы существительных, составляющих ее лексическую базу. В отличие от объектной акциональной синтаксемы, лексическая наполняемость которой определяется существительными, соотносительными с переходными и непереходными глаголами (ср. *arrival, behaviour, departure, movement, etc.* – 2.2), объектная пассивная акциональная синтаксема реализуется только на материале **а к ц и о н а л ь н ы х с у щ е с т в и т е л ь н ы х**, соотносительных с однокорневыми переходными глаголами. Таковы в приведенных здесь примерах существительные *acceptance, election, elevation, education, approbation, reception, appointment, engagement, telling revealing*, которые, как и соответствующие глаголы, также относятся к числу акциональных лексем (1.1, 2.2).

Субварианты объектной стативной синтаксемы

2.4. Суффиксальные морфемы второго ряда (0.3) оформляют существительные, которыми выражены субварианты **о б ь е к т н о й с т а т и в н о й** синтаксемы. Последняя в зависимой позиции при глаголе (ее сильной синтаксической позиции) часто представлена беспредложными субвариантами, поскольку переходные глаголы, при которых она употребляется, чаще всего имеют беспредложное управление, ср.:

S -ance – -ence : He didn't require excessive *vigilance* (C.P. Snow). Humphrey wasn't showing special perception or *clairvoyance* (Ibid.). His Christ awakened the deepest sympathy, not abhorrence for those who stood outside the sculpture... (I. Stone).

S *-ation*: That seemed to give him as much *gratification* as when he was proved right... (C. P. Snow). For what reason had he summoned Savonarola... to give him this final *satisfaction*...? (I. Stone). The Buonarroti had always been hard with a florin, sharing the native shrewdness about money and the fierce *concentration* in guarding it (Ibid). But George had shown *an inclination*... to go his own way... (J. B. Prestley).

S *-ancy – -ency, S -cy*: ... where he could have quiet and *privacy*... (I. Stone). “You must remember that fresh plaster changes its *consistency*” (Ibid).

S *-dom*: ... he now gave himself the freedom to carve many nudes.

S *-tion*: Michelangelo felt a deep *affection* for Torrigiani... (Ibid). Marble had always been ...an obstinate gem demanding *devotion* and tenderness (Ibid). ...but the rest of the monastery maintained complete *seclusion* (Ibid). ...while the younger man spilled out his *frustration* (Ibid).

S *-ity*: ...and he would need his full *vitality* (Ibid). ...which meant home and *security* for him... (Ibid).

S *-ment*: There was no way to escape *the excitement* of the three thousand wedding guests... (Ibid). Or perhaps she had some *ease* from letting herself get out of temper... (Ibid). He had had a magnificent *fulfilment* in the David, a public acceptance (Ibid). ...but he felt a *resentment* against the man for his belittling statement... (Ibid).

S *-ness*: “Forgive my *bitterness*” (Ibid). He felt the *happiness* that arises out of knowledge... (Ibid). ...then he lamented his *blindness* (S. Maugham).

S *-th*: “You must conserve your *strength*” (I. Stone). ...he created his own *warmth*... (Ibid).

S *-ure*: He regained his *composure* (Ibid). She radiated *pleasure* (C.P. Snow).

Нельзя не упомянуть и беспредложный вариант данной синтаксемы в зависимой позиции при глаголе, выраженный существительными, лишенными суффиксальной морфемы:

S : Michelangelo ... hid his *surprise* when he found... (I. Stone). ...it would eat away his *fears*, his anger, his frustration... (Ibid). He had both *affection* and *respect* for Briers... (C.P. Snow).

Сопоставляя указанный ряд морфем, которыми оформлены существительные в субвариантах объектной стативной синтаксемы, и упомянутые выше морфемы первого рода у существительных в субвариантах предыдущих двух объектных синтаксем – объектной акциональной и объектной пассивной акциональной, нетрудно обнаружить наличие в этих морфемных рядах общих членов, хотя там морфемы имеют значение действия, здесь – значение состояния. Различия в этих значениях морфем отчетливо проявляются в экспериментах, которые допускают, с одной стороны, объектные акциональные синтаксемы (2.1, 2.2), с другой – рассматриваемая здесь объектная стативная синтаксема в приведенных, а также других (см. ниже) ее субвариантах.

Эксперименты в данном случае сводятся к трансформациям вычленимых из предложений зависимых синтагм с объектной стивной синтаксемой (и с добавленным, если необходимо, притяжательным местоимением) в предложения с родственной стативной синтаксемой, выраженной прилагательными в сочетании со служебным глаголом *be* (или *feel*) в позиции сказуемого, причем прилагательными здесь могут быть и образования на *-ed*, которые мы выше (1.3) назвали причастными прилагательными, поскольку они включают в себя глагольную основу (причастия прошедшего времени). Ср.: *his excessive vigilance* → He was excessively vigilant; *his clairvoyance* → He was clairvoyant; *their abhorrence* → They were abhorrent; *his gratification* → He was gratified; *his final satisfaction* → He was finally satisfied; *their fierce concentration in guarding it* → They were fiercely concentrated in guarding it; *his inclination ...* → He was inclined to go his own way; *his privacy* → He was private; *its consistency* → It was consistent; *his freedom to carve many nudes* → He was free to carve many nudes; *his deep affection for Torrigiani* → He was deeply affected; *his devotion and tenderness* → He was devoted and tender; *their complete seclusion* → They were completely secluded; *his frustration* → He was frustrated; *his full vitality* → He was vital; *his security* → He was secure; *the excitement of the three thousand wedding guests* → The three thousand wedding guests were excited; *her easement from letting herself get out of temper* → She felt eased from letting herself get out of temper; *his magnificent fulfillment in the David* → He was magnificently fulfilled in the David; *his resentment* → He was resentful; *my bitterness* → I am bitter; *his happiness* → He was happy; *his blindness* → He was blind; *your strength* → You are strong; *his own warmth* → He was warm; *his composure* → He was composed; *her pleasure* → She was pleased.

Кроме беспредложных субвариантов, объектная стивная синтаксема в зависимой позиции при глаголе имеет и многочисленные предложные субварианты (подобно объектным акциональным синтаксемам – 2.1, 2.2), наличие которых обусловлено их непосредственным лексическим окружением – переходными глаголами с тем или иным предложным управлением. Приведем здесь лишь некоторые из таких субвариантов с существительными, оформленными суффиксальными морфемами второго ряда *-ance – -ence, -cy, -ity, -th, -ation, -ion, и с* предлогами *at, on, upon, with, of, for*, посредством которых управляют переходные глаголы различных функциональных рядов:

at S -ance – -ence: Michelangelo and Buonarroto chuckled at Balducci's *ebullience* (I. Stone).

upon S -cy: He had insisted upon this, so that no one could spy, or intrude upon his *privacy* (Ibid).

with S -th: ...while he tried to grapple with the *depths* of his mind (Ibid).

of S -ity: In his soft, modulated voice Poliziano went on to tell *of the gaiety of palace...* (Ibid).

of S -ation: I know *of your growing preoccupation with marble* (Ibid).

for S -tion: His father called for *attention* (Ibid).

Эти предложные субварианты объектной стивной синтаксемы при глаголе допускают проведение тех же экспериментов (трансформаций с участием однокорневых прилагательных *ebullient, private, deep, preoccupied, gay, attentive*), которые свидетельствуют о наличии у них синтаксической семантики стивности (ср. 1.3). То же самое можно сказать и о предложных субвариантах данной синтаксемы в зависимой позиции при существительном или прилагательном, например:

in S -ity: And this indifference, this childlike confidence in his *ability...* did nothing to restore his own self-confidence... (J.B. Priestley).

of S -tion: It was vain to seek the analysis *of his emotion* (S. Maugham).

of S -ness; of S -ment: Ghirlandaio was aware *of the eagerness* in the boy's face, *the excitement* in his hand (I. Stone). Указанные эксперименты здесь осуществимы с учетом однокорневых прилагательных *able, emotive, eager, excited*.

Отметим также некоторые беспредложные субварианты в позиции подлежащего, выраженные существительными с суффиксальными морфемами второго ряда:

S -th, S -ity: Was *the wealth, art, trade, security, prosperity* to be gobbled up by an invading monarch with a powerful army, after Florence had lived at peace...? (I. Stone).

S -ness: *The fierceness of soul...* could not be motivated by despair, or by desire to punish (Ibid.). His own *joylessness* was increased when he learned... (Ibid.).

S -dom:...but if *freedom* were thrust upon them, ah, then, how simple everything would be! (S. Maugham).

Эти субварианты объектной стивной синтаксемы в позиции подлежащего в той же мере, как и предыдущие субварианты в зависимой позиции при глаголе, существительном или прилагательном, характеризуются возможностью проведения экспериментов с трансформацией соответствующей синтагмы (с добавленным, если это необходимо, притяжательным местоимением или существительным в родительном падеже или с предлогом *of*) в предложении со с т а т и в н о й синтаксемой, выраженной прилагательным с глаголом-связкой в позиции сказуемого, ср.: *the wealth of the city* → *the city was wealthy*; *its security* → *it was secure*; *its prosperity* → *it was prosperous*; *the fierceness of soul* → *the soul was fierce*; *his own joylessness* → *he was joyless*; *their freedom* → *they were free*.

В совокупности указанные субварианты в разных синтаксических позициях дают представление о лексической базе рассматриваемой синтаксемы, которая включает в себя следующие намечаемые здесь под-

группы существительных с суффиксальными морфемами второго рода (знак тире ниже разделяет эти подгруппы):

abhorrence, clairvoyance, ebullience, vigilance – concentration, inclination, frustration, gratification, preoccupation, satisfaction – consistency, privacy – freedom – affection, attention, devotion, seclusion – ability, prosperity, security, vitality – easement, excitement, fulfilment, resentment – bitterness, blindness, eagerness, fierceness, happiness, joylessness, tenderness – depth, warmth, wealth – composure, pleasure – freedom. К этому добавим и намечаемую группу существительных, лишенных суффиксальной морфемы, которыми выражен беспредложный вариант синтаксемы в зависимой позиции при глаголе: anger, fear, respect, surprise, etc.

В более широком плане группы существительных, составляющих лексическую наполняемость объектной стативной синтаксемы, объединяются с соответствующими группами существительных (с суффиксальными морфемами или без них), выделенных выше при изучении агентивной стативной синтаксемы (1.3), причем такие "совокупные" группы могут включать в себя общие субстативные лексемы, используемые для выражения как той, так и другой стативной синтаксемы (composure, excitement, frustration, fulfilment, anger, etc.). Подобно этому следует отметить и общность прилагательных, получаемых в результате проведения экспериментов – трансформаций синтагм с субвариантами объектной стативной или агентивной стативной синтаксемы в предложения со стативной синтаксемой, выраженной прилагательными в позиции сказуемого (composed, excited, frustrated, angry, etc.) в сочетаниях со служебными глаголами.

Существующие системные отношения между субстантивными и адъективными лексемами как средствами выражения, с одной стороны, объектной стативной и агентивной стативной синтаксем, с другой – стативной синтаксемы в позиции сказуемого позволяют охарактеризовать первые и вторые, соответственно, как **с т а т и в н ы е с у щ е с т в и т е л ь н ы е** и **с т а т и в н ы е п р и л а г а т е л ь н ы е**, тем самым противопоставив их другим лексемам, определяемым с учетом их взаимодействия с синтаксемами. Такими другими лексемами, в частности, являются указанные выше **а к ц и о н а л ь н ы е с у щ е с т в и т е л ь н ы е** и **а к ц и о н а л ь н ы е г л а г о л ы**, находящиеся между собой в системных отношениях, которые также устанавливаются с помощью экспериментов (2.1, 2.2).

Субварианты объектной качественной синтаксемы

2.5. Суффиксальные морфемы третьего ряда (0.3) оформляют существительные, используемые для выражения объектной качественной синтаксемы, которая, подобно ука-

занным синтаксемам объектного ряда (2.1–2.4), употребляется в разных синтаксических позициях. Особенно полное выражение она получает в зависимой позиции при глаголе в личной форме, где ее непосредственное лексическое окружение составляют переходные глаголы, однопереходные или двупереходные. При этом чаще всего она представлена беспредложными субвариантами при однопереходных глаголах, которым свойственно беспредложное управление. Например:

S *-ance – -ence*: They also caught *the fragrance* of the excellent cigar... (J.B. Priestley). Madge has sometimes *a simple eloquence* of her own (C.P. Snow). Moreover, he loved *the importance...*of his position (J. B. Priestley).

S *-cy*: ... because it took *a thousand times more accuracy* of judgment and vision (I. Stone).

S *-dom*: ... Saul questioned *the wisdom* of David's meeting Goliath in battle... (Ibid.).

S *-ity*: "I save all my *unconventiality* for my carving" (I. Stone). Yet these rough studies had *simplicity* and authority (Ibid.). Ghirlandaio could...give the figures *individuality* and character (Ibid.). He wasn't showing any *originality* of view... (C. P. Snow). Humphrey had kept his *curiosity* (Ibid.).

S *-ness*: She had better be putting her *hastiness* behind a brush and duster (J.B. Priestley). She hadn't Celia's small-featured *prettiness*... (C. P. Snow). "Giovanni says you have a kind of...*ferociousness*" (I. Stone).

Сравнивая морфемы, которыми оформлены субварианты данной синтаксемы, с морфемами в субвариантах предыдущей объектной стативной синтаксемы, можно обнаружить, с одной стороны, различия между ними, с другой – определенную общность, а именно употребление одних и тех же морфем для выражения тех и других субвариантов. Однако там морфемы имеют значение состояния, здесь – значение качества. Эта существенная разница проявляется в экспериментах, которым подвергаются вычлняемые из приведенных предложений зависимые синтагмы с исследуемыми субвариантами синтаксемы: здесь синтагмы (с добавленным, если необходимо, притяжательным местоимением и т.п., как и в предыдущих примерах) трансформируются в предложения с к в а л и т а т и в н о й синтаксемой в позиции сказуемого, выраженной прилагательными, которые обычно не допускаются при трансформациях синтагм с субвариантами объектной стативной синтаксемы.

Наглядно указанная разница проступает на примере причастных прилагательных на *-ed*, которыми нередко выражена стативная синтаксема в позиции сказуемого при трансформациях синтагм в соответствующие предложения (2.3) и которые совершенно отсутствуют при трансформациях синтагм в предложения с качественной синтаксемой в позиции сказуемого, ср.: *the fragrance of the excellent cigar* → *The excellent ci-*

gar was fragrant; her simple eloquence → She was eloquent; the importance...of his position → His position was important; accuracy of judgment → The judgment was accurate; the wisdom of David's meeting...→ David's meeting was wise; all my unconventionality → I was unconventional; their simplicity → They were simple; their individuality → They were individual; his originality → He was original; her hastiness → She was hasty; Celia's small-featured prettiness → Celia was pretty; your ferociousness → You were ferocious.

Кроме беспредложных субвариантов, объектная качественная синтаксема в зависимой позиции при глаголе представлена и субвариантами с различными предлогами, выбор которых определяется особенностями предложного управления переходных глаголов, относящихся к тому или иному функциональному ряду и составляющих непосредственное лексическое окружение исследуемых субвариантов синтаксемы (ср. 2.1). Так, при однопереходных глаголах со значением 'ворчать, кричать' (на кого-либо) и т.п., управляющих посредством предлога *at*, можно ожидать употребления субвариантов с тем же предлогом и с суффиксальной морфемой третьего ряда, например *at S-ance – -ence, at S-ness*: He grumbled sometimes at her *extravagance*, her *thoughtlessness* (J.V. Priestley). Второй субвариант в этом примере лишен предлога во избежание повторения.

Соответственно, при однопереходных глаголах со значением поиска чего-либо, управляющих посредством предлога *for* (а также *after*), употребляется субвариант с этим предлогом и с морфемой третьего ряда *for S-ance – -ence*: Painters had to tell a story...but it was not the painter's function...to search for its *significance*... (I. Stone). Отметим также субвариант с предлогом *on S-ity*:...how much you absorb depends *on* your *capacity* (Ibid.) [ср. указанные ряды однопереходных глаголов: Мухин 1987: 155–156, 167–168, 179].

Только предложные субварианты объектной качественной синтаксемы (как, впрочем, и других синтаксем объектного ряда) находят себе место в зависимой позиции при существительных, соотносительных с переходными глаголами, а также и при прилагательных, например: *of S-ity*: They were reminders of *mortality* (C.P.Snow), *of S-ness*: Again he became conscious of his *ugliness* (Ibid.). Такие предложные субварианты объектной качественной синтаксемы – будь то при глаголе или существительном, или прилагательном – допускают обычно проведение столь же показательных для данной синтаксемы экспериментов, как и ее беспредложные субварианты: *at her extravagance* → She was extravagant; *(at) her thoughtlessness* → She was thoughtless; *for its significance* → It was significant; *of his ugliness* → He was ugly; *of their mortality* → They were mortal.

Упомянутые субварианты дают возможность наметить группу существительных, оформленных суффиксальными морфемами третьего

ряда и способных служить лексической базой объектной квалитативной синтаксемы: eloquence, extravagance, fragrance, importance, significance – accuracy – wisdom – capacity, curiosity, individuality, mortality, originality, simplicity, unconventiality – ferociousness, hastiness, prettiness, thoughtlessness, ugliness. Эти существительные объединяются с соответствующими группами существительных, выделенных выше при изучении агентивной квалитативной синтаксемы, оформленных теми же суффиксальными морфемами третьего ряда (1.4). Объединяются и соответствующие прилагательные, связанные системными отношениями с теми и другими существительными и получаемые в результате экспериментирования с синтагмами, содержащими субварианты объектной квалитативной или агентивной квалитативной синтаксемы. Все это говорит о том, что существуют такие же системные основания для различения к в а л и т а т и в - н ы х , или к а ч е с т в е н н ы х , с у щ е с т в и т е л ь н ы х и п р и - л а г а т е л ь н ы х , как и для различения в рассмотренных выше случаях стативных существительных и прилагательных (2.3) или акциональных существительных и глаголов (2.1, 2.2).

Собственно объектная синтаксема

2.6. Относительно этой синтаксемы можно сказать, в сущности, то же, что было сказано выше о собственно агентивной синтаксеме (1.5). Особенно это касается многообразия используемых суффиксальных морфем (ср. также 0.4) и лексической наполняемости, которая и у субвариантов данной о б ъ е к т н о й синтаксемы исключает возможность проведения экспериментов, подобных тем, которые служили нам опорой при установлении системных отношений субвариантов других объектных синтаксем – акциональной, стативной, квалитативной (2.1–2.5), как и при установлении системных отношений субвариантов соответствующих агентивных синтаксем (1.1–1.4)

Глава 3. Функциональные ряды морфем и субварианты синтаксем косвенно- объектного ряда

Субварианты косвенно-объектной акциональной синтаксемы

3.1. Анализируя в предыдущей главе субварианты синтаксем объектного ряда с учетом их взаимодействия с функциональными рядами морфем и при этом принимая во внимание их лексическую наполняемость, мы часто соприкасались с синтаксемами косвенно-объектного ряда. Это естественно, поскольку последние обычно употребляются вместе с той или иной объектной синтаксемой при одних и тех же переходных глаголах, которые потому и именуются *д в у п е р е х о д н ы м и г л а г о л а м и* (хотя возможно их употребление и при некоторых однопереходных глаголах, без объектной синтаксемы). Ниже мы рассмотрим в указанных аспектах субварианты таких косвенно-объектных синтаксем, как акциональная и пассивная акциональная (*ØbAc*, *ØbPsvAc*), стивная и квалиативная (*ØbSt*, *ØbQlt*), а также собственно косвенно-объектная синтаксема (*Øb*) [ср.: Мухин 1999: 103–104]

В том или ином конкретном предложении синтаксема объектного ряда (как, впрочем, и синтаксема косвенно-объектного ряда) может, иногда, отсутствовать, что, однако, не меняет самой сущности двупереходного глагола, который остается таковым, поскольку он сохраняет свою способность иметь *д в о й н о е у п р а в л е н и е*. Последнее при этом, вообще говоря, может быть различным: двойным беспредложным, беспредложным и вариативным предложно-беспредложным, беспредложным и предложным и т.д. [Мухин 1987: 185 и сл.]. Отсутствующая объектная синтаксема в порядке эксперимента обычно может быть введена в предложение при таком двупереходном глаголе.

Здесь, следовательно, проявляется “двуликость” *п е р е х о д н о - с т и*, которая, как говорилось в начале предыдущей главы, определяется и в лексическом, и в синтаксическом аспекте. В первом случае речь может идти о способности лексем *к у п р а в л е н и ю* (одинарному или двойному), во втором – о возможности употребления при них объектных или косвенно-объектных синтаксем. При изучении переходных глагольных лексем на основе управления выделяются и функциональные ряды переходных глаголов, которые ранее неточно именовались “лексикосемантическими группами” (ср. 2.1, 2.5)

В отличие от объектной акциональной синтаксемы, которая в зависимой позиции при глаголе часто представлена беспредложным вариантом (2.1), *к о с в е н н о - о б ъ е к т н а я а к ц и о н а л ь н а я* синтаксема в этой синтаксической позиции (как, впрочем, и в других случаях) представлена в основном предложными вариантами, которые распадаются на *с у б в а р и а н т ы*, выраженные существительными (с соот-

ветствующими предложениями), оформленными суффиксальными морфемами первого ряда (0.3). Например:

S -age: Piero refused Charles safe *passage* (I. Stone).

for S -al: Michelangelo pleaded with Charles *for the removal* of Alessandro as the tyrant of Florence (Ibid.).

on S -ance – -ence: He complimented Christianity *on its resemblance* to Platonism... (Ibid.).

of S -ation: He remembered Granacci telling him *of Ghirlandaio's exclamation* only a few days before... (Ibid.).

from S -ing: "As well try to keep Vesuvius *from erupting* (Ibid.). ... only the instructions from his rabbi kept him *from bolting* (Ibid.). ... uncertainty had kept him *from probing* further (Ibid.).

S -ing: The months of dissection had given his *drawing* an authority, an inner thrust... (Ibid.).

to S -ing: "... Poliziano and Pico, who preferred dying to *fighting*."

with S -tion: ... who was to help Leonardo with his mechanical *inventions* (Ibid.).

for S -tion: Granacci praised him *for his completion* of so complex a task... (Ibid.).

with S -y: ... someone has been helping us *with our enquiries* (C. P. Snow).

Подобные предложные и беспредложные субварианты косвенно-объектной акциональной синтаксемы обнаруживаются при глаголах, образующих функциональные ряды на базе двойного управления (при наличии у членов ряда общей или близкой семантики и общей сочетаемости, ср. 2.1). Так, беспредложный субвариант в первом примере отмечается при глаголе *refuse*, который относится к функциональному ряду *двупереходных глаголов* со значением запрета или отказа, имеющих двойное беспредложное управление ($V_{tr} + C^1 + C^2$, где C^1, C^2 – дополнения, иначе – комплементы, от лат. *complementum*) [Мухин 1987: 185–186], а в шестом примере – при глаголе *give*, относящемся к ряду *двупереходных глаголов* с двойным беспредложным и вариативным предложно-беспредложным управлением (которое в знаковой модели отражается с помощью знака трансформации ($V_{tr} + C^1 + to + C^2 \rightarrow V_{tr} + C^2 + C^1$) [там же: 190–191]. Соответственно, и предложный субвариант во втором примере выступает при глаголе *plead* из ряда *двупереходных глаголов* со значением 'умолять', 'призывать', 'просить' с двойным предложным управлением ($V_{tr} + with + C^1 + for + C^2$) [там же: 237] и т.д.

В приведенных примерах представлены при глаголах как объектная синтаксема, так и интересующая нас здесь акциональная синтаксема косвенно-объектного ряда. Это дает нам возможность подчеркнуть раз-

личие между синтаксемами того и другого оппозитивного ряда с помощью экспериментов: если первая (объектная), выраженная существительным или местоимением и во всех примерах, кроме одного (четвертого от конца), занимающая положение перед второй, допускает проведение трансформации пассивизации, то вторая синтаксема обычно не допускает осуществления таких экспериментов: → Charles was refused safe passage; → Charles was pleaded with for the removal of Alessandro as the tyrant of Florence; → Christianity was complimented on its resemblance to Platonism; → He was told of Ghirlandaio's exclamation only a few days before; → Vesuvius was kept from erupting; → He was kept from bolting; → He was kept from probing further; → Dying was preferred to fighting; → Leonardo was helped with his mechanical inventions; → He was praised for his completion of so complex a task.

Эти эксперименты-трансформации показывают, насколько широко субварианты рассматриваемой синтаксемы используются не только при акциональной, но и при пассивной акциональной синтаксеме, выраженной причастием прошедшего времени со служебным глаголом (или без служебного глагола в зависимой позиции). Ср. также:

in S -ation: ... Michelangelo was taken aback to find Bramante engaged in animated conversation with the Pope (I. Stone).

into S -ation: He found himself plunged into explanations and defenses... (Ibid.).

in S -ment: ... they were interested in a great many people's movements... (C.P. Snow).

in S -tion: ... the old friends were involved in a discussion of politics (I. Stone).

with S -tion: Lodovico's conversation was interlarded with religious expressions... (Ibid.).

Как и в случае агентивной акциональной (1.1) или объектной акциональной синтаксемы (2.1–2.2), о наличии у данной синтаксемы семантики акциональности часто можно судить по ее непосредственному синтаксическому окружению, в частности по ее сочетаемости с объектной синтаксемой, выраженной предложным сочетанием (как, например, в последних предложениях with the Pope, of politics). Однако полнее об этом можно судить по результатам экспериментов, когда вычленимые из приведенных выше примеров зависимости синтагмы с указанными субвариантами (и добавленным, если необходимо, притяжательным местоимением) трансформируются в предложения с родственной акциональной синтаксемой в позиции сказуемого: his safe passage → He safely passed; for his removal of Alessandro → He removed Alessandro; on its resemblance to Platonism → It resembled Platonism; of Ghirlandaio's exclamation → Ghirlandaio exclaimed; from its erupting → It erupted; from his bolting → He bolted; from his probing further → He probed

further; his drawing → He drew; to his fighting → He fought; with his mechanical inventions → He invented; for his completion of so complex a task → He completed so complex a task; in his animated conversation with the Pope → He conversed with the Pope, etc.

Говоря о широком использовании субвариантов косвенно-объектной акциональной синтаксемы при двупереходных глаголах, нельзя, однако, не отметить их употребления и при существительных, например:

from S -tion, from S -ment: Over the mild winter he secured a reprieve from Contessina's receptions ... and from Leo's entertainments ... (I. Stone).

of S -ment: She mercer had accepted Michelangelo's; assurance of payment ... (Ibid.). При этом следует заметить, что существительные *reprieve* и *assurance*, при которых выступают данные субварианты, находятся в системных отношениях с двупереходными глаголами *reprieve* и *assure*, имеющими двойное беспредложное и предложное управление ($V_{rr} + C^1 + from + C^2 / V_{rr} + C^1 + of + C^2$). Первый из этих глаголов обнаруживается в ранее выделенном ряду двупереходных глаголов со значением освобождения кого-либо, чего-либо от чего-либо, кого-либо и с указанным двойным управлением [Мухин 1987: 222–224].

Приведенные выше примеры субвариантов косвенно-объектной акциональной синтаксемы дают возможность наметить группу существительных, составляющих ее лексическую базу, включающую в себя подгруппы существительных или одиночные (пока) существительные, различаемые в зависимости от присутствия в их структуре той или иной суффиксальной морфемы первого ряда: *passage – removal – resemblance – conversation, exclamation, explanation – bolting, drawing, erupting, fighting, probing – entertainment, movement, payment – completion, discussion, expression, invention, reception – enquiry.*

Сюда следует отнести и существительные, лишенные суффиксальной морфемы первого ряда, такие как *defense* (в приведенном выше примере), *demand, favour, slander*, в следующих предложных вариантах синтаксемы при двупереходных глаголах:

into S: He found himself plunged into explanation and defenses (I. Stone).

to S: "They trace it to your demand for flawless blocks..." (Ibid.).

of S: Perugia had accused him of slander (Ibid.).

for S: With the same coolness the old lady asked him for one favour (C.P. Snow). В подобных случаях о наличии у предложных сочетаний семантики акциональности также можно судить или по их непосредственному синтаксическому окружению, или по результатам экспериментов с соответствующими зависимыми синтагмами (ср. выше).

Однако указанные существительные (с морфемой первого ряда и без морфемы) объединяются со многими другими существительными (того и другого рода), отчасти упомянутыми выше при изучении лексической наполняемости объектной акциональной синтаксемы и охарактеризованными там как а к ц и о н а л ь н ы е с у щ е с т в и т е л ь н ы е (2.1). То же самое можно сказать и в отношении существительных, выделенных при изучении лексической наполняемости агентивной акциональной синтаксемы (1.1). Все они, обозначая действия, имеют одинаковые особенности как средства выражения акциональных синтаксем различных оппозитивных рядов (в частности, агентивного, объектного и косвенно-объектного) и открывают одинаковые возможности для проведения экспериментов с зависимыми и другими синтагмами.

Иначе говоря, при изучении лексической наполняемости косвенно-объектной акциональной (как и объектной акциональной или агентивной акциональной) синтаксемы мы имеем дело с некоторым подмножеством лексем, составляющих лишь часть того множества, которое именуется акциональными существительными. Аналогично этому и глаголы, системно связанные с указанными существительными и получаемые в ходе проведения экспериментов при изучении косвенно-объектной (соответственно, объектной или агентивной) акциональной синтаксемы, составляют лишь одно из подмножеств в пределах того множества лексем, которое именуется а к ц и о н а л ь н ы м и г л а г о л а м и (ср. 1.1).

Субварианты косвенно-объектной пассивной акциональной синтаксемы

3.2. Среди синтаксем косвенно-объектного ряда имеется и другая акциональная синтаксема, а именно **к о с в е н н о – о б ь е к т н а я п а с с и в н а я а к ц и о н а л ь н а я** (подобно тому как оппозитивный объектный ряд включает в себя не только объектную акциональную синтаксему, но и объектную пассивную акциональную – 2.2; ср. также агентивную пассивную акциональную синтаксему – 1.2). При переходном глаголе в личной или неличной форме данная синтаксема, в отличие от объектной пассивной акциональной (2.3), обычно представлена предложными субвариантами, выраженными существительными с той или иной суффиксальной м о р ф е м о й п е р в о г о р я д а (0.3), например:

with S -tion : ... if there had been a mirror handy he would probably have exchanged a wink *with his reflection* (J.B. Priestley).

to S -tion : ... you're not capable of bringing a piece *to completion* (I. Stone).

Предложные субварианты этой синтаксемы обнаруживаются в зависимой позиции и при существительном или прилагательном, ср. :

to S -ture : ... Contessina asked to get off ... for she wanted to see the Badia to which, as a woman, she would be denied admittance *to* her brother's *investiture* (I. Stone).

from S -ure : ... he was not only safe *from exposure* but had become a hero (Ibid.).

Передаваемая указанными предложными сочетаниями синтаксическая семантика пассивности и акциональности отчетливо проявляется в экспериментах, когда включающие их зависимости синтагмы (с добавленным, если необходимо, притяжательным местоимением) трансформируются в предложения с пассивной акциональной синтаксемой, выраженной причастием прошедшего времени в сочетании со служебным глаголом, ср.: *with his reflection* → He was reflected; *to its completion* → It was completed; *to her brother's investiture* → Her brother was invested; *from his exposure* → He was exposed. Если при трансформации зависимой синтагмы с субвариантом предыдущей косвенно-объектной акциональной синтаксемы в предложение с глаголом в позиции сказуемого мы получаем акциональную синтаксему, которая является основной, или исходной, синтаксемой оппозитивного акционального ряда, то здесь, трансформируя зависимую синтагму с субвариантом косвенно-объектной пассивной акциональной синтаксемы, получаем уже пассивную акциональную синтаксему как основную, исходную синтаксему оппозитивного пассивного акционального ряда [ср.: Мухин 1999: 42 и сл.].

И в отличие от указанной косвенно-объектной акциональной синтаксемы данная синтаксема реализуется только на базе существительных, соотносительных с однокорневыми переходными глаголами (*reflect, complete, invest, expose, etc.*). При этом такие существительные – *reflection, completion, investiture, exposure, etc.* – объединяются с соответствующими существительными, выделенными выше при изучении субвариантов объектной, а также агентивной пассивной акциональной синтаксемы (1.2, 2.3). Те и другие, и третьи образуют подмножества среди множества акциональных существительных, связанных с теми же отношениями с переходными глаголами.

Субварианты косвенно-объектной стативной синтаксемы

3.3. Субварианты этой синтаксемы обычно выражены существительными, оформленными суффиксальными морфемами второго ряда, как, например, в следующих случаях, где они употреблены с предлогами при двупереходных глаголах, представляющих акциональную или пассивную акциональную синтаксему:

with S *-ance – -ence* : She ... looked about for a young lawyer or a business man whose future inspired her *with confidence* (S. Maugham). “ ... and the earth was filled *with violence*” (I. Stone).

off S *-ation* : ... unless he had wiped Humphrey and Kate *off* his *obligations*, he had better do so (C.P. Snow).

of S *-ery* : Now in a high rage Lionardo accused Lorenzo de’ Medici *of carnality, debauchery* ... (I. Stone).

of S *-ity* : ... Lionardo accused Lorenzo de’ Medici *of carnality* ... (I. Stone).

with S *-ity*: She combined a masculine intelligence *with* a feminine *perversity* (S. Maugham).

for S *-ity*: He cursed himself *for* his *inability* to carve out in words the stone forms...(I. Stone).

from S *-ment*:...I will release you *from* any financial *embarrassment*...(Ibid.).

to S *-ness*:...where he could live quietly, secluded...*dedicate* himself *to abstemiousness* (Ibid.).

into S *-ness*: He didn’t need to hurry himself *into* *consciousness*...(C. P. Snow).

with S *-th*: Balducci was enchanted *with* its *lighthearted warmth*...(I. Stone).

Предложный вариант данной синтаксемы может быть выражен и существительным, лишенным суффиксальной морфемы:

from S: He had been saved *from* an ignominious return to Florence, *from* *defeat* (Ibid.).

Двупереходные глаголы, при которых выделяются субварианты косвенно-объектной стивной синтаксемы, образуют, подобно указанным выше двупереходным глаголам(3.1), ф у н к ц и о н а л ь н ы е р я д ы на основе двойного управления и при наличии у глаголов общей или близкой семантики и общей сочетаемости. Так, глаголы *inspire* и *fill*(в первых двух примерах), при которых отмечается субвариант с предлогом *with*, относятся к ряду двупереходных глаголов со значением надежения, наполнения, оснащения чего-либо, кого-либо чем-либо и с двойным беспредложным и предложным управлением ($V_{++} + C^1 + with + C^2$) [Мухин 1987: 203–205], а глагол *save* (в последнем примере), при котором выступает субвариант с предлогом *from*, принадлежит к ряду двупереходных глаголов со значением освобождения, избавления кого-либо, чего-либо от чего-либо, кого-либо с двойным беспредложным и предложным управлением ($V_{++} + C^1 + from + C^2$) [там же: 222–224].

Субварианты рассматриваемой синтаксемы обнаруживаются и при существительных, соотносительных с двупереходными глаголами. Примером может служить субвариант *from* S *-ness* при существительном *liberator*, который соотносится с двупереходным глаголом *liberate*, принад-

лежащим к только что упомянутому ряду двупереходных глаголов со значением освобождения, избавления кого-либо, чего-либо от чего-либо: ...Giotto, painter, sculptor, architect, who legend said had been discovered by Cimabue...and brought into his studio to become the liberator of painting from its dark Byzantine lifelessness (I. Stone).

Придавая в указанных случаях синтаксическая семантика стативности достаточно чётко и последовательно проявляется в э к с п е - р и м е н т а х , которые сводятся к трансформациям зависимых синтагм, включающих в себя исследуемые субварианты косвенно-объектной стативной синтаксемы, в предложения с родственной с т а т и в н о й синтаксемой, выраженной прилагательным со служебным глаголом в позиции сказуемого, ср.: with his confidence → He was confident; with their violence → They were violent; off his obligations → He was obliged; of his carnality, debauchery → He was carnal, debauched; with her feminine perversity → She was perverse; for his inability → He was unable; from your financial embarrassment → You were embarrassed; to his abstemiousness → He was abstemious; into his consciousness → He was conscious; with its lighthearted warmth → It was warm; from his defeat → He was defeated; from its dark Byzantine lifelessness → It was lifeless.

Одновременно с выделением субвариантов и проведением экспериментов, подчёркивающих наличие у них синтаксической семантики стативности (а не семантики акциональности, ср. 3.1), мы намечаем и группы стативных существительных или отдельные существительные (насколько позволяет имеющийся фактический материал). Такими существительными, способными служить лексической базой косвенно-объектной стативной синтаксемы, являются следующие (с той или иной морфемой второго ряда или лишённые суффиксальной морфемы): confidence, violence – obligation – debauchery – carnality, inability, perversity – embarrassment – abstemiousness, consciousness, lifelessness – warmth – defeat. Однако с этими существительными объединяются группы существительных, выделенных выше при анализе субвариантов агентивной стативной и объектной стативной синтаксем (1.3, 2.3), которые составляют подмножества или части того множества лексем, которые именуются с т а т и в н ы м и с у щ е с т в и т е л ь н ы м и (в отличие от акциональных существительных – 3.1).

Подобно этому и прилагательные в позиции сказуемого, получаемые при проведении указанных выше экспериментов и, следовательно, связанные с и с т е м н ы м и о т н о ш е н и я м и со стативными существительными, можно адекватно назвать с т а т и в н ы м и п р и л а г а т е л ь н ы м и : confident, violent, obliged, debauched, carnal, unable, perverse, embarrassed, abstemious, conscious, lifeless, warm, defeated. Они также составляют подмножество или часть того множества стативных прилагательных, к которым принадлежат и прилагательные, полу-

чаемые при проведении экспериментов с субвариантами агентивной стативной и объектной стативной синтаксем в составе соответствующих синтагм (1.3, 2.4).

Субварианты косвенно-объектной квалитативной синтаксемы

3.4. Переходя к анализу субвариантов квалитативной синтаксемы косвенно-объектного ряда с учётом используемых суффиксальных морфем третьего ряда (0.3), мы прежде всего сталкиваемся с проблемой многозначности морфем. Показательными в этом отношении являются, например, следующие субварианты с существительными, оформленными морфемами, которые играют значительную роль и у существительных в субвариантах косвенно-объектной стативной синтаксемы:

of S -ance – -ence: Then he could convince them *of the magnificence of fashioning figures in space* (I. Stone).

on S -ity: The Platonists complimented him *on his growing clarity of diction*... (Ibid).

on S -ness: ...he announced to the guests who were congratulating him *on his inventiveness* (Ibid).

Чтобы подчеркнуть, что выделенные предложные сочетания представляют субварианты именно квалитативной, а не стативной синтаксемы косвенно-объектного ряда, можно прибегнуть к экспериментам, трансформируя соответствующие зависимые синтагмы в предложения с квалитативной синтаксемой в позиции сказуемого, выраженной прилагательными, которые обычно допускают более отчётливое определение семантики квалитативности (или качества), чем существительные с предлогами: *of the magnificence of fashioning figures in space* → *Fashioning figures in space was magnificent*; *on the clarity of his diction* → *His diction was clear*; *on his inventiveness* → *He was inventive*.

При этом можно сравнить эти прилагательные с прилагательными, полученными при проведении подобных экспериментов с субвариантами рассмотренной выше стативной синтаксемы, в которых существительные оформлены теми же суффиксальными морфемами: *with his confidence* → *He was confident*; *into his consciousness* → *He was conscious*, etc. (3.3). Если последние обычно допускают возможность их употребления и со служебным глаголом *feel* (*He felt confident*; *He felt conscious*), то первым прилагательным это не свойственно. Следовательно, здесь наблюдается такое же соотношение между стативными и квалитативными прилагательными, как и при изучении субвариантов стативных и квалитативных синтаксем агентивного и объектного рядов (1.3–1.4, 2.3–2.4).

Выделенные здесь квалитативные (или качественные) прилагательные *magnificent, clear, inventive* объединяются с указанными выше квалитативными прилагательными. Подобно этому и соотносительные с ними существительные в упомянутых субвариантах косвенно-объектной квалитативной синтаксемы объединяются с указанными выше квалитативными существительными (1.4, 2.5). Нужно также заметить, что субварианты данной синтаксемы обычно употребляются при двухпереходных глаголах, образующих функции на основе двойного управления при наличии у них общей или близкой лексической семантики и общей сочетаемости. Так, глаголы *compliment, congratulate*, при которых выступают субварианты косвенно-объектной квалитативной синтаксемы в последних двух примерах, принадлежат к ряду двухпереходных глаголов со значением ‘поздравлять’, ‘хвалить’ (кого-либо) с двойным беспредложным и предложным управлением ($V_{+T} + C^1 + on/upon + C^2$) [Мухин 1987: 232].

Собственно косвенно-объектная синтаксема

3.5. В отличие от указанных косвенно-объектных синтаксем, акциональной, пассивной акциональной, стивной и квалитативной, собственно косвенно-объектная синтаксема реализуется на базе существительных, оформленных самыми различными суффиксальными морфемами (или лишенных их), не говоря уже о местоимениях. Среди суффиксальных морфем, которыми оформлены существительные в субвариантах данной синтаксемы, имеются и морфемы, упоминавшиеся уже выше в связи с выделением субвариантов других косвенно-объектных синтаксем, в частности акциональной (3.1.). Таковы, например, морфемы *-age, -ance, -ing* у существительных *marriage* ‘брак’, ‘супружество’, *inheritance* ‘наследство’, ‘наследственное имущество’, *drawing* ‘рисунок’, ‘набросок’:

from S -age: War had saved him from the frustrated marriage (C.P. Snow).

of S -ance: "...Besides, he says he would rather go to the Stinch than deprive us of our last inheritance". ... "Our last inheritance, a house? Our last inheritance is the Buonarroti name. We've got to protect it" (I. Stone).

with S -ing: He filled one canvas bag with his drawings, another with his personal things (Ibid).

В таких случаях морфемы не имеют значения действия, и соответствующие существительные (ср.1.5) не допускают проведения экспериментов с трансформацией зависимой синтагмы в предложение с акциональной синтаксемой, выраженной глаголом (*marry, inherit, draw*) в позиции сказуемого: *from his frustrated marriage* →; *of our last inheritance* →; *with his drawings* →. Однако это, видимо, не означает, что рас-

сматриваемая синтаксема не имеет субвариантов с существительными, оформленными суффиксальными морфемами. Так, к каждому из упомянутых трёх субвариантов могут быть отнесены и некоторые другие существительные с той же суффиксальной морфемой (не имеющей значения действия).

Выделение подобных субвариантов косвенно-объектной синтаксемы может способствовать более точному определению её лексической базы, которая имеет много общего с лексической наполняемостью собственно агентивной или объектной синтаксемы (1.5, 2.5). При этом, конечно, нужно учитывать, при глаголах каких рядов употребляются те или иные субварианты синтаксемы. В частности, глаголы *save* в первом примере и *fill* в третьем принадлежат к разным рядам двупереходных глаголов (упоминавшихся выше – 3.3): со значением освобождения, избавления кого-либо, чего-либо от чего-либо с двойным беспредложным и предложным управлением ($V_{tr} + C^1 + from + C^2$) или со значением наделения, наполнения, оснащения чего-либо, кого-либо чем-либо с двойным беспредложным и предложным управлением ($V_{tr} + C^1 + with + C^2$).

Глава 4. Функциональные ряды морфем и синтаксемы иных оппозитивных рядов

Взаимодействие морфем, синтаксем и лексем

4.1. Взаимодействие рассматриваемых в данной работе функциональных рядов морфем с синтаксемами вовсе не ограничивается указанными выше тремя оппозитивными рядами (главы 1–3). В этом можно убедиться на примерах соответствующих синтаксем (выраженных существительными с морфемами либо первого, либо второго, либо третьего ряда) многих других оппозитивных рядов, упомянутых нами в книге «Функциональный синтаксис». Укажем здесь синтаксемы лишь некоторых рядов, таких как:

экзистенциальный, или бытийный, ряд (в позиции подлежащего), ср.: экзистенциальную акциональную синтаксему (ExsAc): Perhaps there were some *instructions* among her papers (C. P. Snow). There was a hurried *movement* from the outside hall (I. Stone). “There has been *grumbling* over your closed doors”... (Ibid); экзистенциальную стативную (ExsSt): There was a major *satisfaction* in seeing enemies walk into a trap (C. P. Snow). ... there was serious *apprehension* about the mountains above Pietro santa (I. Stone). It was not her fault if her only talent or *excitement* was for cooking (Ibid); экзистенциальную качественную (ExsQlt): There was about his whole manner a Napoleonic *abruptness*... (J. B. Priestley). “... you think *the importance* of a church is in its art works” (I. Stone);

классифицирующий ряд (в позиции сказуемого), ср.: классифицирующую акциональную синтаксему (ClAc): That’s a very reasonable *explanation*’ (S. Maugham). It was a happy *departure*, after all... (I. Stone). That was an *understatement* (C.P. Snow); классифицирующую стативную: He did get bored easily. That was a *weakness*, and she had to watch it (Ibid.). Lorenzo seemed weary. Bringing Savonarola to Florence *had been* a mistake and a *disappointment* (I. Stone); классифицирующую качественную: “Whatever else you may lack for, it *isn’t modesty*” (Ibid.);

идентифицирующий ряд (в позиции сказуемого), ср.: идентифицирующую акциональную синтаксему (IdAc): Drawing and models *were* his *thinking*. Carving *was action* (Ibid.). “Land *is the only safe investment*” (Ibid.); идентифицирующую стативную (IdSt): “...I am jealous of what *will ultimately be your ability* to draw” (Ibid.). And for him, the feel of marble *was the supreme sensation* (Ibid.).

Большим многообразием отличаются синтаксемы в зависимой позиции, образующие свои оппозитивные ряды (темпоральный, локативный, медиативный, инструментальный, каузальный, финальный, комита-

тивный и другие ряды) [Мухин 1999: 107–132]. Особенно примечательны в этом отношении темпоральные синтаксемы, составляющие многочисленный **темпоральный ряд**, который включает в себя, в частности: темпоральную акциональную синтаксему (TmpAc): It wouldn't be very nice to be a bridesmaid at Doris's *wedding* (S. Maughan); темпоральную anteriорную акциональную (TmpAnAc): He... snaked its way westward *before returning* to the Arno (I. Stone); темпоральную постериорную акциональную (Tmp PstAc): *After that peculiar denunciation...* Madge Ashbrook stared across at Humphrey... (C.P. Snow); темпоральную инцептивную акциональную (TmpIncpAc): This is the first major commission... *since the coming* of Savonarola (I. Stone); темпоральную терминативную акциональную (TmpTrmAc): "Piero says the Ridolfi family will be displeased if we see each other again.... Not *until after* my *marriage*, at least" (Ibid.); темпоральную пассивную акциональную (TmpPsvAc): Michelangelo grimaced *at the accusation* (Ibid.). ...and when *at the completion* of the section, utterly spent, he had Michi pull his boots off for him (Ibid.); темпоральную постериорную пассивную акциональную (TmpPstPsvAc): Pope Clement 7 sent word immediately *after* his *coronation* ... (Ibid.). She had no idea when or where they had first met till *after* their *engagement* he told her that it was at a dance... (S. Maughan); темпоральную стативную (TmpSt); *During* his *absence* his son Piero would be in charge (I. Stone). She had nursed Lodovico *during* a recent illness (Ibid); темпоральную постериорную стативную (TmpPstSt): *After a silence*, Michelangelo asked... (Ibid.); темпоральную квалитативную (TmpQlt): Her eyes flashed with the anger he remembered flashing up at his other obstinacies (Ibid.); ср. также темпоральную инцептивную квалитативную синтаксему (TmpIncpQlt): ... Leonardo's was the most perfect face to appear in Florence *since the golden beauty* of Pico della Mirandola (Ibid.).

4.2. По условиям места мы ограничиваемся здесь лишь единичными или несколькими примерами синтаксем в каждом из указанных оппозитивных рядов. Однако и они являются показательными в отношении рассматриваемых в данной работе функциональных рядов морфем. Эти ряды включают в себя упомянутые во введении (0.3) морфемы со значением действия, состояния или качества, а также соответствующие морфемы, добавленные к ним в каждой из первых трёх глав (1.1, 1.2, 2.1, 2.2, 3.1, 3.2; 1.3, 2.4, 3.3; 1.4, 2.5, 3.4). К **первому ряду** можно отнести -age, -al, -ance, -ation, -ing, -ism, -ment, -our, -th, -tion, -ture, -ure, -y; к **второму**: -ance – -ence, -ancy – -ency, -ation, -cy, -dom, -ery, -ity, -ment, -ness, -our,

-ship, -th, -tion, -ture, -ude – -itude, -ure; к **третьему**: -ance – -ence, -ancy – -ency, -cy, -sy, -dom, -ism, -ity, -ness, -our, -ude – -itude, -y.

Морфемы каждого из этих трех функциональных рядов не совсем равнозначны. Среди них выделяются, с одной стороны, морфемы, характерные именно для данного ряда, с другой – морфемы, способные представлять и другой или другие ряды (хотя и в разной степени). Например, характерные для первого ряда морфемы -ation, -tion, -ment нередко (в отличие от -ing) используются и как морфемы второго ряда (1.2, 2.4). Это, впрочем, не говорит об отсутствии у деривационных морфем морфологической семантики.

О своеобразии последней можно судить и по многочисленным фактам параллелизма субстантивных лексем, оформленных суффиксальными морфемами одного и того же функционального ряда. На часто реализуемую возможность использования одной суффиксальной морфемы вместо другой морфемы того же ряда мы не могли не обратить внимания во введении, а также в первой главе (0.4, 1.1, 1.3, 1.4). Однако решающим доводом в пользу признания семантики действия, состояния или качества у деривационных морфем, рассматриваемых в настоящей работе, является установление их взаимодействия с акциональными, стативными или качественными синтаксемами различных оппозитивных рядов.

В полную меру это касается и синтаксем в только что указанных оппозитивных рядах, в частности, в последнем многочисленном темпоральном, где выделение или уточнение соответствующих синтаксем (акциональных или пассивных акциональных, стативных или качественных) может производиться с помощью тех же экспериментов:

at Doris's wedding → Doris wedded; before his returning → He returned; after her peculiar denunciation → She denounced; since the coming of Savonarola → Savonarola came; until after my marriage → I married;

at his accusation → He was accused; at the completion of the section → the section was completed; after his coronation → He was coronated; after their engagement → they were engaged;

during his absence → He was absent; during his illness → He was ill; after his silence → He was silent;

at his other obstinacies → he was obstinate.

Изучая выше (гл. 1, 2, 3) взаимодействие функциональных рядов морфем с синтаксемами агентивного, объектного и косвенно-объектного рядов с помощью экспериментов, мы выделяли или намечали группы существительных, составляющих лексическую наполняемость этих синтаксем. Соответственно и здесь, имея в виду приведенные примеры экзистенциальных, классифицирующих, идентифицирующих и других синтаксем (4.1), можно выделить группы акциональных, стативных и качественных существительных, на базе которых реализуются синтаксемы указанных оппозитивных рядов.

Так, к группе акциональных существительных относятся следующие, оформленные морфемами первого функционального ряда: accusation, action, coming, completion, coronation, denunciation, departure, engagement, explanation, grumbling, instruction, investment, movement, returning, thinking, understatement, wedding; к группе стативных существительных, оформленных морфемами второго ряда, принадлежат ability, absence, apprehension, disappointment, excitement, illness, satisfaction, sensation, silence, weakness; к группе качественных существительных с морфемами третьего функционального ряда – abruptness, beauty, importance, modesty, obstinacy.

Эти группы объединяются с соответствующими группами существительных, выделенных в предшествующих трёх главах, образуя с ними множества лексем – акциональных, стативных или качественных существительных, находящихся в системных отношениях, соответственно, с акциональными глаголами, стативными или качественными прилагательными, с которыми мы имеем дело в позиции сказуемого при проведении экспериментов с зависимыми синтагмами, как в только что приведенных примерах (а также в многочисленных примерах, содержащихся в предыдущих трех главах).

О субрядах морфем и синтаксем

4.3. Говоря о функциональных рядах морфем, мы до сих пор ничего не сказали о субрядах морфем в их составе, хотя отметили некоторые различия между морфемами одного и того же ряда, охарактеризовав их как не совсем равнозначные (4.2). Морфемы образуют субряд, когда при наличии общей морфологической семантики, объединяющей их с остальными членами ряда, они используются и как морфемы другого функционального ряда. Так, упомянутые выше морфемы первого ряда -action, -ment, -th, -tion, -ture (там же) используются и в качестве морфем второго ряда. Это значит, что, относя эти морфемы к числу морфем действия и выделяя их в отдельный субряд, мы одновременно определяем их и как образующие субряд в составе морфем состояния, т.е. морфем второго ряда.

Аналогично этому морфемы -ity и -ness выступают в составе морфем и второго, и третьего ряда, образуя субряды морфем состояния и качества. Что же касается морфем -ance – -ence и -our, то они, по нашим данным, отмечаются в составе морфем всех трех функциональных рядов, образуя субряды морфем действия, морфем состояния и морфем качества. Для более точного знания

требуется, однако, более глубокое исследование с применением статистических методов.

Однако необходимость выделения субрядов элементарных (неделимых) единиц языка возникает не только при изучении морфем. И при изучении элементарных синтаксических единиц-синтаксем мы также нередко стоим перед необходимостью выделения их субрядов. Между прочим, касаясь многочисленного темпорального ряда в данной главе (4.1), мы фактически выделили в этом ряду несколько субрядов синтаксем, отнеся к одному из них вместе с собственно темпоральной акциональной синтаксемой темпоральную anteriornую акциональную, темпоральную posteriornую акциональную, темпоральную инцептивную акциональную и темпоральную терминативную акциональную синтаксем. Таким образом, при наличии у этих синтаксем общей для них с и н т а к с и ч е - с к о й с е м а н т и к и темпоральности и акциональности, или, иначе, общих для них синсемантических признаков темпоральности и акциональности, они образуют субряд темпоральных акциональных синтаксем. Другими приведенными там же субрядами синтаксем темпорального ряда являются субряд темпоральных пассивных акциональных, субряд темпоральных стативных и субряд темпоральных квалитативных синтаксем.

Ранее, изучая синтаксем темпорального, а также локативного ряда, мы выделили в первом ряду темпоральный квантитативный субряд, отнеся к нему, в частности, темпоральные anteriornую и posteriornую квантитативные синтаксем (с их различными системами вариантов), имеющие два общих синсемантических признака: *Why didn't you come an hour earlier...* (S. Maugham). *The explanation came a week later* (Ibid.) [Мухин 1999: 109–110, 112]. В пределах же локативного ряда были выделены четыре субряда, каждый из которых включает в себя синтаксем, обладающие также двумя общими для них синсемантическими признаками. Это – локативный терминативный субряд, локативный инцентивный, локативный интериорный и локативный экстериорный субряды [там же: 120].

О субрядах лексем

4.4. Нельзя не коснуться здесь и вопроса о рядах и субрядах глагольных лексем, в частности субрядах о д н о п е р е д н ы х г л а г о - л о в , которые часто образуются в пределах ф у н к ц и о н а л ь н ы х рядов , подобных тем, которые мы затронули выше во второй главе при изучении субвариантов объектных синтаксем. Там же мы сделали существенное уточнение относительно самих этих функциональных рядов, которые ранее неточно именовались «лексико-семантическими группами» (ср. 2.1). Лексико-семантический фактор играет, конечно, большую роль в формировании функциональных рядов и субрядов пере-

ходных глаголов. Однако основную, ведущую роль играет управление, которое и предопределяет собой возможность опоры при исследовании на методы моделирования и эксперимента и позволяет определить переходность как лексико-синтаксическое свойство, проявляющееся в способности глагола к управлению, с одной стороны, и, с другой – в наличии или возможности наличия при глаголе в предложении объекта или, точнее, объектной синтаксемы, обозначающей предмет, на который переходит действие переходного глагола [Мухин 2002а: 112].

С опорой на указанные методы исследуются и интересующие нас здесь субряды переходных глаголов. Среди последних особенно примечательными являются однопереходные глаголы с вариативным предложным или беспредложно-предложным управлением, которые часто образуют тот или иной субряд вследствие того, что не все глаголы, относящиеся к определенному функциональному ряду, разделяют вариативное управление в полном его объеме [Мухин 1987: 160 и сл.]. Такой ряд составляют, в частности, упоминавшиеся выше однопереходные глаголы со значением взгляда на кого-либо, что-либо (2.1), для которых характерно вариативное предложное управление, отражаемое в модели $V_{tr} + at / on / upon + C$: beam, blink, frown, gaze, glance, look, etc. (всего в ряду – около 30 глаголов). Некоторые глаголы этого ряда, однако, фактически управляют только посредством предлога at (являющегося основным предлогом управления и у остальных членов данного ряда). Тем самым они обуславливают необходимость выделения субряда с предложным управлением $V_{tr} + at + C$, который включает в себя такие глаголы, как gawk *диал.*, goggle, leer, peek, peep, twinkle, а также gawp, goof (из сленга).

Как мы отмечали ранее [там же: 162–163], при наличии указанных расхождений в отношении вариативного управления глаголы составляют единый функциональный ряд однопереходных глаголов, объединенных общностью или близостью лексической семантики и общей сочетаемостью с дополнениями. Функциональное единство глаголов этого ряда находит выражение в их системных отношениях с однокорневыми существительными (beam, gaze, glance, etc.), которые в равной мере управляют посредством предлога at, отчасти с помощью on, upon, и, следовательно, также могут быть определены как переходные лексемы или, точнее, переходные существительные (S_{tr}). Отсюда при выделении данного функционального ряда однопереходных глаголов возникает возможность прибегнуть к методу эксперимента, который приобретает форму трансформации глагольной фразы в субстантивную ($V_{tr} + at + C \rightarrow S_{tr} + at + C$), ср.: to gaze at sth \rightarrow a gaze at sth, to glance at sth \rightarrow a glance at sth, to look at sth \rightarrow a look at sth и т.д. Впрочем, эксперименты в таких случаях можно истол-

ковать и как замены в глагольных фразах переходного глагола однокорневым существительным со значением взгляда на кого-либо, что-либо.

Однопереходные глаголы указанного функционального ряда в отношении вариативного предложного управления подобны однопереходным же глаголам со значением атаки, нападения на кого-либо, что-либо [там же: 163–165], которые также образуют отдельный функциональный ряд, включающий в себя и глагольно-местоименные фраземы *fling oneself, hurl oneself, throw oneself* [ср. глагольно-наречные фраземы, которые внешне напоминают фразы, но реализуются в предложениях подобно лексемам: Мухин 1976: 226–229].

4.5. Особого внимания заслуживают проведенные здесь эксперименты, сводящиеся к трансформациям глагольных фраз в субстантивные. Их следует сопоставить с экспериментами, которые мы проводили выше при изучении синтаксиса агентивного и других оппозитивных рядов, которые обычно сводятся к трансформациям вычленяемых из предложений синтагм в предложения с родственной синтаксемой в позиции сказуемого (ср. 0.3, 1.1 и др.). В отличие от таких экспериментов, имеющих синтаксический характер, проводимые здесь эксперименты являются чисто лексическими, поскольку как глагольные, так и субстантивные конструкции состоят из лексем. В этой связи нельзя не заметить разницы между служебными элементами в тех и других конструкциях: в синтагмах служебными элементами являются предлоги, которые при проведении экспериментов могут опускаться или вводиться, а также связки, используемые обычно в позиции сказуемого; в глагольных же и других фразах такими элементами служат частица *to* при глаголе в форме инфинитива и артикль при существительном (субстантивной лексеме).

С лексическими явлениями мы имеем дело и при проведении экспериментов, когда исходными являются глагольные фразы с двухпереходными глаголами, которые также образуют функциональные ряды, подобные тем, которые упоминались в третьей главе и в пределах которых также формируются те или иные субряды. Так, двухпереходные глаголы со значением освобождения, избавления кого-либо, чего-либо от чего-либо, кого-либо составляют функциональный ряд, для членов которого характерно двойное беспредложное и вариативное предложное управление $V_{tr} + C^1 + from / of + C^2$: *absolve, acquit, cleanse, clear, deliver, discharge, disembarass, disengage, exempt, extricate, free, liberate, etc.* (все в ряду – свыше 30 глаголов) [Мухин 1987: 222–225]. Однако некоторые глаголы этого ряда, такие как *defer, disentangle, dispense, emancipate, excuse, exonerate, reclaim, redeem, relieve, rescue, retrieve, save*, фактически обнаруживают беспредложное и предложное управление посредством лишь предлога *from* (по модели $V_{tr} + C^1 + from + C^2$). Следовательно, такие глаголы также образуют субряд в пределах указанного функционального ряда.

Аналогичное положение вещей наблюдается и в следующих двух рядах двупереходных глаголов. Один из них включает в себя глаголы со значением требования или (настоятельной) просьбы, для которых характерно беспредложное и вариативное предложное управление $V_{tr} + C^1 + from / of + C^2$: *crave, demand, exact, implore, seek, solicit, etc.* В другой ряд входят двупереходные глаголы с беспредложным и вариативным предложным управлением $V_{tr} + C^1 + from / against + C^2$, которые имеют значение защиты кого-либо, чего-либо от кого-либо, чего-либо: *defend, guard, insure, preserve, protect, secure, etc.* Однако в пределах того и другого ряда выделяются и глаголы, которым фактически не свойственно вариативное управление, т.е. управляющие вторым дополнением только посредством предлога *from*, который является основным предлогом управления и для остальных членов этих двух рядов. Следовательно, в том и другом ряду также устанавливается субряд двупереходных глаголов с управлением $V_{tr} + C^1 + from + C^2$ [там же: 225–228].

При наличии некоторых расхождений в управлении (вариативное предложное – невариативное предложное управление) у глаголов указанных трёх функциональных рядов каждый ряд сохраняет единство, что отчетливо проявляется в системных отношениях членов ряда – двупереходных глаголов с однокорневыми существительными, которые также могут именоваться двупереходными лексемами или, точнее, двупереходными существительными, поскольку им свойственно двойное управление (при наличии у них общей или близкой лексической семантики и соответствующей сочетаемости с дополнениями). Отсюда возникает возможность проведения экспериментов, сводящихся к трансформации глагольной фразы в субстантивную, как, например, при изучении двупереходных глаголов первого из упомянутых трех рядов ($V_{tr} + C^1 + from + C^2 \rightarrow S_{tr} + of + C^1 + from + C^2$): *to absolve sb from sin \rightarrow absolution of sb from sin, to deliver a captive from death \rightarrow delivery of a captive from death, to disengage sb from influence \rightarrow disengagement of sb from influence, etc.* или при изучении глаголов третьего ряда ($V_{tr} + C^1 + from / against + C^2 \rightarrow S_{tr} + of + C^1 + from/against + C^2$): *to protect a person from /against danger \rightarrow protection of a person from /against danger, to secure a village from /against floods \rightarrow security of a village from /against floods, etc.* [там же: 224, 228].

Между прочим, проведенные эксперименты, позволяющие подчеркнуть единство того или иного функционального ряда переходных глаголов, вносят уточнение в сделанное выше допущение, что эксперименты этого рода можно истолковать и как замены во фразе переходного глагола однокорневым существительным (4.4). Такое допущение является возможным только тогда, когда глагол и существительное имеют одинаковое управление; в рассматриваемых же здесь случаях глагол имеет беспредложное управление (первым дополнением), а существительное –

предложное управление (посредством предлога of). Поэтому мы говорим именно о трансформациях глагольных фраз в субстантивные (с соответствующим управлением, постоянным у всех или большинства существительных данного ряда), а не о заменах.

Нужно также заметить, что изучение функциональных рядов и субрядов переходных глаголов имеет большое значение для перевода, рассматриваемого как одна из важнейших сфер приложения лингвистического анализа [Мухин 1987: 31], так как с этими рядами и субрядами глагольных лексем связаны широкие возможности выбора необходимого для перевода лексического материала с его различными стилистическими особенностями. Ниже в связи с проблемами перевода мы коснемся и синтаксических возможностей выбора, заложенных в синтаксических категориях состояния и качества, которые намечал еще Л.В.Щерба как "части речи" в русском языке (5.9).

Составляя функциональные ряды и субряды, переходные глаголы служат лексической базой синтаксем акционального и особенно пассивного акционального ряда, которые, как и сами переходные глаголы, дают возможность проводить сопоставительные (сравнительные) исследования на системной основе с опорой на методы эксперимента и моделирования, в равной мере применимые к сопоставляемым языкам, будь то английский или русский, или латинский язык и т.д. [Мухин 2002а: 109–117]. Указанной их ролью как средств выражения определенных синтаксем объясняется и само их наименование – именно как функциональных рядов и субрядов переходных глаголов.

Глава 5. Три важнейшие синтаксические категории (акциональные, стативные и качественные синтаксемы)

Акциональная синтаксическая категория

5.1. Как отмечалось в конце введения, в данной главе нам необходимо несколько полнее рассмотреть акциональные, стативные и качественные синтаксемы, причем не только в позиции сказуемого, где они выражены с помощью личных форм глагола (включая формы служебных глаголов). Этого нельзя было сделать в предшествующих главах, где отчасти упоминались соответствующие синтаксемы в позиции сказуемого в связи с проводимыми там экспериментами. Здесь представляется необходимым устранить и неточности, которые мы допустили в предыдущих двух монографиях при выделении трех важнейших синтаксических категорий – акциональной, стативной и качественной (на что также было указано в конце введения). Эти неточности заключаются в том, что к последним были отнесены главным образом синтаксемы какого-нибудь одного функционального класса: к акциональной синтаксической категории – процессуальные синтаксемы, к стативной и качественной – в основном квалификативные синтаксемы (0.5) [о функциональных классах и классообразующих признаках синтаксем см.: Мухин 1995: 25 и сл.; 1999: 6, 20].

Рассмотрение синтаксем этой категории начнем здесь с акциональной синтаксемы в зависимой позиции, которая относится к тому же функциональному классу субстанциальных синтаксем, что и рассмотренные в предшествующих главах синтаксемы агентивного, объектного и косвенно-объектного рядов. Подобно всем этим субстанциальным синтаксемам, также используемым в зависимой позиции, данная синтаксема выражена такими существительными, которые оформлены суффиксальными морфемами первого функционального ряда (0.3). Следовательно, и здесь перед нами возникает задача изучения взаимодействия синтаксем с суффиксальными морфемами первого функционального ряда.

Соответственно, как и в предыдущих случаях (ср. 1.1, 2.1–2.2, 3.1), мы устанавливаем наличие субвариантов субстанциальной синтаксемы, к числу которых относятся следующие предложные субварианты при существительных:

of S -al : He turned back to his work, the automatic gesture *of dismissal* for an apprentice (I. Stone). Kitty felt that the Superior's eyes held her in a long and unembarrassed look *of appraisal* (S. Maugham). ... but Mrs Garstin observed, with a grim smile *of approval*, that ... (Ibid.).

of S -ance – -ence: But a boy ... gave her a broad smile *of connivance* (Ibid.). Over the mild winter he secured a reprieve ... by a series of excuses which amused Leo sufficiently to give him the high favor *of abstinence* (I. Stone).

of S -ation: There were cries *of congratulation* (Ibid.). ... while Michelangelo composed scene after scene in a fever *of composition* ... (Ibid.).

of S -ing: ... and it was the first time Michelangelo had been close to him since the day of Contessina's *wedding* (Ibid.). "Three years of carving draperies. And never once a figure *of my own choosing*" (Ibid.). Crossing Florence or Rome after a day *of furious carving* ... he had been an object of concern ... (Ibid.). Prepare yourself for a life-time *of sculpturing*" (Ibid.).

of S -tion: Humphrey gave another smile *of recognition* (C.P. Snow). These minutes *of perception* changed the relationship (I. Stone). Young Lorenzo had been sent to Tuscany with a letter *of instructions* formulated by Giulio ... (Ibid.). Now in a high rage Lionardo accused Lorenzo de' Medici ... of leaving the palace ... to nights *of revelry* and *seduction* of young women (Ibid.).

of S -y: ... and there was a sound *of discovery* ... (C.P. Snow).

Как показывают приведенные примеры, при существительных у субвариантов синтаксемы могут быть зависимые от них элементы или конструкции: существительное в родительном падеже, притяжательное местоимение или прилагательное (*of Contessina's wedding*, *of my own choosing*, *of furious carving*), сочетание с предлогом или причастная конструкция (*of ... seduction of young women*, *of instructions formulated by Giulio*), etc. Возможность употребления подобных зависимых элементов или конструкций является характерной особенностью существительных, представляющих синтаксемы субстанциального класса [Мухин 2002а: 29–33]. Наличие или возможность употребления одного из двух первых указанных элементов позволяет нам проводить эксперименты, подчеркивающие семантику акциональности синтаксем (как и у синтаксем, рассмотренных в первых трех главах – 1.1, 2.1–2.2, 3.1): *of Contessina's wedding* → *Contessina wedded*, *of my choosing* → *I chose*, etc.

Выделение указанных субвариантов дает возможность наметить группу акциональных существительных (с подгруппами), оформленных соответствующими суффиксальными морфемами, которые составляют лексическую базу варианта *of S* рассматриваемой синтаксемы: *appraisal*, *approval*, *dismissal* – *connivance*, *abstinence* – *composition* – *carving*, *choosing*, *sculpturing*, *wedding* – *instruction*, *perception*, *recognition*, *seduction* – *discovery*. Однако вариант *of S* реализуется и на базе существительных, лишенных суффиксальной морфемы, например *praise*: *He had said no word ... either of praise or criticism ...* (I. Stone). "Isn't it amusing that fun-loving Sebastiano could have accomplished this transition by improvising verses *of praise* to my vault ... ?" (Ibid.).

Данная акциональная синтаксема в зависимой позиции имеет и другой предложный вариант – *in S*, который употребляется как при существительных, так и при глаголах. Он также может быть выражен существительными, оформленными суффиксальными морфемами первого функционального ряда, которые предопределяют собой наличие, например, следующих субвариантов синтаксемы:

а) (при существительных) *in S -ment*: Could he carve Matthew in an upward spiraling *movement* ... ? (I.Stone); *in S -tion*: Michelangelo sketched their supple limbs *in action* (Ibid.);

б) (при глаголах) *in S -ment*: The hot summer months passed *in fulfilment* ... (Ibid.); *in S -ation, in S -tion*: Even now ... they were in friendly *competition* with the Medici ... (Ibid.); Torrigiani was always *in motion* ... (Ibid.). В этих двух последних примерах субварианты зафиксированы при глаголе *be*, представляющем экзистенциальную синтаксему в позиции сказуемого.

Как и при выделении указанных выше субвариантов с предлогом *of*, здесь возникает возможность наметить группу существительных (с подгруппами, оформленными суффиксальными морфемами первого ряда), которые составляют лексическую базу варианта *in S*: *fulfilment, movement – competition – action, motion*. Эта группа включает в себя и существительные, лишённые суффиксальной морфемы, например *quest* в случае: He started over again, searching for a Matthew who would symbolize man *in his tortuous quest* for God (I. Stone).

Вместе с указанными выше акциональными существительными в субвариантах с предлогом *of* эта группа образует объединение лексем, на базе которых реализуется акциональная синтаксема в зависимой позиции. Более того, та и другая группа объединяются с выделенными в предшествующих главах группами акциональных существительных, составляя с ними множество субстантивных лексем, обеспечивающих возможность реализации различных акциональных синтаксем в зависимой позиции – агентивной акциональной (1.1) или объектной акциональной (2.1-2.2), или косвенно-объектной акциональной (3.1), или рассматриваемой здесь акциональной синтаксемы.

5.2. В зависимой позиции находим и акциональную синтаксему из класса процессуальных синтаксем в ее двух вариантах, выраженных глаголами в форме герундия с предлогом *of* или *in* (*of V_{gr}, in V_{gr}*): ... he found fresh truths and ways *of expressing* them in simple bold lines ... (I. Stone). He carved the Cupid anyway, for the joy *of working* in the white marble and *breathing* its dust (Ibid.). The city's pleasure *in elevating* its first Pope had been soured by the fact that ... (Ibid.). *Salviati* ... offered his services *in setting up* a workable agreement (Ibid.).

В отличие от существительных с предлогом *of* или *in*, сочетания герундия с теми же предлогами являются лишь позиционными вариантами процессуальной акциональной синтаксемы, основные варианты которой употребляются в позиции сказуемого. В этом заключается существенная разница между сочетаниями герундия с предлогами *of*, *in*, с одной стороны, и, с другой – сочетаниями существительных с теми же предлогами, представляющими в зависимой позиции с у б с т а н ц и а л ь н у ю а к ц и о н а л ь н у ю синтаксему (в ее вариантах *of S*, *in S*), которая не употребляется в позиции сказуемого. Указанное различие проявляется и в непосредственном окружении вариантов той и другой синтаксемы: для вариантов субстанциальной синтаксемы характерно наличие или возможность употребления при существительном упомянутых выше элементов или конструкций (5.1), которые не употребляются (особенно сочетание с предлогом *of* или прилагательное) при герундии у вариантов процессуальной синтаксемы.

Основные варианты этой последней синтаксемы в позиции сказуемого выражены личными формами глагола прошедшего, настоящего или будущего времени (V_p , V_{pr} , V_f). Из них первый вариант неоднократно использовался выше при проведении экспериментов с синтагмами, образованными на основе агентивной акциональной (1.1), объектной акциональной (2.1) или косвенно-объектной акциональной синтаксемы (3.1), хотя временные различия не имеют существенного значения при установлении синтаксической семантики глаголов, а также существительных или их сочетаний с предлогами в предложениях. Это обстоятельство позволяет определить принадлежность к акциональной синтаксеме в позиции сказуемого и различных синтаксически неделимых сочетаний [ср.: Мухин 1999: 22–25].

Данная синтаксема, как, впрочем, и другие процессуальные акциональные синтаксемы, с которыми она образует в позиции сказуемого оппозитивный акциональный ряд (рассмотренный нами в только что упомянутой работе), часто выражена акциональными глаголами, которые находятся в системных отношениях с однокорневыми акциональными существительными, составляющими лексическую базу субстанциальной акциональной синтаксемы (5.1). К этой группе глаголов относятся *act*, *abstain*, *appraise*, *approve*, *carve*, *choose*, *complete*, *compose*, *congratulate*, *connive*, *discover*, *dismiss*, *fulfill*, *instruct*, *move*, *perceive*, *praise*, *quest*, *recognize*, *sculpture*, *reduce*, *wed*. Все эти акциональные глаголы намеряемой группы объединяются в одном множестве с соответствующими глаголами, полученными выше при проведении экспериментов с синтагмами, образованными на основе агентивной акциональной (1.1) или объектной акциональной (2.1–2.2), или косвенно-объектной акциональной (3.1).

Однако акциональная синтаксическая категория включает в себя и квалификативную акциональную синтаксему, средствами выражения которой в позиции сказуемого, а также в зависимой позиции при существительных служат акциональные прилагательные, в том числе такие, которые соотносятся с упомянутыми выше однокорневыми акциональными существительными (5.1) и с только что приведенными акциональными глаголами: *active*, *abstinent*, *competitive*, *instructive*, *perceptive*, *seductive*, etc. Некоторые из акциональных прилагательных намечаемой группы мы находим в примерах, приведенных в таких фундаментальных словарях, как Longman 1978 и "Большой англо-русский словарь" 1972: Although he is over 70 he is still *active*. He leads an *active* life; Jane's a very *competitive* person; *instructive* lecture, *instructive* books; *perceptive* organs; a woman's *seductive* voice, *seductive* music, *seductive* sounds, etc.

Кроме адъективного варианта эта синтаксема имеет и адвербиальный вариант, который употребляется при глаголах (подобно тому как второй из двух вариантов рассмотренной выше субстанциальной акциональной или процессуальной акциональной синтаксемы в зависимой позиции употребляется обычно при глаголах, а первый – при существительных). При этом акциональные наречия, представляющие данный вариант синтаксемы, соотносятся с однокорневыми акциональными существительными или глаголами (составляющими лексическую базу субстанциальной акциональной или процессуальной акциональной синтаксемы, см. выше). Таковы, в частности, наречия *actively*, *approvingly*, *competitively*, *instructively*, *perceptively*, *seductively* (to smile *seductively*, etc.).

Итак, акциональная синтаксическая категория как одна из трех важнейших синтаксических категорий возникает на основе синтаксем всех трех функциональных классов: субстанциального, процессуального и квалификативного. Изучение субстанциальной акциональной синтаксемы (5.1) позволяет установить ее взаимодействие с суффиксальными морфемами первого функционального ряда (0.3) и одновременно наметить группу акциональных существительных, которые находятся в системных отношениях с другими существительными (1.1, 2.1–2.2, 3.1), образуя с ними единое множество лексем. Аналогично намечаются группы акциональных глаголов или прилагательных, а также наречий, на базе которых реализуется процессуальная акциональная или квалификативная акциональная синтаксема.

Стативная синтаксическая категория

5.3. Изучение этой важнейшей синтаксической категории мы начнем с синтаксемы, относящейся к функциональному классу субстанциальных синтаксем, т.е. с субстанциальной стативной синтаксемой, которая также представлена в зависимой позиции двумя вариантами: при существительных с предлогом *of* (*of S*) и, значительно шире, при глаголах с предлогом *in* (*in S*). Из всех синтаксем данной категории только она имеет отношение к поставленной выше задаче изучения взаимодействия синтаксем с суффиксальными морфемами существительных (0.3). В отличие от акциональной синтаксемы того же субстанциального класса (5.1), для рассматриваемой стативной синтаксемы характерно взаимодействие с морфемами второго функционального ряда (ср. также 1.3, 2.4, 3.3). Это дает нам возможность выделить, например, следующие варианты синтаксемы с предлогом *of*:

of S -ance – -ence: The Arrabbiati ...were the men *of* wealth and *experience*... (I. Stone). There was a moment *of* *silence* (Ibid.).

of S -ation: Tears *of* *frustration* walled in Michelangelo's eyes (Ibid.).

of S -ity: He ...worked briefly ... in an early period *of* *prosperity* (Ibid.). As he walked the familiar streets he felt an air *of* *hostility* and suspicion (Ibid.). Meanwhile Lady Ashbrook had gone through the routine, from which, in the days *of* *anxiety*, she had not once departed (C.P. Snow).

of S -ness: The Topolinos were sitting on the terrace ... enjoying their weekly hour *of* *idleness* ... (I. Stone).

of S -ture: A look *of* *rapture* came over Michelangelo's face (Ibid.).

of S -th: The Arrabbiati... were the men *of* *wealth* and experience (Ibid.).

of S -ure: There was a murmur *of* *pleasure* from the men... (Ibid.).

Второй из указанных двух вариантов этой стативной синтаксемы (с предлогом *in*) обычно обнаруживается в зависимой позиции при глаголах, где он представлен гораздо большим количеством субвариантов, выраженных существительными с морфемами второго ряда (ср. также 1.3, 2.4, 3.3), например:

in S -ance – -ence: We will hold these things *in* *abeyance* until you learn what the Holy Father wants (I. Stone). Soderini studied the drawings *in* *silence* (Ibid.). How dare you speak of my work *in* *the presence* of...this filthiness"! (Ibid.). He turned his face up to Lorenzo, speaking *in* *full confidence* (Ibid.). ... and I cannot *in* *all conscience* let him go without it" (Ibid.).

in S -ation: She looked at him *in* her *desperation* and she could hardly restrain a cry (S. Maugham). He bowed his head *in* *resignation* (I. Stone). Michelangelo mounted the steps of San Petronio gazing *in* *veneration* ... at sculptures ... (Ibid.).

in S -cy: It occurred to him that in an emergency she would lose her head ... (S. Maugham). Enrico mounted the horse, the better to admire his ring in privacy (I. Stone). ... Malatesta had gathered the officers on this south wall *in a conspiracy* against Florence (Ibid.).

in S -dom: ... and his personality had developed *in eccentric freedom* (S. Maugham).

in S -ity: Michelangelo scratched his scalp *in perplexity* ... (I. Stone). He ... bathed his two fingers *in tranquillity* (Ibid.). "This Madonna and Child could not have evolved *in* such tender *purity* if you did not feel tenderly (Ibid.).

in S -ment: Baglioni gazed at him *in genuine astonishment* (Ibid.). Rucellai regarded him *in wonderment* (Ibid.); Michelangelo glanced at his friend *in amusement*... (Ibid.). Courtiers, prelates... gazed at him *in amazement* (Ibid.). She looked away *in embarrassment* (Ibid.). ... as though red wine had been spilled *in merriment* (Ibid.).

in S -ness:... where an agent and quarry owner shipped past him *in the darkness*... (Ibid.).

in S -th: The Pope sent a carriage and driver to Florence, ordering Michelangelo to come to Rome to recuperate *in the warmth* of the more southerly sun ... (Ibid.).

in S -tion: after he had thrown himself across his bed *in exultant exhaustion* (Ibid.).

Из приведенных примеров явствует, что при существительных в субвариантах рассматриваемой стивной синтаксемы могут быть зависимые от них элементы или конструкции – прилагательные, местоимения, предложные сочетания (*in full confidence, in all conscience, in her desperation, in eccentric freedom, in such tender purity, in genuine astonishment, in exultant exhaustion, in the presence ... of this filthiness, in a conspiracy against Florence, in the warmth of the more southerly sun*). Как и в отмеченных выше случаях с субвариантами акциональной синтаксемы в зависимой позиции (5.1), наличие или возможность употребления таких элементов или конструкций свидетельствует о принадлежности синтаксемы к субстанциальному классу синтаксем. И здесь при наличии притяжательного местоимения или сочетания с предлогом *of* существует возможность проведения экспериментов с трансформацией *з а в и с и м о й с и н т а г м ы* в предложение со стивной синтаксемой, выраженной прилагательным в позиции сказуемого (ср. 1.3, 2.4, 3.3): *in her desperation* → *She was desperate, in the presence ... of this filthiness* → *This filthiness was present, in the warmth of the more southerly sun* → *The more southerly sun was warm*.

Приведенные примеры дают также возможность наметить группы и подгруппы существительных, составляющих лексическую наполняемость вариантов синтаксемы *in S, of S*. Однако, прежде чем касаться

этой задачи лексического порядка, представляется необходимым рассмотреть здесь довольно сложный вопрос о природе конструкций типа *be in a state of S*, которые ранее мы ошибочно (в условиях недостатка фактических данных) определили как нечленимые образования, якобы представляющие в позиции сказуемого квалификативную стативную синтаксему, например в таком случае, как *He was in a state of increasing disquiet about the fate of his son* (I. Murdoch). При этом указывалось на возможность замены такого «варианта синтаксемы» вариантом с предлогом *in S* и наоборот, ср.: *He was still a moment in anger* (D. Lawrence) – *He was still a moment in a state of anger*; *But he was in very real distress* (S. Maugham) – *But he was in a state of very real distress*. В качестве эксперимента указывалось также на возможность замены образований *be in a state of S* однокорневыми прилагательными (хотя допускались некоторые изменения в непосредственном окружении): *He was in a state of increasing disquiet about the fate of his son* → *he was increasingly disquiet about the fate of his son*, etc. [Мухин 1999: 57–59]

В действительности же при анализе конструкций с существительным *a state* обнаруживаются основания для выделения в них в зависимой позиции варианта субстанциальной (а не квалификативной) стативной синтаксемы с предлогом *of (of S)* и предшествующего ему варианта той же синтаксемы, выраженного существительным *a state* с предлогом *in*. Этот последний вариант употребляется и самостоятельно, вне конструкции этого рода, причем данное существительное может иметь при себе зависимый элемент или конструкцию, ср.: *There had been someone who must be willing about going through the workaday routine which one takes as unthinkingly as breathing, in a state where anxiety was not far away ...* (C.P. Snow). И при наличии в конструкции варианта стативной синтаксем *of S* существительное *a state* может иметь при себе зависимый элемент: *He has lived in Rome for three years in such a state of grace...* (I. Stone). *Neither the walls nor defense towers were in a good state of repair* (Ibid.). *Lodovico was writing in a high state of porturbation* (Ibid.).

Если ограничиться примерами конструкции *in a state of S*, подобными приведенным выше (*He was in a state of increasing disquiet...*, etc.), может показаться, что существительное *state* с неопределённым артиклем недостаточно значимо без последующего предложного сочетания (т.е. что оно является своего рода служебным элементом). Казалось бы, об этом говорят и показания экспериментов с опущением последнего. Ср. также в предложениях: *Michelangelo, in a state of exultation over the beauty of his glorious white columns, was relieved at this added protection* (I. Stone). ... *Sangallo arrived at the studio in a state of agitation* (Ibid.). ... *his stomach and spirits were in a state of revulsion* (Ibid.). *Michelangelo heard the news in a state of turmoil* (Ibid.). Однако тот же эффект наблюдается и при проведении экспериментов с опущением сочетания *of S* в других случаях, ко-

гда вместо существительного *state* используются иные существительные с неопределённым артиклем, например: *He said in a tone of finality ... (Ibid.). ... but she was lying in a passion of sorrow and even more of violent disappointment and rage (C.P. Snow)*. Отсюда можно сделать вывод, что эксперименты с опущением, которые играют большую роль при изучении компонентов предложения на основе синтаксических связей [ср.: Мухин 2004б: 32 и сл.], не являются показательными при выделении синтаксем.

Из изложенного следует также то, что, определяя лексическую базу субстанциальной стативной синтаксемы в ее вариантах *of S, in S*, нельзя не принять во внимание и существительные в предложениях с конструкцией *in a state of S*, где они также могут быть оформлены суффиксальными морфемами второго ряда (ср. *exultation, agitation, revulsion, etc.*). Вместе с существительными в приведенных выше примерах с вариантами синтаксемы *of S, in S* они составляют следующую группу (подразделяемую на подгруппы): *abeyance, confidence, conscience, experience, presence, silence – agitation, exultation, frustration, revulsion – emergency, privacy – freedom – anxiety, hostility, perplexity, prosperity, purity, tranquility – amazement, amusement, astonishment, disappointment, embarrassment, merriment, wonderment – amazedness, darkness, idleness – warmth, wealth – exhaustion – rapture – pleasure*.

Однако варианты стативной синтаксемы включают в себя и существительные, лишенные суффиксальных морфем второго ряда. К их числу относятся (в приведенных предложениях) *anger, disquiet, distress, repair, sorrow, turmoil*, а также подобные существительные в следующих предложениях: *He rocked to and fro in an agony (S. Maugham)*. *A man in front cried in ill-suppressed anguish...* (I. Stone). *Piero turned away in contempt (Ibid.)*. *Pope Clement was in danger from two sides (Ibid.)*. *Michelangelo lowered his head in despair (Ibid.)*. *He carved in a fury ... (Ibid.)*. *He carved in a heat as great as that of the forge in which his tools were tempered...* (Ibid.). *She had never been in love before (Ibid.)*, etc.

В более широком плане те и другие существительные объединяются со многими другими стативными существительными в едином множестве лексем, составляющих лексическую базу различных субстанциальных стативных синтаксем – агентивной стативной (1.3), объектной стативной (2.4), косвенно-объектной стативной (3.3) и иных стативных синтаксем в оппозитивных рядах в зависимой позиции. Хотя каждая стативная синтаксема или её варианты могут иметь некоторые особенности в группах и подгруппах охватываемых ими стативных существительных.

5.4. Как стативные лексем, существительные в указанных группах и подгруппах соотносятся с однокорневыми стативными прилагательными, в отличие от выделенных выше акциональных суще-

ствительных, соотносительных с соответствующими однокорневыми акциональными глаголами (5.2). Таковы, например, прилагательные (в алфавитном порядке): *abeyant, agitated, agonized, amazed, amused, angry, anguished, anxious, astonished, confident, conscient, dark, desperate, disappointed, disquieted, distressed, embarrassed, emergent, experienced, exhausted, exultant, free, frustrated, furious, heated, hostile, idle, loving, merry, perplexed, pleased, present, private, prosper, pure, rapt, rapturous, raptured, resigned, silent, sorrowful, tranquil, warm, wealthy, etc.*

Многие из этих прилагательных упоминались в предыдущих главах при проведении экспериментов, когда синтагмы с агентивной стивной или объектной стивной, или косвенно-объектной стивной синтаксемой трансформировались в предложения с квалификативной стивной синтаксемой, выраженной прилагательными со служебным глаголом в позиции сказуемого (1.3, 2.4, 3.3). Вместе с указанными там прилагательными приведенные здесь прилагательные, составляя единое множество и с другими стивными прилагательными, определяют собой лексическую наполняемость данной стивной синтаксемы, подобно тому как рассмотренные выше акциональные глаголы, объединяясь с другими акциональными глаголами, образуют лексическую базу процессуальной акциональной синтаксемы (5.2).

В позиции сказуемого интересующая нас стивная синтаксема является исходной синтаксемой оппозитивного стивного ряда, причем наиболее употребительной, представленной большим количеством вариантов, выраженных сочетаниями прилагательных со связками [Мухин 1999: 56–60]. Из таких стивных прилагательных особое внимание привлекают образования на *-ed*: *agitated, agonized, amazed, amused, anguished, astonished, disappointed, experienced* и др., которые составляют специфическую особенность лексической базы стивной синтаксемы (в отличие, например, от качественных прилагательных, ср. 5.6). Выше прилагательные этого рода были охарактеризованы как причастные прилагательные (подобно образованиям на *-ing*, 1.4), хотя в предыдущих работах мы их ошибочно рассматривали в системе глагольных форм, т.е. определяли их как причастия прошедшего времени, включая упомянутые *amazed, disappointed* [ср. там же: 57].

Между прочим, несколько неопределенный статус упомянутых и других образований на *-ed* среди прилагательных получает отражение в словарях. Об этом можно судить по их противоречивой трактовке в указанных выше фундаментальных словарях Longman 1978 и “Большой англо-русский словарь” 1972: если, например, тот и другой отмечают *disappointed* и *experienced* как прилагательные (*his disappointed hopes; disappointed look, etc.*), то *agonized* и *anguished* отмечаются как прилагательные только в первом слове (*She let out an agonized cry; anguished cries*), *agitated, amazed* и *amused* – только во втором (*amused spectators, amused*

look); прилагательное же *astonished* не приведено ни в том, ни в другом словаре (ср. однако, как глагольную форму в примерах: *We were astonished to hear what had happened. He gave her an astonished look.*).

Определяя приведенные выше образования на *-ed* как прилагательные, мы учитываем, что им совершенно не свойственно иметь при себе сочетание существительного или местоимения с предлогом *by*, характерное для окружения причастия прошедшего времени, когда оно представляет ту или иную пассивную акциональную синтаксему [ср.: Мухин 1999: 43]. Такие прилагательные системно связаны с другими стативными прилагательными, образуя единую группу, члены которой соотносятся с существительными как средствами выражения субстанциальной стативной синтаксемы (5.3). Существенно также и то, что стативные прилагательные, включая образования на *-ed*, системно связаны с однокорневыми стативными наречиями, которые также отмечаются в словарях, ср.: *agonizingly, amazedly, amazingly, amusingly, disappointedly, disappointingly, etc.*

Соотносительные друг с другом стативные прилагательные в позиции сказуемого и в зависимой позиции при существительных, с одной стороны, и, с другой – стативные наречия в зависимой позиции при глаголах представляют собой варианты квалификативной стативной синтаксемы. Вместе с рассмотренной выше субстанциальной стативной синтаксемой в ее двух предложных вариантах (при существительных и глаголах) данная синтаксема образует стативную синтаксическую категорию, в которую входят и различные стативные синтаксемы, образующие упомянутый выше оппозитивный стативный ряд в позиции сказуемого.

5.5. Однако, говоря о стативной синтаксической категории, нельзя упустить из виду и процессуальную стативную синтаксему, которая в позиции сказуемого выражена стативными глаголами в личных формах, являясь исходной синтаксемой оппозитивного стативного ряда [Мухин 1999: 50–52]. К числу стативных глаголов относятся и те, которые системно связаны с упоминавшимися ранее однокорневыми стативными прилагательными, в частности с такими, которые в отечественной лингвистике послужили основанием для постановки вопроса о наличии в английской языке особой части речи, именуемой категорией состояния, а именно с прилагательными: *ablaze, afire, afloat, alive, asleep, astir, pale, vex, worry* [там же: 57].

Соответствующими стативными глаголами, которые представляют процессуальную стативную или стативную континуативную синтаксему (причем не только в позиции сказуемого), являются *непереходные blaze, fire, float, live, sleep, stir, vex, worry*. Ср. в примерах, приведенных в упомянутых выше двух словарях: *a wood fire was blazing (away), but there was no other light in the room / He was blazing with fury; to fire with anger [with pride]; The logs float down the river to the paper factory / The clouds*

float slowly; His illness is so serious, he is unlikely to live / to live to a great age, to live in the past; I didn't sleep well last night / to sleep easily; She stirred in her sleep / My blood stirs at the very thought of it; All other anxieties paled beside the terrible fact of the fire coming close to the village / Stars are paling; How foolish to vex over such trivia; Worrying about your health can make you ill / Don't (you) worry.

Примечательно, что, указывая на возможность синонимии сочетания “be + stative” и длительной формы глагола (ср. например, предложения *he is asleep* и *he is sleeping, he was asleep* и *he was sleeping*), Б. А. Ильиш задается вопросом, “всегда ли эти два способа выражения взаимозаменяемы или существует некоторое различие между ними. До сих пор, – добавляет он, – нет окончательного ответа на этот вопрос” [Ильиш 1971: 74]. Поиски ответа на подобный вопрос можно, видимо, отнести к области лингвистической стилистики, изучающей синонимические синтаксические конструкции – предложения или синтагмы, если они имеют одно и то же или близкое смысловое содержание [ср.: Мухин 2002а: 134–138]. В аспекте же лингвистического анализа или, точнее, функционального синтаксиса для нас непосредственный интерес представляют системные отношения элементарных синтаксических единиц – синтаксем, с одной стороны, и, с другой – средств их выражения, т.е. лексем, в частности стативных глаголов, а также прилагательных, которые используются для выражения либо процессуальной стативной синтаксемы, либо квалификативной стативной.

В этой связи затронем здесь довольно сложный вопрос о роли глаголов *have* и *possess* в таких случаях, как: *Now you're having awful weather. Even by your standards* (A. Christie). *And Piero de'Medici ... was now having the other half of the heritage ...* (I. Stone). *In spite of his super-bity, he might possess a kind of self-protective cunning* (C.P. Snow). В первых двух случаях ранее мы определили синтаксему, выраженную глаголом *have*, как посессивную континуативную, в третьем же случае синтаксема, выраженная сочетанием глагола *possess* с модальным *might*, была охарактеризована как посессивная потенциальная гипотетическая, образная вместе с первой и другими синтаксемами в позиции сказуемого образует якобы «оппозитивный посессивный ряд» [Мухин 1999: 54–55].

Однако такое решение вопроса, видимо, было ошибочным. Намечаемый “посессивный ряд” оказался фактически в изоляции, и в ходе дальнейшего исследования к посессивной синтаксической категории были отнесены лишь два оппозитивных ряда посессивных синтаксем, субстанциальных и квалификативных, находящихся между собой в системных отношениях [Мухин 2002а: 125–126, 117–118, 122]. Впрочем, глаголы *have* и *possess* не остаются вне системных отношений в языке. Особенно примечателен в этом отношении вто-

рой из них, который соотносится с прилагательным на -ed (possessed, ср. также self-possessed), характерным для qualificативной с т а т и в н о й синтаксемы (5.4). Этот глагол соотносителен и с существительным, оформленным суффиксальной морфемой второго ряда (со значением состояния), которое используется в зависимой позиции с предлогом in для выражения субстанциальной с т а т и в н о й синтаксемы (ср. 5.3), как в ранее приведенном примере *You might, I mean, be in possession of the birth certificate of a Mary Dove* (A. Christie).

Все это, очевидно, свидетельствует о том, что глагол possess, а также have в рассматриваемых случаях относятся к числу с т а т и в н ы х г л а г о л о в, которые в позиции сказуемого представляют ту или иную процессуальную с т а т и в н у ю синтаксему. Соответственно и прилагательное possessed служит средством выражения qualificативной с т а т и в н о й синтаксемы, как в примере (из указанного выше первого словаря) *The family is possessed of a large fortune*. В основе такого (предлагаемого здесь) решения вопроса о глаголах possess и have как средствах выражения процессуальной стативной синтаксемы лежит, следовательно, с и с т е м н ы й к р и т е р и й, а именно учет их соотносительности с прилагательными и существительными как средствами выражения соответствующих стативных синтаксем.

Квалитативная синтаксическая категория

5.6. Подобно тому как изучение акциональной и стативной категорий мы начали выше с выделения соответствующих субстанциальных синтаксем (5.1, 5.3), так и здесь, при изучении данной синтаксической категории, начнем с субстанциальной к в а л и т а т и в н о й синтаксемы в ее двух вариантах – *of S*, *in S*, один из которых употребляется в зависимой позиции при существительных, другой – при глаголах. Это дает нам возможность продолжить рассмотрение вопроса о взаимодействии суффиксальных морфем существительных с синтаксемами. На сей раз мы имеем дело с морфемами третьего функционального ряда со значением качества (0.3, ср. также 1.4, 2.4, 3.4), которые оформлены существительные, например, в следующих субвариантах синтаксемы:

1. (с предлогом of) *of S -ance – -ence*: They could easily see him as a drab ageing fellow for ever toiling away at figures *of no importance...* (J. B. Priestley).

of S -ity: Michelangelo suffered a rare moment *of humility* (I. Stone). Sixty-four-year-old Alexander VI appeared to be a man *of enormous virility* (Ibid.).

of S -ness: They... spent the remainder of their hours here, drawing the buildings as they had been in the days *of their greatness...* (Ibid.). ... thanks

like that were more efforts *of politeness* than demonstrations of gratitude (Ibid.).

2. (с предлогом *in*) *in S -ance – -ence*: When he himself... saw Andrea del Sarto's Last Supper shining *in* all its *brilliance* on the half-razed walls, he cried out... (Ibid.). ... Pomponius Laetus... who could have dawdled *in* idle *elegance*... (Ibid.).

Для выражения указанных двух вариантов (*of S, in S*) субстанциальной квалитативной синтаксемы используются, однако, и существительные, лишенные суффиксальных морфем третьего ряда, например существительные *beauty, courage, triumph*, ср.: For fifteen hundred years their ancestors had worked the native... serene stone, building a city *of* such breath-taking *beauty*, that ... (I. Stone). He was determined to get a teeming humanity up on the ceiling... mankind portrayed *in* its breathless *beauty*... (Ibid.). ... she was a woman *of* absolute *courage*... (C.P. Snow). "Caesar Borgia... returned to Rome *in triumph*..." (I. Stone).

Приведенные примеры с существительными того и другого рода с предлогом *of* или *in* показывают, что существительные могут иметь при себе зависимые от них элементы (местоимения, прилагательные и др.) или конструкции, которые подчеркивают тот факт, что мы имеем дело с субстанциальной, а не квалификативной квалитативной синтаксемой. Эти примеры позволяют также наметить группы существительных из числа тех, которые составляют лексическую базу рассматриваемой субстанциальной квалитативной синтаксемы: *beauty, brilliance, courage, elegance, greatness, humility, importance, politeness, triumph, virility*. В более широком плане эти существительные объединяются со многими другими к в а л и т а т и в н ы м и с у щ е с т в и т е л ь н ы м и, которые определяют собой лексическую наполняемость таких синтаксем, как агентивная квалитативная (1.4), объектная квалитативная (2.5), косвенно-объектная квалитативная (3.4) и др.

Характерной особенностью выделенных квалитативных существительных является их соотносительность с однокорневыми к в а л и т а т и в н ы м и, или качественными, прилагательными, такими как *beautiful, brilliant, courageous, elegant, great, humble, important, polite, triumphant, virile*. На базе этих и других квалитативных прилагательных в сочетаниях со связками в позиции сказуемого реализуется квалификативная к в а л и т а т и в н а я с и н т а к с е м а, которая была рассмотрена нами ранее как исходная (и наиболее употребительная) синтаксема оппозитивного квалитативного ряда [Мухин 1999: 64–67]. Примечательно, что среди таких прилагательных мы не находим образований на *-ed*, столь характерных для стативной синтаксемы (5.4), как, между прочим, мы не находим их и среди других квалитативных прилагательных (выделенных выше при изучении агентивной квалитативной, объектной

квалитативной и косвенно-объектной квалитативной синтаксем), вместе с которыми они образуют единое множество лексем.

Примечательно также, что в отличие от стативных прилагательных у квалитативных фактически отсутствует соотносительность с однокорневыми глаголами, которые могли бы представлять в квалитативной синтаксической категории соответствующую процессуальную синтаксему (ср. приведенные выше прилагательные и глаголы как средства выражения стативных синтаксем, квалификативной и процессуальной, соответственно, – 5.5). Это обстоятельство может, видимо, служить в качестве системного критерия при разграничении тех или иных квалитативных и стативных прилагательных.

Нужно заметить также, что, кроме указанного адъективного варианта, квалификативная квалитативная синтаксема имеет и адвербиальный вариант, используемый в зависимой позиции при глаголах, причем квалитативные наречия, на базе которых он реализуется, соотносятся с упомянутыми и другими однокорневыми квалитативными прилагательными (ср. *beautiful – beautifully, brilliant – brilliantly, elegant – elegantly, etc.*).

5.7. Выделяя в пределах квалитативной синтаксической категории синтаксем разных функциональных классов – субстанциальную, выраженную существительными с предлогом *of* или *in*, и квалифкативную, особенно представленную прилагательными, соотносительными с этими существительными, нужно учитывать возможную многозначность (или неоднозначность) как тех, так и других лексем, поскольку их многозначность самым непосредственным образом сказывается на системных отношениях синтаксем, средствами выражения которых они являются. Это в полную меру относится и к лексемам – существительным, глаголам, прилагательным, на базе которых реализуются синтаксем двух других указанных выше синтаксических категорий – стативной и акциональной, каждая из которых включает в себя синтаксем трех функциональных классов – субстанциальную, процессуальную и квалифкативную, имеющие свои системные отношения.

Обстоятельное изучение многозначности указанных лексем может составить задачу отдельной работы, здесь же мы ограничимся толкованием значений лишь некоторых лексем (имеющих отношение к затронутым выше синтаксемам), опираясь при этом на упоминавшийся выше словарь Longman 1978. Так, среди значений существительных отмечаются, например, следующие:

amusement **1** the state of being amused, **2** the act of amusing;

embarrassment **1 a** the act of embarrassing, **b** the state of being embarrassed;

exhaustion **1** the state of being tired out, **2** the act or state of exhausting or being exhausted;

suspicion **1 a** the act of suspecting or state of being suspected;

resignation **1** the state of being resigned, **2** (an act of) resigning;

expression **1** (an example of) the act of expressing, **2** the quality of showing or performing with feeling.

Указанные значения свидетельствуют о том, что в одном значении (the act of...) эти существительные могут быть отнесены к числу тех, которые служат средствами выражения первой из упомянутых выше акциональных синтаксем (5.1), тогда как в другом значении (the state of...) они относятся к существительным, представляющим первую из стативных синтаксем (5.3). Отсюда следует, что приходится считаться с возможностью того, что некоторые существительные могут выступать и как акциональные, и как стативные лексемы, т. е. могут значиться среди лексем, составляющих лексическую наполняемость и той, и другой синтаксемы.

Нечто подобное наблюдается и на примере таких прилагательных, как **ignorant** и **responsible**, имеющих значения, соответственно:

1 lacking knowledge: *ignorant of even the simplest facts*, **2** rude, impolite, esp. because of lack of social training: *He's an ignorant person – he always goes through a door in front of a lady*;

1 (for, to) having the duty of looking after someone or something, so that one can be blamed (by the stated person) if things go wrong: *You are responsible to your mother for keeping the house tidy*, **2** (of a person or his character) trustworthy: *He is a responsible person and can be trusted to carry out orders* – opposite **irresponsible**. Как представляется, в одном из указанных значений оба прилагательные могут быть отнесены к числу стативных прилагательных, служащих средствами выражения стативной синтаксемы (5.4), в другом же значении они могут быть определены как квалитативные, или качественные, прилагательные, на базе которых реализуется квалитативная синтаксема (5.6). Следовательно, и здесь приходится считаться с возможностью того, что одни и те же лексемы служат средствами выражения разных синтаксем.

Многозначность существительных и прилагательных сравнима с многозначностью суффиксальных морфем, которую мы устанавливали выше с помощью экспериментов, изучая субванты разных синтаксем, например агентивной стативной и агентивной акциональной (1.3), агентивной квалитативной и агентивной стативной (1.4) или объектной стативной и объектной акциональной (2.4), объектной квалитативной и объектной стативной (2.5). Проводя эксперименты, мы определяли и лексическую базу синтаксем, в частности выделяли группы прилагательных, способных служить средствами выражения стативной или

квалитативной синтаксемы в позиции сказуемого (1.3, 1.4). Нужно сказать, что и там среди прилагательных могут быть такие, которые в одном значении тяготеют к группе стативных прилагательных, в другом – к группе квалитативных прилагательных, как например (по данным словаря Longman 1978):

gay 1 cheerful, merry, happy: *We were all gay at the thought of the coming holidays*, 2 bright or attractive, so that one feels happy to see it, hear it, etc.: *The fields were gay with flowers. / We're painting the kitchen in gay colours*; **ill** 1 not well in health: *She's ill, so she can't come...*, 3 bad; harmful: *ill luck / He suffers from ill health*. Только в первом (основном) значении прилагательные *gay* и *ill* соотносительны с однокорневыми стативными существительными *gaiety* и *illness*, которые как средства выражения агентивной стативной синтаксемы допускают трансформацию соответствующей синтагмы в предложение с тем или другим стативным прилагательным в позиции сказуемого (1.3).

5.8. Теперь, в связи с рассмотрением квалитативной синтаксической категории, в которой большую роль играют прилагательные, нам следует вернуться к самому началу настоящей работы (0.1), к упомянутым там прилагательным, оформленным двумя рядами деривационных морфем: 1) со значением подобия (уподобления тому, что обозначено основой) *-ly, -like, -ish, -y*, а также *-form, -oid, -ous, -ine, -ed* и 2) со значением полноты (полноты того, что обозначено основой) *-y, -ful, -some* и др. Наличие суффиксальной морфемы *-y* в том и другом ряду свидетельствует о том, что и здесь имеются м н о г о з н а ч н ы е (или неоднозначные) м о р ф е м ы (ср. 0.3, 1.3 и др.). Следует также обратить внимание на то, что суффиксальные морфемы одного и того же ряда здесь также могут иногда заменять друг друга, как, например, у прилагательных с морфемами указанного второго ряда *spleeny – spleenful, trusty – trustful* (0.1; ср. 0.4). Достаточно полное представление об этом, а также о самих рядах морфем со значением подобия и полноты и о прилагательных, оформленных ими, дает диссертационное исследование С. Джалолова [Джалолов 1988: 41 и сл.].

Подобные ряды адективных морфем также могут быть охарактеризованы как ф у н к ц и о н а л ь н ы е р я д ы, поскольку они служат целям выражения синтаксем определенного оппозитивного ряда, как и рассмотренные выше субстантивные морфемы (0.3–0.4 и др.). Однако в отличие от последних, которые оформляют многие существительные, используемые для выражения родственных синтаксем разных оппозитивных рядов, например, агентивной а к ц и о н а л ь н о й (1.1), объектной а к ц и о н а л ь н о й (2.1–2.2), косвенно-объектной а к ц и о н а л ь н о й (3.1), а к ц и о н а л ь н о й (5.1), темпоральной а к ц и о н а л ь н о й и др. (4.1), указанные функциональные ряды морфем прилагательных служат целям выражения в основном лишь собственно ква-

литативной синтаксемы [в оппозитивном ряду качественных синтаксем, ср.: Мухин 1999: 65], которая в позиции сказуемого обычно представлена прилагательными в сочетаниях со связками.

Такие ряды морфем прилагательных (А), имеющие несколько ограниченное применение, видимо, являются функциональными рядами иного порядка по сравнению с упомянутыми функциональными рядами морфем существительных. Однако они также могут служить основанием для изучения с у б в а р и а н т о в с и н т а к с е м , выраженных прилагательными в позиции сказуемого (в сочетании со служебным глаголом), а также в зависимой позиции (без служебного глагола): А -ly, А -like, А -ish, etc. При этом могут быть определены (или намечены) группы и подгруппы к в а л и т а т и в н ы х п р и л а г а т е л ь н ы х из числа тех, которые составляют лексическую базу того или иного варианта качественной синтаксемы.

К сожалению, здесь мы имеем возможность указать только две группы прилагательных из упомянутой работы С. Джалолова, поскольку другие группы прилагательных пока еще не подверглись изучению с учетом их использования для выражения качественной или иной синтаксемы. Из числа упоминавшихся выше с т а т и в н ы х п р и л а г а т е л ь н ы х в этом отношении заслуживают внимания образования на -ed (agitated, agonized, experienced, etc.) и -ing (5.4), а также прилагательные типа ablaze, afire, alive, которые в отечественной лингвистике послужили основанием для постановки вопроса о наличии в английском языке особой части речи, именуемой категорией состояния (5.5).

Из истории отечественной лингвистики

5.9. Завершая эту главу, посвященную в основном трем важнейшим синтаксическим категориям, приведем здесь фрагмент доклада, подготовленного нами для Пярых Федоровских Чтений, в котором изучение этих синтаксических категорий связано с проблемами перевода. (Пярые Федоровские чтения. Университетское переводоведение. Вып. 5. Отв. ред. проф. В. И. Шадрин. Филологический фак-т СПбГУ. СПб., 2004). Переводу мы и ранее уделяли внимание, определяя те области или разделы лингвистического анализа, которые представляют наибольший интерес для перевода [Мухин 1976: 31–32].

В истории отечественной лингвистики минувшего 20-го столетия давала о себе знать тенденция к преодолению ограниченности теорий членов предложения и частей речи в синтаксисе и морфологии. Эта тенденция отчетливо проявилась прежде всего в работах Л. В. Щербы и была у него связана с проблемами перевода. Так, в 1936 в докладе «О второстепенных членах предложения», стремясь показать, какими средствами выражаются все те к а т е г о р и и , которые он намечает, Л. В. Щерба

анализирует существительные в родительном падеже в двух сочиненных им примерах – «Когда я был маленьким, я не видел проявлений любви *отца*, но уверен был в его хороших ко мне чувствах» и «Любовь *отца* играет большую роль в воспитании», при этом он замечает: «Между прочим, во французском переводе это будет разное. В первом случае придется сказать *amour du père*, а во втором случае – *amour paternel*, либо без прилагательного: *amour de père*» [Щерба 1958: 97–98, 101].

Это замечание Л. В. Щербы свидетельствует о возможности выделения в предложениях таких синтаксических единиц, которые могут быть выражены внешне одинаковыми средствами (в частности, существительным в форме родительного падежа *отца*), но поддающимися дифференциации в зависимости от их соотносительности с соответствующими функциональными эквивалентами. В первом из приведенных примеров функциональным эквивалентом родительного падежа существительного является местоимение *его*, способное его заменять, во втором – прилагательное, также способное заменять существительное (ср. ‘Когда я был маленьким, я не видел проявлений *его* любви, но...’, ‘*Отцовская* любовь играет большую роль в воспитании’). Иначе говоря, в том и другом случае в предложении выделяется синтаксическая единица, представленная в языке вариантами, выраженными различными частями речи – родительным падежом существительного и родительным падежом личного местоимения 3-го лица или притяжательным местоимением, родительным падежом и прилагательным.

В сущности аналогичное положение вещей складывается и в отношении «категории качества или свойства», которую Л. В. Щерба относит к числу намечаемых основных категорий: для нее, говорит он, «морфологической формой будет прилагательное, – это узаконенная форма в нашем языке. Но оказывается, что это же самое может выражаться и другими средствами. Это же самое соотношение имеем, например, в сочетании ‘быстро бегать’. Я твердо на этом стою. Вообще соотношение между наречием ‘быстро’ и прилагательным ‘быстрый’ чисто формальное. По существу это одно и то же. Формально мы в категориях это различаем, но по существу это одна категория» [там же: 101]. Следовательно, и здесь можно выделить такую синтаксическую единицу, которая имеет варианты, выраженные разными частями речи – прилагательным и наречием.

Однако указанные синтаксические единицы не поддаются истолкованию в понятиях членов предложения, хотя Л. В. Щерба и пытается истолковать их в терминах второстепенных членов предложения, называя родительный падеж существительного *отца* в приведенном выше втором примере определением, а в первом примере – лишь условным определением [там же: 97–98]. Теория членов предложения не предполагает ни понятия функционального эквивалента, которым мы воспользовались

выше, ни понятия вариантов члена предложения, которые могут быть выражены разными частями речи. Все это говорит о том, что в своих изысканиях Л. В. Щерба выходит за пределы грамматики с ее понятиями второстепенных членов предложения и фактически переходит в область функционального синтаксиса (см. ниже), представляя о котором в то время совершенно отсутствовало в лингвистике.

Нечто подобное наблюдается и в вопросе о частях речи. Этому вопросу Л.В. Щерба посвятил более раннюю статью «О частях речи в русском языке», где он обосновывает необходимость выделения в языке особой категории состояния, имеющей разнообразные средства выражения, в частности прилагательные и наречия, особенно в сочетаниях со связкой *быть* (которую он не считает глаголом) [Щерба 1957: 74–76,78]. Как известно, концепция категории состояния как «части речи» получила дальнейшую разработку в работах других лингвистов, в особенности в работе В. В. Виноградова «Русский язык», где отмечается, что под категорию состояния «подводятся несклоняемо-именные и наречные слова, которые имеют формы времени (для прошедшего и будущего времени аналитические, образованные посредством присоединения соответствующих форм связки *быть*) и употребляются только в функции сказуемого», и что многие из слов, подводимых под эту категорию, «могут сочетаться и с другими наиболее отвлеченными вспомогательными глаголами, кроме *быть* (например: *стало жаль, становится больно; делается досадно, стыдно; бываю рад* и т.п.)» [Виноградов 1947: 401].

В этой связи хотелось бы обратить внимание на многообразие указанных Л. В. Щербой и В. В. Виноградовым средств выражения категории состояния в русском языке, что имеет большое значение для лингвиста, интересующегося проблемами перевода с одного языка на другой (хотя, добавим, и крайне усложняет возможность истолкования категории состояния как части речи, побуждая лингвиста ко всякого рода «натяжкам» в теории частей речи). Это хорошо показано Б.А. Ильишом в книге «Современный английский язык», где он указывает на то, что в связи с вопросом о категории состояния «необходимо рассмотреть несколько своеобразных случаев, в которых русскому глаголу соответствует в английском языке прилагательное. Ср. *он молчит – he is silent; он сердится – he is angry; он ревнует – he is jealous; он опаздывает – he is late*». И далее Б. А. Ильиш добавляет: «... в английском языке нет глаголов, которые соответствовали бы по значению русским глаголом *молчать, сердиться, ревновать и опаздывать*. Эти русские глаголы выражают, конечно, состояния (несколько менее ясно это, может быть, в применении к глаголу *опаздывать*)... В английском языке эти же состояния представлены как признаки...» [Ильиш 1948: 148].

И вот оказывается, что при таком широком истолковании категории состояния перевод действительно осуществим с опорой на слова ка-

тегории состояния как в русском, так и в английском языке. Как мы отмечали в докладе на XXXI Всероссийской научно-методической конференции, это объясняется тем, что указанное Л. В. Щербой многообразие средств выражения категории состояния в русском языке и затем дополненное Б. А. Ильишом на материале английского языка относится к области не морфологии (частей речи), а синтаксиса, что в нем, этом многообразии, проявляется с и н т а к с и ч е с к а я с е м а н т и к а , которая по самой своей природе предполагает использование различных средств выражения, составляющих ряды родственных синтаксисом и системы их вариантов. В двадцатые и последующие годы минувшего столетия Л. В. Щерба мог облечь свои ценные наблюдения и открытия лишь в известные тогда понятия грамматики, в особенности понятия частей речи, хотя последние сами по себе, без учета относящихся к ним лексем (субстантивных, глагольных, адъективных и др.), передающих вместе с предлогами, связками и другими служебными элементами соответствующую синтаксическую семантику, не могут служить целям изучения системных отношений в синтаксисе [ср.: Мухин 2002б: 40].

Синтаксическая семантика определяется на основе синтаксических связей в предложениях. Это легко можно установить на примере существительного *time* в приведенных Б. А. Ильишом предложениях *time is money* и *it is time to go*, где существительное в позиции подлежащего указывает на идентифицируемый предмет, а в позиции сказуемого (в сочетании со связочным глаголом *is time*) – на определенное состояние. Нечто подобное можно установить при сопоставлении предложений *pity was her main feeling* и *it was a pity*. «В первом случае, – отмечает Б. А. Ильиш, – *pity* – несомненное существительное, название «предмета» – чувства жалости. Во втором случае его функция – характеристика определенного состояния, «жалостной ситуации» [Ильиш 1948: 147–148].

Опираясь на синтаксическую семантику, мы определяем и синтаксические единицы, выраженные родительным падежом существительного *отца* в приведенных в самом начале примерах Л. В. Щербы: в первом из них мы имеем дело с субстанциальной п о с е с с и в н о й синтаксемой, вариантами которой являются существительное в родительном падеже и личное местоимение 3-го лица или притяжательные местоимения, во втором же примере – с квалификативной п о с е с с и в н о й синтаксемой, основным вариантом которой наряду с существительным в родительном падеже служит прилагательное. Как показывают соответствующие английские синтаксисы, различие между ними проявляется не только в средствах их выражения, но и в их сочетаемости с другими синтаксемами и в их местоположении в предложениях [Мухин 1995: 25–29, 39 и сл.; 2002а: 26–27]. Заметим также, что синтаксическая семантика лежит в основе и указанных Л. В. Щербой прилагательного *быстрый* и наречия *быстро* (*быстро бегать*), которые, соответственно, могут быть опреде-

лены как комбинаторные варианты *квалитативной*, или *качественной*, синтаксемы (один из них используется при существительных, другой – при глаголах).

Сказанное имеет самое непосредственное отношение к рассматриваемым синтаксическим категориям в английском языке, которые включают в себя разнообразные и самые употребительные синтаксемы и потому характеризуются здесь как важнейшие. Среди них – к а т е г о р и и с о с т о я н и я и к а ч е с т в а или, иначе, стативная и квалитативная категории, контуры которых в русском языке намечены Л.В. Щербой, а также а к ц и о н а л ь н а я к а т е г о р и я с ее многочисленным оппозитивным рядом акциональных синтаксем, выраженных в позиции сказуемого личными формами глагола. Естественно, что эти синтаксические категории, предоставляющие широкий в ы б о р между относящимися к ним синтаксемами, имеют большое значение для перевода с английского языка на русский (и наоборот), а также для сопоставительного анализа.

К этому следует добавить следующее. Совсем иначе обстояло бы дело, если бы мы трактовали категорию состояния именно как часть речи. Показательно то, что отмечает Б. А. Ильиш в своей поздней работе «Строй современного английского языка», где он относит к категории состояния («части речи») только слова с префиксальным элементом а- (asleep, ablaze, afraid, etc.): «Переходя теперь к сравнению слов категории состояния в английском со словами категории состояния в русском языке, мы обнаруживаем, что они не соответствуют друг другу, т.е. русское слово категории состояния, как представляется, никогда не переводится английским словом категории состояния, и наоборот» [Ильиш 1971: 74–75].

Из приведенного фрагмента доклада [ср.: Мухин 2004а: 202–206] явствует, что еще в начале прошлого века в работах отечественных лингвистов получали отражение такие фрагменты языка, такие его единицы, истолкование которых требовало выхода за пределы первичных грамматических концепций. Они позволяли в некоторой мере установить системные отношения в языке между синтаксическими элементами, выделяемыми в предложениях на основе синтаксических связей и потому обладающими синтаксической семантикой. В частности, речь могла идти о вариантах одной и той же синтаксической единицы, выраженных разными частями речи. Впоследствии такие синтаксические единицы, получившие наименование синтаксем, оказались связанными с с и с т е м н ы м и о т н о ш е н и я м и в оппозитивных рядах и, более широко, в синтаксических категориях.

Все это весьма усложняет анализ языка и вместе с тем открывает возможность опереться на определенные лингвистические методы исследования, имеющие доказательную силу, что говорит об объективности

анализа. Об этом свидетельствует и проведенное в данной работе исследование системного взаимодействия синтаксисом с единицами других уровней языка – морфемами и лексемами (см. также ниже 6.1–6.6).

В этой связи следует вспомнить, какое большое значение придавал Л. В. Щерба изучению проблемы «взаимообусловленности отдельных элементов языковых структур» [Щерба 1958: 5]. Говоря об очередных проблемах языковедения, он подчеркивал: «...насуточно необходимо внимательно изучать структуру самых разнообразных языков. На первый взгляд кажется, что этим всегда и занимались и что никакой специфической проблемы сегодняшнего дня здесь не имеется. Однако, если обратить внимание на то, как до сих пор изучалась структура разных языков и как это надо делать, то становится очевидным, что мы действительно стоим перед громадной лингвистической проблемой первоочередной важности» [там же: 6].

Часть II

Глава 6. Функциональная морфология и функциональная лексикология

Функциональные ряды морфем и функциональный синтаксис

6.1. Завершая монографию «Функциональный синтаксис», мы отметили, что в широком плане проблематика функционального синтаксиса требует учета его взаимодействия как с лексикологией, опирающейся на методы эксперимента и моделирования, так и с морфологией, изучающей деривационные морфемы [Мухин 1999: 180]. Несколько позже такую лексикологию, тесно связанную с функциональным синтаксисом, точнее мы называли функциональной лексикологией и отнесли к ней прежде всего переходные глаголы, изучаемые на системной основе с учетом особенностей управления и способности создавать на его базе ряды переходных глаголов, которые мы неточно именовали «лексико-семантическими группами» [Мухин 2002а: 129–131]. Однако здесь сосредоточим внимание сначала на морфологии с ее деривационными морфемами, которые мы положили в основу исследования в настоящей работе.

Для того чтобы стало возможным изучение функционального синтаксиса с его оппозитивными рядами синтаксем во взаимодействии с деривационными морфемами, нам пришлось пересмотреть выдвигавшееся ранее понимание природы последних, их вариантности и системных отношений (см. 0.1–0.2). В процессе поисков возникло представление о функциональных рядах морфем, соотносительных с синтаксемами многих оппозитивных рядов, в частности с синтаксемами агентивного ряда (0.3–0.4, 1.1–1.4). Следующим шагом явилось формулирование понятия субварианта синтаксемы (0.5), которое сыграло ключевую роль в построении данной монографии, где наряду с морфологической и синтаксической проблематикой значительное место отводится и лексическим проблемам (см. ниже – 6.5–6.7).

Функциональные ряды морфем, как и субварианты синтаксем, ориентируют на исследование системных отношений морфем в парадигматическом плане языка. Однако деривационные морфемы предполагают рассмотрение их и в синтагматическом плане, т.е. по отношению к другим морфологическим единицам в структуре существительного. Это направление исследований

отражено в неоднократно упоминавшейся выше работе «Структура английского имени существительного», подготовленной коллективом авторов филологического факультета СПбГУ, которая в значительной мере (во второй ее части) послужила нам источником фактического материала в настоящей работе (0.2–0.4). Мы имеем в виду в основном первую часть указанного коллективного исследования, где рассматриваются типы основ и суффиксов в английском языке [Стр-ра англ. имени суц-го 1975:10–20]; как пишут авторы, были обследованы «суффиксальные существительные 1) с точки зрения характера основы, членимости и морфологической отнесенности и 2) проведен фонеморфологический их анализ, учитывающий исход основы, слоговой состав и ударение» [там же: 8].

Подобные исследования можно отнести к области **структурной морфологии**, тогда как выделение функциональных рядов морфем и исследование систем вариантов морфем относятся к области **функциональной морфологии**. В самых общих чертах структурная морфология в ее противопоставленности функциональной морфологии сопоставима со **структурным синтаксисом** [Мухин 2004б: 7 и сл.], который определяет принципы членения предложения, выделяет его структурную основу, или ядро, разграничивая при этом ядерные и неядерные компоненты предложения, и тем самым открывает возможности изучения системных отношений синтаксисом в разных синтаксических позициях, в оппозитивных рядах [ср.: Мухин 1968: 24–29, 66 и сл.; 1999: 3 и сл.].

Так и в структурной морфологии определяются принципы членения лексем той или иной части речи (в том числе существительных), выделяются основы и составляющие их элементы, особенно корни, разграничиваются и минимальные морфологические единицы – морфемы, в частности суффиксальные морфемы, которые далее изучаются уже в их системных отношениях, в функциональных рядах, т.е. как функциональные морфологические единицы.

Таким образом, противопоставляясь, в принципе, функциональной морфологии, структурная морфология создает необходимые условия для ее развития и – что особенно важно – для установления взаимодействия между структурной и функциональной морфологией (подобно тому как структурный синтаксис взаимодействует с функциональным синтаксисом, создавая необходимые условия для развития последнего). В этой связи следует вспомнить следующее высказывание А. Мартине о соотношении функциональной и структуральной точек зрения (функционализма и структурализма) в лингвистике: «...функционализм и структурализм не только не противоречат друг другу, но, напротив, предполагают друг друга» [Мартине 1960: 438]. Заметим также, что в свое время, говоря о двух основных подходах и тенденциях, связанных в области изуче-

ния языковых единиц с именами А.М. Пешковского и Н.С. Трубецкого, мы отмечали, что оба подхода могут сосуществовать и успешно развиваться при условии, если принимаются во внимание существенные различия в самой природе этих единиц [Мухин 1995: 10].

6.2. Как при выделении суффиксальных морфем в структуре существительного, так и при их изучении в функциональных рядах исследователь имеет дело с проблемой многозначности морфем. Однако если в первом случае он может лишь констатировать наличие разных значений у одной и той же морфемы, то во втором, относя ее к определенному функциональному ряду, он, естественно, должен определить ее значение. Например, морфемы *-ation*, *-tion*, *-ment*, характерные для первого функционального ряда морфем со значением действия (0.3), могут иметь и значение состояния, и в данном значении они принадлежат уже ко второму функциональному ряду (ср.1.3). Это находит подтверждение в показаниях экспериментов, которым подвергаются, например, синтагмы с субвариантами агентивной акциональной или агентивной стативной синтаксемы: если первые синтагмы допускают трансформации в предложения с *акциональной* синтаксемой, выраженной глаголами в позиции сказуемого, то вторые могут трансформироваться уже в предложения со *стативной* синтаксемой, выраженной прилагательными со служебным глаголом в позиции сказуемого: *Walter's moderation* → *Walter was moderate*, *the dejection of his eyes* → *His eyes were dejected*, *his disappointment* → *He was disappointed*, etc. (ср.1.1, 1.3).

Такие же результаты эксперименты дают и в других случаях, когда исследуется взаимодействие тех же функциональных рядов морфем, первого и второго, с синтаксемами иных оппозитивных рядов, таких как объектный или косвенно-объектный ряд. Так, упомянутые морфемы первого ряда со значением действия *-ation*, *-tion*, *-ment* обуславливают возможность трансформации синтагм с соответствующими субвариантами объектной акциональной синтаксемы в предложения с *акциональной* синтаксемой, выраженной глаголами в позиции сказуемого: *your lamentations about carving angels* → *You lamented about carving angels*, *David's permssion* → *David permitted*, *their argument in the court-yard* → *They argued in the court-yard*, etc. Когда же эти морфемы имеют значение состояния, эксперименты сводятся к трансформациям синтагм с субвариантами объектной (или косвенно-объектной) стативной синтаксемы в предложения со *стативной* синтаксемой в позиции сказуемого, выраженной прилагательными со служебным глаголом: *his final satisfaction* → *He was finally satisfied*, *their complete seclusion* → *They were completely secluded*, *the excitement of the three thousand wedding guests* → *The three thousand guests were excited*, etc. (ср. 2.1–2.2, 2.4; 3.1, 3.3).

О своеобразии указанных, а также других морфем первого ряда со значением действия свидетельствует то, что они (и только они, но не морфемы иных рядов) обеспечивают возможность взаимодействия как с акциональными, так и с пассивными акциональными синтаксемами разных оппозитивных рядов – агентивного, объектного, косвенно-объектного, а также с акциональной синтаксемой в зависимой позиции (5.1). Это находит подтверждение в показаниях *экспериментов*, которым подвергаются, например, синтагмы с субвариантами агентивной пассивной акциональной синтаксемы, оформленными морфемами первого ряда (субвариантами, внешне подобными субвариантам агентивной акциональной синтаксемы), которые трансформируются в предложения с пассивной акциональной синтаксемой в позиции сказуемого, выраженной причастиями прошедшего времени со служебным глаголом: *by the removal of his burden* → *His burden was removed*, *Leo's entertainment* → *Leo was entertained*, *The last official recognition of the waning Buonarroti family* → *The waning Buonarroti family was officially recognized* (1.2).

Аналогично этому морфемы того же первого ряда со значением действия взаимодействуют как с объектной, так и с косвенно-объектной пассивной акциональной синтаксемой, каждая из которых допускает проведение экспериментов, подобных указанным: *His election* → *he was elected*, *for his appointment in the Colonies* → *he was appointed in the Colonies*, etc. (ср. 2.3, 3.2).

6.3. При изучении оппозитивных рядов синтаксем, а также используемых для их выражения лексем ранее мы неоднократно соприкасались с вопросом о том, какие возможности они открывают для сопоставительного, или сравнительного, анализа, в частности на материале английского и русского языков, причем упор делался на определении системных отношений языковых единиц. Так было, например, при изучении синтаксем двух посессивных рядов и используемых для их выражения существительных и прилагательных [Мухин 2002а: 29–34], при изучении синтаксем акционального ряда и их лексической базы – непереходных и переходных глаголов [там же: 55–63, 80–81, 90–94, 125–126, 129–130], а также при изучении синтаксем пассивного акционального ряда, лексической базой которых служат переходные глаголы в форме причастия прошедшего времени [там же: 109–117, 130–132].

И в рассматриваемых здесь случаях возникает вопрос, какие возможности для сопоставительного (сравнительного) анализа существуют при исследовании взаимодействия морфем того или иного функционального ряда с синтаксемами различных оппозитивных рядов. Этот вопрос тем более актуален, что сами по себе деривационные морфемы, рассматриваемые вне их системных отношений, особенно в условиях их многозначности, не поддаются сопоставительному анализу (с использованием

определенных методов исследования, в равной мере применимых на материале как английского, так и русского языка). Совсем иное положение вещей складывается, когда выделяются не отдельные морфемы, а функциональные ряды морфем, взаимодействующих с синтаксемами разных оппозитивных рядов, где эти синтаксемы отчетливо выделяются с применением метода эксперимента. Это мы довольно подробно показали выше, изучая взаимодействие морфемных рядов с синтаксемами нескольких оппозитивных рядов – агентивного (1.1–1.4), объектного (2.1–2.5), косвенно-объектного (3.1–3.4).

Всё это свидетельствует о функциональной избирательности морфем первых трех рядов, т.е. об использовании их для выражения определенных синтаксем в том или ином оппозитивном ряду (0.3). Убедиться в этом нетрудно и при изучении других оппозитивных рядов синтаксем, в частности рядов, указанных в четвертой главе (4.1).

6.4. Нельзя не сказать в этой связи, хотя бы кратко, и о роли морфем четвертого функционального ряда, на множественность которых по сравнению с морфемами первых трех рядов мы обратили внимание во введении, отметив при этом их отличительную особенность, которая заключается в том, что они не допускают проведения экспериментов, подобных только что указанным, т.е. экспериментов с использованием однокорневых глаголов или прилагательных в позиции сказуемого (0.4).

Функциональная избирательность суффиксальных морфем четвертого ряда (как и избирательность суффиксальных морфем первого, второго и третьего рядов) совершенно отчетливо обнаруживается при изучении синтаксем агентивного, объектного и косвенно-объектного рядов, в которых они служат целям оформления существительных, представляющих только собственно агентивную или собственно объектную, или собственно косвенно-объектную синтаксему (1.5, 2.6, 3.5). В сущности, то же самое можно сказать об этих морфемах и во многих других случаях, в частности об оформлении ими существительных, используемых для выражения собственно экзистенциальной или собственно идентифицирующей синтаксемы, каждая из которых противопоставляется либо акциональной, либо стативной, либо качественной синтаксеме в указанных выше оппозитивных рядах – экзистенциальном, классифицирующем или идентифицирующем (4.1). Однако возможность использования существительных с морфемами четвертого ряда зависит от специфики лексической базы, которая может исключить такую возможность. Так обстоит дело, например, в случае собственно темпоральной синтаксемы, которая выражена существительными, обозначающими дни недели, части суток, месяцы, времена года и т.д. [Мухин 1999: 108]

Функциональная лексикология и функциональный синтаксис

6.5. При изучении функциональных рядов морфем во взаимодействии с синтаксемами различных оппозитивных рядов нельзя не обратить внимания на роль лексического фактора, прежде всего – на роль субстантивных лексем, которые оформлены суффиксальными морфемами и которые вместе с другими лексемами – существительными, лишенными таких морфем, составляют лексическую базу исследуемых синтаксем в их различных вариантах. Нужно сказать, что сами по себе эти лексемы, без учета их тесных связей с соответствующими синтаксемами, вряд ли поддаются определенной систематизации (с использованием лингвистических методов исследования).

Если бы мы не поставили перед собой задачи исследовать деривационные морфемы во взаимодействии с оппозитивными рядами синтаксем, мы, видимо, не обратили бы должного внимания на существующую дифференциацию субстантивных лексем с суффиксальными морфемами при выражении синтаксем одного и того же оппозитивного ряда, и это естественно. Так, существительные *disapproval* или *approval*, *conversation*, *announcement*, которые служат средствами выражения агентивной акциональной синтаксемы (1.1), по своей структуре, в сущности, не отличаются от существительных *removal*, *recognition*, *entertainment* из числа тех, на базе которых реализуется агентивная пассивная акциональная синтаксема (1.2). По структуре эти существительные не отличаются и от существительных *resignation*, *indignation*, *excitement* и других, представляющих агентивную стативную синтаксему (1.3) и также включающих в себя суффиксальную морфему при глагольной основе.

Однако по своим системным отношениям как средства выражения синтаксем агентивного ряда указанные субстантивные лексемы существенно различаются, образуя три различные группы: первая группа включает в себя существительные, оформленные морфемами первого функционального ряда со значением действия и образованные как от переходных, так и непереходных глаголов (*arrival*, *betrayal*, *disapproval*, etc.), вторая также включает существительные с морфемами первого ряда, которые, однако, образованы только от переходных глаголов (*removal*, *entertainment*, *recognition*, etc.), третья же охватывает существительные с морфемами второго ряда со значением состояния (*silence*, *affection*, *excitement*, etc.). Если существительные первой группы в экспериментах допускают трансформации синтагм с агентивной акциональной синтаксемой в предложения с акциональной синтаксемой, выраженной глаголами в личной форме в позиции сказуемого (*arrive*, *betray*, *disapprove*, etc.), то существительные второй и третьей групп допускают трансформации синтагм с соответствующей синтаксемой (агентивной

пассивной акциональной или агентивной стативной) либо в предложениях с пассивной акциональной синтаксемой, выраженной причастием прошедшего времени со служебным глаголом, либо в предложениях со с т а - т и в н о й синтаксемой, представленной прилагательными со связкой (ср. 1.1, 1.2, 1.3).

Такие же системные отношения отмечаются и между существительными как средствами выражения синтаксем других оппозитивных рядов, в частности синтаксем объектного ряда (2.1–2.2, 2.3, 2.4). В данном ряду также имеются объектные акциональная, пассивная акциональная и стативная синтаксемы, выраженные существительными, соотносительными с существительными, которыми выражены соответствующие синтаксемы агентивного ряда и которые допускают проведение тех же экспериментов. Это значит, что системные отношения существуют не только между существительными в пределах одного и того же агентивного ряда синтаксем, но и между существительными в двух разных оппозитивных рядах синтаксем. Более того, эти системные отношения распространяются и на существительные у соответствующих синтаксем других оппозитивных рядов, в частности синтаксем косвенно-объектного ряда (3.1, 3.2, 3.3) или темпорального (ср. 4.1–4.2) и т.д.

Иначе говоря, существительные как средства выражения агентивной акциональной, объектной акциональной, косвенно-объектной акциональной, темпоральной акциональной синтаксем составляют единое множество лексем, которые определены были выше как а к - ц и о н а л ь н ы е с у щ е с т в и т е л ь н ы е (1.1, 2.1–2.2, 3.1). Соответственно, и существительные как средства выражения агентивной стативной, объектной стативной, а также косвенно-объектной стативной и темпоральной стативной синтаксем составляют единое множество с т а - т и в н ы х с у щ е с т в и т е л ь н ы х (1.3, 2.3, 3.3, 4.2). Аналогично этому и существительные как средства выражения агентивной качественной, объектной качественной, косвенно-объектной и темпоральной качественных синтаксем (1.4, 2.5, 3.4, 4.2) могут быть определены как к в а л и т а т и в н ы е , и л и к а ч е с т в е н н ы е с у щ е с т в и т е л ь - н ы е , которые также образуют единое множество лексем.

К сказанному следует добавить, что такие объединения или множества существительных включают в себя и группы акциональных, стативных и качественных лексем, используемых в качестве средств выражения акциональной, стативной и качественной синтаксем, выделенных нами в зависимой позиции в связи с изучением трех важнейших синтаксических категорий (5.1, 5.3, 5.6). Эти синтаксемы относятся к ф у н к - ц и о н а л ь н о м у к л а с с у с у б с т а н ц и а л ь н ы х с и н - т а к с е м , как и только что упомянутые синтаксемы агентивного, объектного и косвенно-объектного рядов.

Однако здесь нужно сказать и о системных отношениях глагольных и адъективных лексем, составляющих лексическую базу указанных выше процессуальных и квалификативных синтаксем. К классу процессуальных синтаксем относится акциональная синтаксема, выраженная глаголами в позиции сказуемого в предложениях, полученных при проведении экспериментов с агентивной акциональной синтаксемой (1.1). Как далее мы установили, эти глаголы системно связаны с группами глаголов, полученных при проведении экспериментов с другими акциональными синтаксемами, и, следовательно, вместе с такими группами они образуют единое множество акциональных глаголов (2.1–2.2, 3.1). К этому множеству относятся и глаголы, составляющие лексическую базу акциональной синтаксем в позиции сказуемого, которая была упомянута выше в связи с изучением акциональной синтаксической категории (5.2). Заметим также, что еще одно множество глагольных лексем образуют стативные глаголы, являющиеся средствами выражения процессуальной стативной синтаксем (5.5).

Что же касается прилагательных, то их системные отношения в качестве средств выражения квалификативных синтаксем отчетливо проявляются, когда одни их группы представляют стативные синтаксем, другие – кваликативные синтаксем. Так, группы прилагательных в позиции сказуемого (в сочетании со служебным глаголом), полученные при проведении экспериментов с агентивной стативной или объектной стативной, или косвенно-объектной стативной синтаксемой (1.3, 2.4, 3.3), объединяются в единое множество стативных прилагательных. Соответственно, другие группы прилагательных, полученные при проведении экспериментов с агентивной кваликативной или объектной кваликативной, или косвенно-объектной кваликативной синтаксемой (1.4, 2.5, 3.4), объединяются в единое множество кваликативных прилагательных.

К этим двум множествам относятся и стативные или, соответственно, кваликативные прилагательные, на основе которых реализуются квалификативные синтаксем, выделенные в пятой главе (5.4, 5.6), а к последнему множеству принадлежат группы прилагательных, намеченные в конце этой же главы (5.8).

6.6. Естественно, возникает вопрос, к какой области лингвистического анализа относится исследование указанных объединений или множеств субстантивных, глагольных и адъективных лексем. Если отнести все это к функциональному синтаксису, то возникает другой вопрос: почему до сих пор (например, в книге, с упоминания которой мы начали эту главу) сама возможность определения оппозитивных рядов синтаксем непосредственно не связывалась с необходимостью указания подобных лексических групп или более крупных объединений лексем? Очевидно, в

данном случае речь может идти об особой, причем обширной области лингвистического анализа – **функциональной лексикологии**, которая столь же тесно связана с функциональным синтаксисом, как и функциональная морфология (6.1), но имеет свои задачи и методы исследования.

Известна, однако, другая лексикология, уже достаточно разработанная и тесно связанная с лексикографией, которая существенно отличается от функциональной лексикологии. В этой связи нам нужно вернуться к самому началу данной работы (0.1), к приведенному там высказыванию Л. В. Щербы, в котором он противопоставляет вопросу о том, как можно делать новые слова (чем занимается один из основных отделов грамматики), вопрос о том, как сделаны готовые слова (что является делом словаря, где должна быть дана и делимость слова). В последнем случае, очевидно, можно говорить о **структурной лексикологии**, которая изучает, в отличие от занимающей нас здесь функциональной лексикологии, структуру слов-лексем. При этом в структурной лексикологии не возникает необходимости устанавливать системные отношения между лексемами и синтаксемами – единицами разных уровней организации языка, как, между прочим, и системные отношения между самими лексемами. Обычно не ставится и задача сопоставительного, или сравнительного, изучения лексем разных языков, которой в функциональной лексикологии придается большое значение (4.5; см. также ниже). Как известно, говоря об очередных проблемах языковедения, Л. В. Щерба одной из основных очередных задач называл сравнительное изучение структуры или строя различных языков [Щерба 1958: 5].

Само собой разумеется, рассмотрение задач и методов функциональной лексикологии выходит далеко за пределы настоящей работы. Приведем здесь лишь некоторые соображения, опираясь на данные, полученные в этой, а также в наших предыдущих и других работах. И прежде всего следует сослаться на упоминавшееся выше довольно полное исследование переходных (одно- и двухпереходных) глагольных лексем, которое содержит все необходимые основания для различения языковых единиц и методов исследования, относящихся, с одной стороны, к функциональной лексикологии, с другой – к функциональному синтаксису, хотя, нужно сказать, на первых порах говорилось не о функциональной лексикологии, а о лексическом анализе как одном из разделов лингвистического анализа [Мухин 1987: 7, 24 и сл.; ср: Мухин 1976: 207].

Как указывалось во второй, третьей и четвертой главах, переходные глаголы выделяются на основе самого различного управления, характеризуемого как лексическая связь, причем глаголы с одним и тем же управлением и общим или близким лексическим

значением, а также общей сочетаемостью с дополнениями объединяются в функциональные ряды (которые ранее неточно именовались «лексико-семантическими группами», ср. 2.1). Эффективным методом выделения таких рядов переходных глаголов является модель-структурный (глагольных фраз), в каждой из которых получает отражение одинарное или двойное управление, предлоги, посредством которых осуществляется управление, и наличие одного или двух дополнений (complements – C^1 , C^2). Так устанавливаются множества однопереходных и двухпереходных глаголов, включающие в себя многочисленные ряды однопереходных глаголов (с беспредложным, вариативным беспредложно-предложным, предложным или вариативным предложным управлением) и соответствующие ряды двухпереходных глаголов с тем или иным двойным управлением.

Исследованию указанных множеств переходных глаголов посвящены многие диссертационные работы [см. о них: Мухин 1987: 4–5]. В одной из этих работ в сопоставительном аспекте с опорой на методы моделирования и эксперимента исследованы ряды однопереходных и двухпереходных глаголов, причем в сопоставительном анализе за исходные приняты ряды переходных глаголов русского языка, управляющих главным образом винительным падежом посредством предлога *на* и выделенных из произведений русских писателей 19–20 вв. [Яковлева 1980: 217 и сл.; ср. Мухин 1987: 155–156, 160–165, 179 и сл.].

Так, по соответствию рядам однопереходных глаголов русского языка, подводимых под одну и ту же модель управления $V_{tr} + na + C_a$, выделяются, например, следующие ряды однопереходных глаголов английского языка, объединенных общностью или близостью лексического значения и общей сочетаемостью с дополнениями (при наличии общего для них управления, предложного или вариативного предложного):

а) со значением "кричать", "орать", "ворчать" на кого-либо и т. п. ($V_{tr} + at + C$): bark "лаять", "рявкать", bawl "кричать", "орать", bay "лаять", "рявкать", bluster "орать", saqr "ворчать", clamour "кричать", "шуметь", cry "кричать" и др.;

б) со значением направленного взгляда на кого-либо, что-либо ($V_{tr} + at/on/upon + C$): beam "приветливо смотреть на кого-либо, улыбаясь", frown "неодобрительно смотреть", "хмуро смотреть", gaze "пристально глядеть", "глазеть", "улавливать", glance "мельком взглянуть", look "смотреть" и др.;

в) со значением атаки, нападения на кого-либо, что-либо ($V_{tr} + at/on/upon + C$): advance "наступать", dart "ринуться", "рвануться", "бро-

ситься", dash "нападать", "бросаться", feint "бросаться", "наносить ложный удар", fly "бросаться", "нападать" и др.;

г) со значением "налететь", "наскочить", "наткнуться" на что-либо, кого-либо ($V_{tr} + \textit{agaist/into} + C$): barge "наталкиваться (с разбега)" на кого-либо, что-либо, butt *разг.* "натыкаться, наталкиваться", cannon "налететь, наскочить", clash "налететь", "наскочить", "натолкнуться" и др.;

д) со значением "полагаться", "рассчитывать", "надеяться" на кого-либо, что-либо ($V_{tr} + \textit{on/upon} + C$): bank *разг.* "рассчитывать", "полагаться", calculate "рассчитывать", count "рассчитывать" на что-либо, кого-либо, depend "полагаться", "рассчитывать", "надеяться" и др.

Выделение всех таких функциональных рядов переходных глаголов производится на единой теоретической и методологической основе, которая обеспечивает возможность выхода в сопоставительный, или сравнительный, анализ, четко отграничивая переходные глаголы от непереходных.

В этой связи следует вспомнить и то, что говорил Л. В. Щерба о переходных глаголах, которые он характеризовал как строевые элементы лексики в отличие от непереходных глаголов, определяемых им как "подлинно знаменательные слова". "К сожалению, до сих пор строевые элементы лексики полностью не выявлены еще ни для одного языка, и это является одной из очередных задач работы над грамматиками европейских языков. Это необходимо как в плане теоретическом, так и в плане чисто методическом, так как можно показать, что при изучении иностранных языков знание строевых элементов важнее знания знаменательных. И это понятно даже а priori: число строевых элементов в каждом языке ограничено, а число знаменательных, можно сказать, бесконечно. Первые нужны всегда и везде, а встречаемость вторых зависит от интересов изучающих язык, а еще больше от случая... Кроме того, первые надо выучить и знать, а в области вторых о многом можно догадываться при пассивном владении языком и многое можно обходить при активном" [Щерба 1974: 329, 330].

6.7. Сопоставление русских и английских переходных глаголов в их функциональных рядах, подобных только что приведенным, последовательно проводится с опорой на модели управления, в которых глаголы отражаются именно как единицы лексического уровня, обладающие способностью к управлению (отмечаемому обычно в словарях). Построение таких моделей было бы невозможно применительно к предложениям в речи (письменной или устной) хотя бы уже потому, что дополнения далеко не всегда реализуются в предложениях при переходных глаголах. Последние же, реализуясь в предложениях в тех или иных формах, личных или неличных, на основе синтаксических связей образуют элементарные синтаксические единицы – компоненты предложения и различные синтаксемы, имеющие системы вариантов. При этом п р е д л о г и

выступают в тесном единстве с лексемами, в частности существительными, передавая в таком тесном единстве с ними синтаксическую семантику, которая предопределяет собой наличие системных отношений синтаксем и возможность применения синтаксических методов.

Следует также отметить, что построение знаковых моделей лексических конструкций возможно не только при наличии переходных глаголов, но и тогда, когда переходными являются лексемы иной части речи, соотносительные с однокорневыми переходными глаголами. Следовательно, в функциональной лексикологии устанавливаются системные отношения между переходными лексемами разных частей речи, особенно между глаголами и существительными, причем применяются в сущности одни и те же методы – эксперимент и моделирование [Мухин 2002а: 59–60, 129]. В синтаксическом же аспекте, т.е. в предложениях, при переходных лексемах разных частей речи изучаются объектные или косвенно-объектные синтаксемы в их оппозитивных рядах и в их различных вариантах, что относится уже к задачам функционального синтаксиса (ср. главы 2 и 3).

Показательно в этом отношении изучение так называемых "групповых глаголов" или, точнее, устойчивых глагольных фраз, таких как *to pay attention (to)*, *to take care (of)*, etc. [Мухин 1976: 207–214]. С одной стороны, в аспекте функциональной лексикологии на основе управления и с помощью методов эксперимента и моделирования исследуются элементарные лексические единицы в их составе – переходные глагольные лексемы с отвеченным значением и переходные субстантивные лексемы (хотя могут быть и непереходные субстантивные лексемы, ср.: *to take a swim*, *to have a walk*, etc.). С другой стороны, в аспекте функционального синтаксиса на основе различных синтаксических связей в предложениях рассматриваются элементарные синтаксические единицы, выраженные членами указанных устойчивых глагольных фраз (например, существительным *care* в позициях зависимого компонента и подлежащего: *They took care of the child*, *Care is taken that the nation shall get...*). Кроме того, однако, подобные (и иные) устойчивые глагольные фразы изучаются и в аспекте лингвистической стилистики со стороны их чисто семантического или, иначе, смыслового (мыслительного, понятийного) содержания как синонимичные простым глаголам. При этом упомянутые методы эксперимента и моделирования в таком случае оказываются неприменимыми.

Не менее показательным для задач функциональной лексикологии и функционального синтаксиса является изучение глагольных образований типа *to ring up* "звонить по телефону", *to put on* "надевать", *to put off* "откладывать", которые мы именуем глагольными фразами

(точнее, глагольно-наречными фраземами) и которые в лингвистической литературе получают самые различные наименования – фразовых глаголов, глагольно-наречных сложений или глагольно-наречных сочетаний, двусловных глаголов и др. [там же: 225–227]. В аспекте функциональной лексикологии образования этого рода как неделимые лексические единства, отражаемые в словарях, подобно глагольным лексемам, изучаются наряду с последними в их системных отношениях, с учётом их принадлежности к определённым функциональным рядам лексем (ранее неточно именовавшимся "лексико-семантическими группами переходных глаголов"). В аспекте же функционального синтаксиса они рассматриваются в соотношениях с обычными глагольно-наречными сочетаниями, в которых наречия способны вступать в синтаксические связи с другими компонентами предложения (ср., например, при наличии координативной связи: *Mrs. Hamlyn, smiling, looked him up and down with appraising eyes* – S. Maugham). В таких случаях опорой служат методы эксперимента и моделирования, используемые при изучении структуры предложения, как и при функциональной интерпретации его элементов (ср. эксперименты с заменами наречия сочетанием существительного с предлогом и др.).

Заметим также, что учет методов исследования приобретает существенное значение не только при разграничении упомянутой выше лингвистической стилистики, с одной стороны, и функциональной лексикологии, а также функционального синтаксиса как разделов лингвистического анализа, с другой стороны, но и при разграничении других лингвистических наук, в частности сравнительной грамматики (компаративистики) и лингвистической географии [там же: 235, 245–247, 251–252, 264 и сл.].

К функциональной лексикологии имеет отношение и то, что было сказано в конце нашей предыдущей монографии о работе над системными словарями переходных глаголов и лексем других частей речи (существительных, прилагательных), а также об изучении переходных глаголов вместе с непереходными возвратными, взаимными и медиальными глаголами, составляющими лексическую базу акциональной синтаксемы [Мухин 2002а: 115–116, 130–131]. Добавим к этому сказанное выше о необходимости изучения многозначности лексем, которая отражается на системных отношениях синтаксем (5.7).

Глава 7. К проблеме уровней языка

Функциональный анализ элементарных единиц языка

7.1. С определением функциональной лексикологии как особой области лингвистического анализа, тесно связанной с функциональным синтаксисом и функциональной морфологией, можно, очевидно, говорить о функциональном анализе единиц разных уровней языка или, точнее, функциональном анализе элементарных единиц разных уровней организации языка [Ср: Мухин 1976: 34–41, 52–53]. При этом нужно, конечно, иметь в виду и фонологию, которую А. Мартине называл функциональной фонетикой [Martinet 1949: 10 и сл.]. Фонология играла большую роль в развитии теории функционального синтаксиса, стимулируя поиски путей решения его проблем. В особенности это касается соотношения содержания и формальных признаков синтаксем, определения их синсемантических (синтаксико-семантических) признаков [Мухин 1964: 8 и сл.]

На первый взгляд, может показаться странным, что именно функциональный синтаксис служит исходным моментом для понимания системных отношений в области как функциональной лексикологии, так и функциональной морфологии. Известно, однако, что поиски системных отношений в языке после фонологии обычно осуществлялись, прежде всего применительно к морфологическим единицам, причем фактически в условиях отсутствия лингвистических методов исследования. В этой связи уместно привести здесь слова А. Мартине о роли метода: «...до тех пор, пока явления речи и языка изучаются без применения определенного метода или при помощи случайного метода, неодинакового у разных исследователей, нельзя говорить о лингвистике как о науке» [Мартине 1960: 438].

Из изложенного выше явствует, что системные отношения суффиксальных морфем отчетливо проявляются в их функциональных рядах, реализуемых в субстантивных лексемах в качестве средств выражения синтаксем определенных оппозитивных рядов. Тем самым их исследование получает опору в лингвистических методах – эксперименте и моделировании, посредством которых различаются синтаксем, их варианты и субварианты. Равным образом и системные отношения лексем отчетливо проявляются в их функциональных рядах, в частности рядах переходных (однопереходных, двухпереходных) глаголов или других лексем, а также в группах или более крупных объединениях–

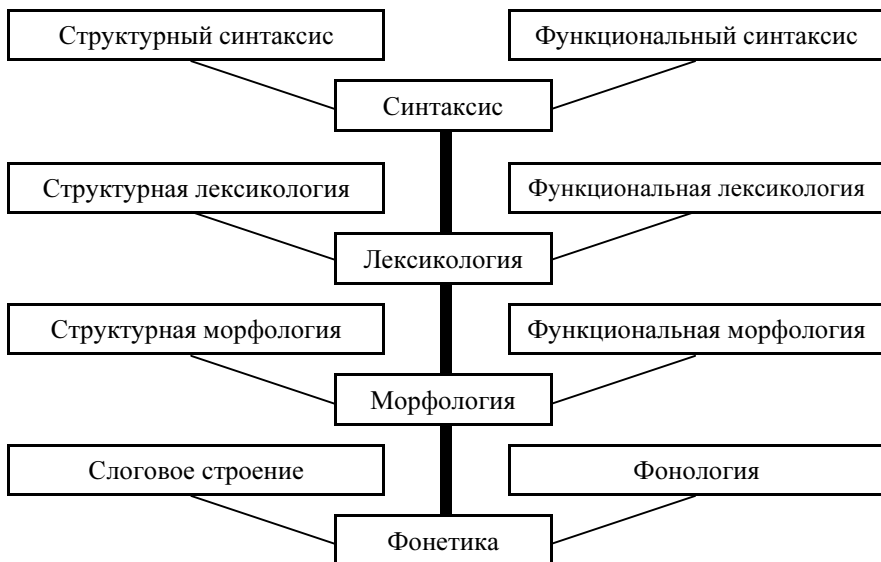
множествах, составляющих лексическую базу синтаксем разных оппозитивных рядов. Тем самым их исследование также осуществляется с опорой на указанные лингвистические методы. При этом лексемы, оформленные суффиксальными морфемами того или иного функционального ряда, объединяются с лексемами, лишенными суффиксальных морфем, но способными служить целям выражения синтаксем соответствующего оппозитивного ряда (ср. 1.1, 1.3 и др.). Нет необходимости говорить о том, насколько важным для функционального синтаксиса является выделение таких лексем.

В соответствии с различием, с одной стороны, оппозитивных рядов синтаксем, с другой – рядов, групп или более крупных объединений лексем и функциональных рядов суффиксальных морфем определяется языковая семантика всех этих единиц. На базе синтаксических связей в предложениях (или вычленяемых из них конструкциях-синтагмах) устанавливается синтаксическая семантика первых, определяющая собой синсемантические, или синтаксико-семантические, признаки (synsemantic features), носителями которых являются лексем в сочетаниях со служебными элементами, в частности предлогами, или без них (S, by S, etc. – 1.1 и сл.). О лексической семантике существительных, а также глаголов и прилагательных в указанных выше группах и более крупных объединениях можно судить по их сочетаемости – именно как лексем – с другими лексемами и по их способности служить лексической базой синтаксем (агентивной акциональной, агентивной стативной и т.д., ср. 0.5).

Что же касается деривационных морфем, то их морфологическая семантика проявляется в их способности образовывать функциональные ряды, которые дифференцированно используются при выражении синтаксем разных оппозитивных рядов. Хотя, нужно сказать, их семантика носит очень абстрактный характер, что нередко побуждает исследователей ограничиваться лишь перечислением оформленных ими лексем. Однако лексическая семантика последних гораздо более конкретна, сводясь к обозначению тех или иных действий, состояний, качеств и т.д. Очень абстрактный характер носит и синтаксическая семантика, передаваемая отдельными элементами и синтаксически неделимыми сочетаниями на основе синтаксических связей, но ее определению способствуют различные эсперименты, подобные тем, которые проводились в первой и последующих главах.

Осознавая всю сложность решаемых и затрагиваемых в настоящей работе проблем, мы попытались определить место функциональных рядов морфем (функциональной морфологии), функциональной лексикологии и функционального синтаксиса в общей проблематике лингвистического анализа, которому мы придали форму дерева:

Лингвистический анализ (Лингванал)

В этом «дереве» не отражены, однако, связи между его «ветвями», например между функциональной лексикологией и функциональным синтаксисом, а также между функциональной морфологией, функциональным синтаксисом и функциональной лексикологией.

Основное внимание в этом «проблемном дереве» привлекают четыре узла – фонетика, морфология, лексикология и синтаксис, в соответствии с которыми различаются уровни организации языка. Об основных особенностях синтаксического уровня организации языка можно судить по изложенному в каждой из девяти глав настоящей работы. Он предполагает прежде всего возможность определения самих предложений [Мухин 1999: 3–4; 2004б: 7–10, 121 и сл.], а также возможность выделения из предложений различных синтаксических конструкций, в частности подлежащих и зависимых синтагм (0.3), на основе которых в настоящей работе проводятся эксперименты при изучении элементарных синтаксических единиц – синтаксем. Представление об основных особенностях лексического уровня организации языка дает сказанное выше о функциональной лексикологии в связи с исследованием системных отношений лексем (в том числе переходных), которые определяются по их отнесенности к той или иной части речи – существительному, прилагательному, глаголу

(и потому именуется как субстантивные, адъективные или глагольные лексемы), а также по их сочетаемости с другими лексемами в соответствующих лексических конструкциях – субстантивных, адъективных или глагольных фраз [Мухин 1976: 131, 140 и сл.].

В связи с рассмотрением проблемы уровней языка ранее мы уже ставили перед собой задачу охарактеризовать основные особенности фонетического и морфологического уровней организации языка [там же: 54–94]. В первом случае возникает прежде всего необходимость выделения отдельного самостоятельного слова «как особого, относительно замкнутого, фонетического комплекса», с которым в тюркских языках связано наличие у гармонии гласных (сингармонизма) «централизирующей функции, проявляющейся в указании на границы слова» [Щербак 1970: 70]. Такое слово вместе со служебным словом дает возможность изучать элементарные фонологические единицы – фонемы в их системных отношениях, а также слоги или слоговое строение [Щерба 1948: 77]. Во втором же случае, то есть по отношению к морфологическому уровню организации языка, прежде всего возникает необходимость выделения частей речи (с их компонентами – 5.1), которые позволяют изучать функциональные ряды деривационных морфем, находящихся в центре внимания в настоящей работе. При этом, однако, большое значение приобретает изучение их взаимодействия с синтаксемами и лексемами, особенно с первыми, которые открывают возможность опереться на метод эксперимента при выделении морфем разных функциональных рядов и при их сопоставлении в английском, русском и других языках (6.2–6.3).

7.2. А теперь оглянемся на пройденный нами путь в настоящей и предыдущих работах с учетом самой постановки проблемы лингвистического анализа [Мухин 1976: 12–21] и таких его новых областей, как функциональная морфология и функциональная лексикология, а также функциональный синтаксис, который с начала 60-х годов минувшего столетия служил нам стимулом для поисков новых путей исследования в лингвистике. И начнем с функциональной морфологии, в основу которой мы положили в настоящей работе функциональные ряды деривационных морфем со значением действия, состояния или качества. Установление таких рядов морфем стало возможным для нас только в связи с изучением их взаимодействия с синтаксемами различных оппозитивных рядов (агентного, объектного и др.), которые передают синтаксическую семантику акциональности, стативности или квалитативности (ср. 0.3, 4.1–4.2, 6.1–6.2).

Что же касается структурной морфологии (6.1), то для нее при выделении и изучении деривационных морфем, в принципе, не требуется знания единиц синтаксического уровня организации языка. Для нее требуется прежде всего знание особенностей данной части

речи, ее различных морфологических компонентов, включая флективные морфемы. Впрочем, последние играют большую роль и при оформлении синтаксических единиц – как ядерных и неядерных компонентов предложения (подлежащего, сказуемого и др.), так и синтаксем с их системами вариантов, при выражении которых флективные морфемы взаимодействуют со служебными элементами, как, например, морфемы родительного, дательного и винительного падежей, с одной стороны, и предлоги *on*, *ofer*, *under* (при наличии соответствующих падежных форм), с другой стороны, взаимодействуют в качестве средств выражения локативной синтаксемы в древнеанглийском языке [Мухин 1964: 258]. Однако это не меняет существа противопоставленности функционального и структурного анализа при изучении языковых единиц в пределах одного морфологического уровня организации языка.

Как и в случае функциональной морфологии, при выделении области функциональной лексикологии решающее значение для нас стало изучение взаимодействия относящихся к ней языковых единиц, а именно – лексем, с синтаксемами различных оппозитивных рядов, передающих синтаксическую семантику акциональности, стивности или квалитативности (тогда как структурная лексикология вообще не предполагает установления системных отношений между лексемами и синтаксемами, ср. 6.6). Так стало возможным выделение групп акциональных, стивных и квалитативных существительных, образующих лексическую базу синтаксем с семантикой акциональности (агентивной акциональной, объектной акциональной, косвенно-объектной акциональной и др.) и, соответственно, синтаксем с семантикой стивности или квалитативности (6.5). И далее, изучая системные отношения этих синтаксем с синтаксемами, выраженными глаголами и прилагательными в позиции сказуемого (где последние обычно имеют при себе служебные элементы – связки) и опираясь при этом на показания экспериментов, мы смогли выделить и группы акциональных и стивных глаголов или, соответственно, группы акциональных, стивных и квалитативных прилагательных, образующих множества лексем, используемых для выражения процессуальных или квалификативных синтаксем (там же).

В тех же направлениях – функциональном и структурном – ранее проходило изучение синтаксического уровня организации языка, который является гораздо более сложным, чем морфологический или лексический уровень. В функциональной синтаксисе это проявляется в наличии многочисленных оппозитивных рядов синтаксем, в системах вариантов и сочетаемости последних [Мухин 1999: 21 и сл.]. Хотя и в функциональной лексикологии лингвисту часто приходится

иметь дело с многочленными функциональными рядами, образуемыми однопереходными и дупереходными глаголами с тем или иным управлением (ср. 4.4–4.5, 6.6). Задачи функционального синтаксиса осложняются еще и тем, что изучение оппозитивных рядов синтаксиса самым непосредственным образом связано с необходимостью точного определения синтаксических позиций синтаксисом (позиций сказуемого, зависимой и др.).

Это осуществляется, однако, с помощью методов моделирования и эксперимента в структурном синтаксисе при исследовании ядерных и неядерных компонентов предложения и шести типов синтаксических связей [Мухин 2004б: 143–149]. На основе компонентов предложения в структурном синтаксисе определяются и вычленимые из предложений синтагмы, простые и сложные, обособленные и необособленные (там же: 144–145), которые играют большую роль в функциональном синтаксисе при установлении системных отношений синтаксисом с помощью экспериментов (достаточно широко показанных в настоящей работе, ср. 0.3, 1.1, 1.2 и т.д.). Сам же по себе структурный синтаксис не предполагает изучения системных отношений языковых единиц, как, впрочем, и структурная лексикология или структурная морфология (см. выше). Такие отношения отсутствуют, например, между компонентами предложения (clause components) или между самими синтагмами.

Системные отношения – это стихия функционального синтаксиса, где они устанавливаются не только между синтаксемами, но и между синтаксемами и другими языковыми единицами, особенно лексемами, которые составляют лексическую наполняемость синтаксиса. В частности, это касается пассивных акциональных синтаксисов, с одной стороны, и, с другой – переходных глаголов, образующих их лексическую базу, которые были затронуты нами в предыдущей работе в сопоставительном аспекте на материале английского и русского языков [Мухин 2002а: 112–117]. Определяя переходные глаголы как лексические единицы, своеобразие которых по сравнению с непереходными глаголами заключается в их способности к управлению, отражаемому в знаковых моделях (4.4–4.5 и др.), следует принять во внимание и системные отношения самих синтаксисов, изучение которых может способствовать уточнению глаголов как переходных или непереходных.

Так, при наличии в предложении глагола *курить* или *пить*, например: Вы курете? Вы пьете?, может возникнуть сомнение, что мы имеем здесь дело с переходными глаголами (ср. курить табак, пить вино и т.п.). Действительно, следует ли здесь ожидать употребления при глаголе объектной синтаксемы? Глаголы в подобных случаях соотносительны с однокорневыми прилагательными *курящий*, *пьющий* (ср.: Вы курящий? Он человек курящий. Вы пьющий? и т.д.), которые помогают понять, что

в приведенных примерах мы имеем дело с непереходными глаголами. В позиции сказуемого они представляют процессуальную акциональную синтаксему, тогда как прилагательные с суффиксом **-ущий (-ющ-ий)** или **-ащ-ий (-ящ-ий)** – квалифкативную акциональную, которые находятся между собой в системных отношениях. В академической «Грамматике русского языка» об указанных суффиксах говорится, что посредством них «от глагольных основ (по преимуществу непереходных) образуются прилагательные (из соответствующих причастий) со значением: «характеризуемый каким-нибудь действием или состоянием в соответствии с производящей основой»...» [Грамматика русского языка I 1953: 354].

Рассматривая выше синтаксические категории, мы отметили, что и в английском языке процессуальная акциональная синтаксема системно связана с квалифкативной акциональной синтаксемой, выраженной прилагательными (5.2), и что вместе с ней и другими синтаксемами она образует акциональную синтаксическую категорию. Равным образом, и квалифкативная стативная синтаксема, средствами выражения которой служат прилагательные, образует вместе с процессуальной стативной и другими синтаксемами стативную синтаксическую категорию (5.4–5.5).

Исчисление языковых единиц

7.3. Следует коснуться и вопроса о том, что может дать проведенный функциональный анализ элементарных языковых единиц для исчисления единиц морфологического, лексического и синтаксического уровней организации языка. В ходе нашего исследования неоднократно шла речь о некоторых множествах или подмножествах, группах или подгруппах, рядах или субрядах разного рода языковых единиц и об их системных отношениях, а также методах их изучения. В этой связи отмечались и возможности сопоставительного, или сравнительного, анализа.

Кое-что в направлении исчисления языковых единиц находим в приведенном выше высказывании Л.В. Щербы о переходных глаголах, которые он характеризовал как строевые элементы лексики, в отличие от непереходных («знаменательных») глаголов (см.6.6). При этом он считал, что выявление первых является одной из очередных задач работы над грамматиками европейских языков, и там же добавлял, что число первых в каждом языке ограничено, а число вторых, можно сказать, бесконечно (ср.7.4). Следовательно, вопрос о количественном соотношении языковых единиц решается Л.В. Щербой применительно к одному и тому же уровню организации языка, т.е. лексическому.

Совершенно иначе решает вопрос о числе монем и числе фонем А. Мартине: «Количество высказываний, возможных в данном языке, теоретически безгранично, ибо не существует ограничений для последовательностей монем, составляющих высказывание. В самом деле, список монем данного языка может быть охарактеризован как **открытый список**: невозможно точно определить, сколько различных монем содержится в данном языке, так как в любом обществе каждое мгновение обнаруживаются новые потребности, вызывающие к жизни новые обозначения... Что касается списка фонем того или иного языка, то его можно назвать **закрытым списком**. Например, житель Кастилии различает 24 фонемы, ни на одну больше и ни на одну меньше. Ответ на вопрос «каково количество фонем в данном языке?» часто оказывается, впрочем, затруднительным ввиду того, что языки великих цивилизаций, имеющие широкое распространение, не представляют совершенного единства, а варьируются от местности к местности, от одного слоя общества к другому, от поколения к поколению» [Мартине 1963: 383].

Однако если фонемы являются языковыми единицами, количество которых в языке действительно ограничено, то в ы с к а з ы в а н и я , о которых говорит А. Мартине, видимо, вовсе не относятся к числу таковых. Их нельзя рассматривать применительно к какому-либо уровню организации языка, и они не предполагают применения каких-либо лингвистических методов исследования [ср., например, определение высказывания (акта коммуникации): «Единица сообщения, обладающая смысловой целостностью и могущая быть воспринятой слушающим в данных условиях языкового общения»: Ахманова 1966: 94]. Высказывания в концепции А. Мартине возникли не в результате изучения фактов языка, но были выведены априори из посылки о так называемом двойном членении языка. Этим объясняется и неопределенность классов единиц, включаемых им в высказывания и именуемых монемами, среди которых – (в кавычках) «имена» и «глаголы», «прилагательные», «наречия», «предлоги» и «союзы», «местоимения» [Мартине 1963: 493–499]. Между прочим, столь же неопределенными оказались бы выделяемые части предложений (синтаксических единиц), если бы они ассоциировались с ч а с т я м и р е ч и – существительным, прилагательным, местоимением, наречием, числительным, глаголом, а также с л у ж е б н ы м и э л е м е н т а м и – артиклем, предлогом [Мухин 1968: 60–61].

Фонемы в данном случае, очевидно, нужно сопоставлять не с высказываниями (как бы их ни понимать), к которым они фактически никакого отношения не имеют, а со с л о в а м и как «относительно замкнутыми фонетическими комплексами» (см. 7.1), в которых они выделяются и изучаются в их системных отношениях [ср.: Трубецкой 1960: 38 и сл.]. И в таком случае приходится констатировать, выражаясь словами А. Мартине, что список слов, используемых при изучении систем оппо-

зий фонем (или их оппозитивных рядов), может быть охарактеризован как «открытый список». Иными словами, если число фонем в языке ограничено, то количество слов является неограниченным.

Аналогичное соотношение обнаруживается и между морфологическими единицами, исследованными в настоящей работе: с одной стороны, деривационными морфемами, относящимися к тому или иному функциональному ряду, с другой – существительными, оформленными этими морфемами. Нужно сказать, что, относя функциональные ряды деривационных морфем в область морфологии, мы имеем в виду морфологию в широком смысле, которую Л.В. Щерба и В.В. Виноградов во Введении к академической «Грамматике русского языка» определили как «учение не только о способах образования форм слова, иначе учение о формообразовании (включая сюда и словоизменение), но и учение о словообразовании, т.е. учение о способах образования слов» [Грамматика русского языка I 1953: 16].

Элементарными морфологическими единицами являются морфемы со значением действия или состояния, или качества, которые взаимодействуют с синтаксемами и в каждом ряду представлены ограниченным количеством. В частности, в первом функциональном ряду морфем действия мы отметили лишь около 15 единиц, в том числе многозначных (0.3, 1.1, 2.1–2.2, 3.1, 4.2). Выделенные же или намеченные там группы существительных, оформленных этими морфемами, фактически не имеют количественных ограничений, т.е. могут быть охарактеризованы как «открытые списки». Подобно этому и морфемы со значением состояния или качества (0.3, 1.3, 1.4, 2.4, 2.5, 3.3, 3.4, 4.2) представлены ограниченным количеством, тогда как намеченные нами там же группы существительных, включающих в себя морфемы того или другого функционального ряда, могут быть представлены неограниченным количеством.

Элементарными морфологическими единицами являются и флективные морфемы, которые по-своему также взаимодействуют с единицами синтаксического уровня организации языка, образуя морфологические категории, в частности категорию падежа, категории времени и склонения [Мухин 2002а: 9 и сл.]. По сравнению с оформленными ими существительными они также могут быть охарактеризованы как образующие ограниченное множество (крайнее проявление которого находим в современном английском языке).

7.4. Нечто подобное мы наблюдаем и среди языковых единиц, относящихся к лексическому уровню организации языка: с одной стороны, выделяются элементарные лексические единицы, которые находятся между собой в системных отношениях и количество которых является ограниченным, с другой – лексические единицы–конструкции, или, иначе, конструктивные лексические единицы, которые

включают в себя единицы первого рода и количественно могут быть определены как составляющие неограниченное множество.

Среди элементарных лексических единиц нужно отметить прежде всего переходные глаголы, количество которых в каждом языке, как считал Л.В. Щерба, ограничено (7.3). На основе определенного управления они образуют функциональные ряды (ранее неточно именовавшиеся нами «лексико-семантическими группами», ср. 2.2), члены которых в каждом случае, т.е. в каждом ряду, количественно ограничены, имея одну и ту же или близкую лексическую семантику и соответствующую сочетаемость с дополнениями. Примерами могут служить уже упоминавшиеся выше (4.4–4.5) однопереходные глаголы со значением взгляда на кого-л., что-л., с вариативным предложным управлением $V_{tr} + at/on/upon + C$, и дупереходные глаголы со значением освобождения, избавления кого-л., чего-л. от чего-л., кого-л., с двойным беспредложным и вариативным предложным управлением $V_{tr} + C^1 + from/of + C^2$. В тот и другой ряд входит ограниченное количество глаголов, находящихся между собой и с однокорневыми существительными в системных отношениях: в первом ряду обнаруживается около 30 однопереходных глаголов, во втором – свыше 30 дупереходных глаголов.

Совсем иначе обстоит дело с конструктивными лексическими единицами – глагольными фразами, которые включают в себя элементарные лексические единицы и строятся в соответствии с особенностями последних – их управлением, значением и сочетаемостью с дополнениями, например: *to glance at a guest – to glance on a guest – to glance upon a guest, to scowl at a stranger – to scowl on a stranger – to scowl upon a stranger, etc.; to absolve sb from a charge – to absolve sb of a charge, to relieve sb from anxiety – to relieve sb of anxiety, etc.* [Мухин 1987: 162, 223]. Такие лексические единицы-конструкции не имеют количественных ограничений и не находятся между собой в системных отношениях, в отличие от переходных глаголов.

В связи с переходными глаголами нужно также заметить, что с ними как членами определенных функциональных рядов связаны системными отношениями и многие непереходные глаголы, которые образуют лексико-семантические группы (именуемые так в отличие от функциональных рядов переходных глаголов) и обычно выделяются в позиции сказуемого в предложениях, являющихся конструктивными синтаксическими единицами (см. о них ниже – 8.1). К таким непереходным глаголам, соотнесенным с переходными глаголами, относятся как возвратные, или рефлексивные, глаголы, так и взаимные и медиальные (средние) глаголы. В отличие от переходных глаголов эти глаголы не могут

иметь при себе объектную синтаксему (ср., например, переходные и непереходные медиальные глаголы в таких парах предложений, как: I opened the door – The door opened, I burned the paper – The paper burnt, etc.), причем возвратные глаголы могут выступать в единстве со служебным местоименным элементом, ср.: He washed – He washed himself, He dressed – He dressed himself, etc. [Мухин 2002а: 91–93]. Однако в настоящей работе рассмотрение элементарных лексических единиц мы начали с выделения в первых трех главах групп акциональных существительных, которые составляют лексическую базу агентивной акциональной синтаксемы (1.1), а также объектной акциональной или косвенно-объектной акциональной синтаксемы (2.1–2.2, 3.1). Изучая там же синтаксическую семантику акциональности с помощью экспериментов, т.е. трансформируя подлежащие или зависимые синтагмы, содержащие указанные синтаксемы, в предложения с акциональной синтаксемой в позиции сказуемого (her disapproval of my casualness → She disapproved of my casualness, its sudden disappearance → It suddenly disappeared, etc.), мы выделили или наметили и группы акциональных глаголов, соотносительных с однокорневыми существительными, оформленными суффиксальными морфемами первого ряда (со значением действия) или лишенными таких морфем (disapprove, disappear, etc.; groan, quarrel, etc.). Эти глаголы также относятся к числу элементарных лексических единиц, находящихся между собой и с другими акциональными лексемами в системных отношениях, в частности с акциональными прилагательными и наречиями (ср. также 5.2).

Элементарными лексическими единицами являются и группы стативных существительных, выделенных в первых трех главах, которые составляют лексическую базу агентивной стативной, объектной стативной или косвенно-объектной стативной синтаксемы (1.3, 2.4, 3.3). Изучая синтаксическую семантику стативности, мы также прибегли к помощи экспериментов, трансформируя там же подлежащие или зависимые синтагмы, содержащие упомянутые синтаксемы, в предложения со стативной синтаксемой, выраженной в позиции сказуемого прилагательным со служебным глаголом. Одновременно мы выделили и группу элементарных лексических единиц – стативных прилагательных, находящихся в системных отношениях как между собой, так и с другими стативными лексемами (ср. 5.4, 5.5). Нельзя не отметить также, что системными отношениями отчетливо характеризуются и группы качественных существительных, как и группы качественных прилагательных выделяемых с помощью экспериментов при изучении агентивной качественной, объектной качественной или косвенно-объектной качественной

синтаксемы (1.4, 2.5, 3.5; см. также о качественных существительных, прилагательных и наречиях в пятой главе – 5.6).

По своим системным отношениям указанные группы элементарных лексических единиц – акциональных, стативных и качественных резко отличаются от образуемых на их основе конструктивных лексических единиц, в частности глагольных или субстантивных, а д е ъ к т и в н ы х или а д ъ е р б и а л ь н ы х ф р а з , которые в качестве иллюстративного материала приводятся в словарях наряду с предложениями. Примерами могут служить отмеченные в пятой главе а д ъ е к т и в н ы е и г л а г о л ь н ы е ф р а з ы , включающие в себя с т а т и в н ы е прилагательные или глаголы: his disappointed hopes, disappointed look, amused spectators, amused look, anguished cries; to live to a great age, to live in the past, etc. (5.4, 5.5).

Включая в себя различные лексемы или сочетания с предлогами, подобные а д ъ е к т и в н ы е или г л а г о л ь н ы е ф р а з ы сами по себе лишены системных отношений с другими лексическими конструкциями и определяются как составляющие н е о г р а н и ч е н н ы е множества. Рассматриваемые же здесь группы лексем, в том числе – стативных, связанных между собой системными отношениями, представляют собой о г р а н и ч е н н ы е множества.

Однако наиболее выпукло, наиболее отчетливо количественные и иные различия между элементарными языковыми единицами, с одной стороны, с другой – конструктивными единицами, включающими их в себя, проступают тогда, когда эти единицы относятся к с и н т а к с и ч е с к о м у у р о в н ю о р г а н и з а ц и и я з ы к а . Из элементарных синтаксических единиц нас здесь непосредственно интересуют только функциональные единицы – синтаксемы, так как компонентам предложения как с т р у к т у р н ы м с и н т а к с и ч е с к и м е д и н и ц а м не свойственно вступать друг с другом в системные отношения. По отношению к синтаксемам они определяют собой лишь с и н т а к с и ч е с к и е п о з и ц и и , в которых те употребляются, образуя друг с другом оппозитивные ряды [Мухин 1999: 3 и сл.].

В частности, такой оппозитивный ряд составляют упоминавшиеся выше а г е н т и в н ы е с и н т а к с е м ы – акциональная (1.1), пассивная акциональная (1.2), стативная (1.3), качественная (1.4) и собственно агентивная синтаксема (1.5), которые в своих различных вариантах или субвариантах употребляется как в позиции подлежащего, так и в зависимой позиции. В этот ряд, как и в другие оппозитивные ряды, входит ограниченное количество синтаксем, которые находятся в системных отношениях со многими другими синтаксемами. Так, первая синтаксема в данном ряду по признаку акциональности соотносится в позиции подлежащего или зависимого компонента не только со второй (агентивной пассивной акциональной), но и с синтаксемами иных оппозитивных ря-

дов, упоминавшихся выше: объектной акциональной (2.1–2.2), объектной пассивной акциональной (2.3), косвенно-объектной пассивной акциональной (3.2) и с такими синтаксемами (в разных синтаксических позициях), как экзистенциальная акциональная, классифицирующая акциональная, идентифицирующая акциональная, темпоральная акциональная (а также другие темпоральные синтаксемы – антериорная, постериорная, инцептивная акциональная, темпоральная пассивная акциональная – 4.1).

Иное дело – предложения, которые сами по себе не способны вступать в системные отношения между собой, поскольку они включают в себя синтаксемы как носители самой различной синтаксической семантики. Хотя сама возможность определения предложений на основе синтаксических связей с помощью методов эксперимента и моделирования имеет ключевое значение для понимания синтаксического уровня организации языка (ср.7.1). Соответственно, по той же причине отсутствуют системные отношения и между синтагмами (синтаксическими конструкциями, вычленяемыми на основе синтаксических связей из предложений), в частности между неоднократно упоминавшимися выше подлежащими и зависимыми синтагмами, которые играют большую роль в экспериментах при изучении синтаксической семантики. И как следствие отсутствия у них системных отношений, предложения и синтагмы составляют неограниченное множество.

Таким образом, касаясь поставленного выше (7.3) вопроса об исленности единиц разных уровней организации языка, следует отметить прежде всего то общее, что объединяет синтаксические единицы с фонетическими, морфологическими и лексическими единицами, а именно: противопоставленность элементарных языковых единиц, образующих ограниченные множества и находящихся между собой в системных отношениях, конструктивным единицам, составляющим неограниченные множества и лишенным системных отношений. При этом, говоря об элементарных синтаксических единицах, нельзя не иметь в виду и синтаксические категории, в которых системные отношения устанавливаются не только между отдельными синтаксемами, но и между оппозитивными рядами синтаксем [Мухин 1999: 175–176; 2002а: 25–29, 51 и сл.].

В настоящей работе из указанных ранее синтаксических категорий мы затронули в пятой главе лишь три важнейшие – акциональную, стативную и квалитативную категории. Это дало нам здесь возможность (с привлечением дополнительного фактического материала) не только уточнить относящиеся к ним оппозитивные ряды синтаксем, но и выделить или наметить группы акциональных, стативных и квалитативных лексем, на базе которых они реализуются. В предыдущих работах, к сожалению, мы фактически не имели дела с та-

кими группами лексем, поскольку лексическая наполняемость синтаксисом оставалась у нас несколько в тени (в том числе – и группы упомянутых акциональных, стативных и качественных лексем).

Необходимость различения синтаксиса и соответствующих лексем явствует уже из системных отношений тех и других. Так, выделенная в пятой главе группа акциональных глаголов, соотносительных с однокорневыми акциональными существительными (5.2), находится в системных отношениях с группами акциональных глаголов, выделенных нами при изучении с помощью экспериментов таких синтаксисов, как агентивная акциональная (1.1), объектная акциональная (2.1–2.2) и косвенно-объектная акциональная (3.1). Соответственно, намеченная в той же главе группа стативных прилагательных, соотносительных с однокорневыми стативными существительными (5.4), находится в системных отношениях с группами стативных прилагательных, выделенных при изучении с помощью экспериментов таких синтаксисов, как агентивная стативная (1.3), объектная стативная (2.4) и косвенно-объектная стативная (3.3). Во всех подобных случаях получаем объединения лексем, будь то глагольных или субстантивных, или адъективных.

Что же касается синтаксиса, то их системные отношения проявляются в образуемых ими оппозитивных рядах, причем средствами выражения синтаксисов служат как лексемы, так и синтаксически неделимые сочетания лексем со служебными элементами. Например, в оппозитивном ряду акциональных синтаксисов исходная синтаксема этого ряда (собственно акциональная) представлена сочетанием глагола со служебным элементом *there*: *Succeeding the delirium there came a state of lethargy* (A. Christie), а акциональная итеративная (многократная) – сочетанием глагола со служебным элементом *used (to)* или *would*: *I remember before we were married he used to potter about with a paint-box* (S. Maugham). *And then we would shriek with laughter* (A. Christie); аналогично этому в оппозитивном ряду стативных синтаксисов стативная итеративная представлена сочетанием глагола со служебным элементом: *... you used to feel contempt for me* (S. Maugham), etc. [Мухин 1999: 24, 30, 51]. При этом характерной особенностью синтаксисов акционального, стативного и других оппозитивных рядов в позиции сказуемого является их сочетаемость с определенными темпоральными синтаксемами [там же: 21 и сл.], которые способствуют дифференциации синтаксисов этих рядов.

Необходимость последовательного различения лексем и синтаксисов, особенно одноименных акциональных или стативных, а также качественных (ср. 5.6), осложняет изучение единиц лексического уровня организации языка. К этому добав-

ляется и многое другое, что крайне затрудняло рассмотрение автором проблемы уровней языка в 70-ые годы прошлого столетия, когда эта проблема возникала перед ним как неотъемлемая часть общей проблематики лингвистического анализа [Мухин 1976: 34 и сл.]. Тогда остро давала о себе знать неразработанность такого важнейшего вопроса, как природа у п р а в л е н и я (которое традиционно относилось в область синтаксиса – как разновидность синтаксической связи, хотя его лексическая специфика не ускользала от внимания некоторых ведущих отечественных лингвистов), а также тесно связанного с ним вопроса переходности. Решить эти вопросы можно было только с помощью определенных методов исследования – э к с п е р и м е н т а и м о д е л и р о в а н и я [там же: 111–126, 184–206].

Управление и переходность оказались теми точками опоры, которые позволили автору отчетливо осознать, что и лексический уровень организации языка характеризуется противопоставленностью элементарных и конструктивных единиц, подобно м о р ф о л о г и ч е с к о м у и ф о н е т и ч е с к о м у (или фонологическому) у р о в н я м , с изучения которых в этом аспекте автор начал указанную работу [там же: 34–54–94]. Элементарными лексическими единицами являются с л о в а - л е к с е м ы , которые определяются прежде всего по их принадлежности к той или иной части речи (ср. субстантивные, глагольные, адъективные, наречные, местоименные, а также нумеральные лексемы). Нужно сказать, что до сих пор несколько загадочными элементарными языковыми единицами нам казались синтаксемы с их системами вариантов, а также субвариантов, теперь же, однако, таковыми представляются лексемы, которые одной стороной повернуты к синтаксическому уровню, другой стороной – к морфологическому уровню организации языка.

Конструктивными же лексическими единицами служат субстантивные, глагольные и другие ф р а з ы , которые включают в себя лексемы (или эквивалентные им лексические единицы, ср. 4.4, 6.7) и тем самым существенно отличаются как от п р е д л о ж е н и й , так и от вычленяемых из них с и н т а г м , требующих применения иных методов исследования – иных экспериментов, иного моделирования [там же: 127–150]. В этой связи следует сказать и об использованной автором т е р - м и н о л о г и и , иногда неадекватной, которая в последующих работах в соответствии с расширением и углублением анализа подверглась изменению или уточнению. В частности, неудачным было использование в указанной и некоторых более поздних работах термина «лексико-семантические группы» по отношению к ф у н к ц и о н а л ь н ы м р я д а м п е р е х о д н ы х г л а г о л о в (на что мы неоднократно указывали уже выше – 2.1, 3.1, 4.4), как неудачным оказалось и выражение «лексико-семантический признак» применительно к лексемам (употребленное по аналогии с синтаксико-семантическим признаком синтак-

семя). Неадекватным был и использованный автором термин «поверхностная и глубинная структура» предложений, вынесенный в самое начало указанной работы, в предисловие, и бытовавший тогда в лингвистической литературе, хотя само понятие структуры в науке оставалось неясным [ср. там же: 7 и сл.]. Предложения содержат в себе не только структурные элементарные синтаксические единицы (ядерные и неядерные компоненты предложения), но и функциональные элементарные синтаксические единицы (синтаксемы), которые предполагают наличие системных отношений между ними (как это отчетливо явствует из настоящей работы). Более точную терминологию лингвистического анализа можно найти в данной и других поздних работах автора.

Глава 8. Грамматика и лингвистический анализ (лингванал)

Грамматика и синтаксическая семантика

8.1. Вышеизложенное возвращает нас к вопросу, поставленному в самом начале нашей работы 70-х годов, а именно к вопросу о соотношении между грамматикой и лингвистическим анализом: следует ли отождествлять последний с грамматикой [там же: 15]. Давая отрицательный ответ на этот вопрос в указанной работе, мы исходили, во-первых, из нашего опыта выделения в предложениях функциональных синтаксических единиц – синтаксем [Мухин 1964: 3 и сл.], в основе которых лежит не изучаемая в грамматике синтаксическая семантика (иначе, синтаксико-семантические признаки). При этом мы учитывали наш опыт исследования структуры предложений с помощью методов эксперимента и моделирования [Мухин 1968: 29, 60, 181, 215], которые в грамматике используются лишь эпизодически. Кроме того, не отождествляя грамматику (ее морфологию и синтаксис) с лингвистическим анализом, имеющим гораздо более широкую проблематику, мы принимали во внимание и лексический анализ, связанный с различием упоминавшихся выше однопереходных и двухпереходных глаголов (7.4), основные положения и методы которого – моделирование и эксперимент – нашли отражение в десятом разделе той же работы 70-х годов (где, однако, вместо термина «функциональные ряды переходных глаголов» ошибочно, как теперь стало очевидным, используется термин «лексико-семантические группы», ср. 2.1).

В распоряжении грамматики имеются свои модели, каковыми обычно служат достаточно конкретные образцы грамматических явлений. Другим методом грамматики, также достаточно простым, являются вопросы к членам предложения, особенно второстепенным, в отношении которых, однако, высказывались самые различные суждения, вплоть до чисто негативных. В известном докладе в институте языкознания в 1936 г. Л.В. Щерба, касаясь статьи Р.И. Аванесова «О второстепенных членах предложения», отмечал, что эта статья возвращается к терминам «определение», «дополнение», «обстоятельство», но возвращается к ним «со значительными поправками и изменениями, которые направлены в сторону большего углубления в суть вещей, что я всячески приветствую. Связывается это углубление со старыми вопросами, на которые отвечают второстепенные члены предложения ... но помимо этого ... имеется какое-то наблюдение над семантикой» [Щерба 1958: 95].

Семантика, которую имел в виду Л.В. Щерба, является в сущности синтаксической семантикой (в отличие от лексической или морфологической семантики), которая определяется с учетом синтаксических связей в

предложении и которая фактически не изучается в грамматике. «Таким образом, – говорил далее Л.В. Щерба, – я становлюсь на точку зрения семантическую, но, конечно, не отдельных слов, а семантики отношений между данной парой слов. Вот к чему надо пристально присматриваться и где можно найти ответ на вопрос о том, что это такое. Априори ясно, что определение, дополнение и т.д. есть термины синтаксического порядка, и здесь и надо искать; если есть что-нибудь, тут и надо найти» [там же: 97]. Эта линия рассуждений приводит Л.В.Щербу к проблемам п е р е о д а , связанным с наблюдениями над формами родительного падежа существительного в русском языке в сочиненных им примерах «Когда я был маленьким, я не видел проявлений любви *отца*, но уверен был в его хороших ко мне чувствах» и «Любовь *отца* играет большую роль в воспитании». При этом он замечает: «Между прочим, во французском переводе это будет разное. В первом случае придется сказать *amour du père*, а во втором случае – *amour paternel*, либо без прилагательного: *amour de père*» [там же: 97–98].

Указанные примеры Л.В. Щербы и их перевод на французский язык проанализированы в нашей предыдущей книге [Мухин 2002а: 29–35], а также в пятой главе настоящей работы (5.9). Анализ показывает, что их лингвистическая интерпретация возможна только при условии выделения в языке функциональных единиц – синтаксем, каждая из которых может быть представлена в языке различными в а р и а н т а м и , в частности формами разных частей речи: в одном случае – родительным падежом существительного или личного местоимения, в другом – родительным падежом существительного или прилагательным и т.д. А это значит, что, опираясь на синтаксическую семантику и синтаксический эксперимент (замена в предложении одной формы другой или одного варианта синтаксемы другим), Л.В. Щерба выходит за рамки грамматики и фактически переходит в область ф у н к ц и о н а л ь н о г о с и н т а к с и с а . Между прочим, так же обстоит дело и в отношении к а т е г о р и и с о с т о я н и я , выделенной Л.В. Щербой в русском языке, которая также имеет непосредственное отношение к переводу, поскольку она открывает широкие возможности выбора между различными средствами выражения стивной синтаксической семантики (5.9).

В соответствии с изложенным, в наших поздних работах многие явления языка рассматриваются по-разному применительно к грамматике и лингвистическому анализу с учетом возможностей их изучения в том или другом случае. В частности, касаясь некоторых спорных моментов грамматики, связанных с понятиями определения и дополнения, а также обстоятельства, которые различаются в грамматике с помощью вопросов, мы отмечали, что эти понятия, при всем том, нужны грамматике, так как с их помощью достигается простота и доступность изложения, столь необходимые для грамматики в целом и особенно для той ее части, которая

посвящается синтаксису, изобилующему сложной и многогранной проблематикой [Мухин 2002а: 24]. Однако в структурном синтаксисе, как части лингвистического анализа, эти понятия с помощью методов эксперимента и моделирования и в соответствии с односторонней направленностью субординативной связи объединяются в понятия зависимого компонента предложения [ср.: Мухин 2004б: 7–8, 32 и сл.].

Аналогично этому рассматриваются и сложные дополнения (в предложениях английского языка), включающие в себя неличные формы глагола – инфинитив или причастие: I saw the man (him) swim, I saw the man (him) swimming, etc. Как мы отмечали в указанной работе [Мухин 2002а: 21–22], в грамматике в таких случаях выделяются нечленимые комплексы, и это представляется естественным, так как среди известных в грамматике членов предложения нет такого, с которым можно было бы отождествить подобный инфинитив или причастие. Однако признать нечленимость конструкций с неличными формами в предложениях этого рода значило бы отказаться от определения синтаксической семантики составляющих их элементов и установления системных отношений последних.

Дифференцированный подход к изучению языковых явлений в грамматике, с одной стороны, и, с другой – в структурном и функциональном синтаксисе лингвистического анализа требуется и тогда, когда речь идет о переходных глаголах, выделяемых на основе управления (ср. 2.1–2.2, 4.3–4.4, 6.6, 7.4). Признавая тот факт, что управление слов выходит за рамки грамматики с ее устоявшимся и в целом вполне отвечающим практическим задачам преподавания делениям на две части – морфологию (куда обычно включаются переходные глаголы) и синтаксис (где рассматривается управление как один из видов подчинения), мы отмечали, что объединение в одном разделе грамматики как переходных глаголов, так и управления, на основе которого они собственно и выделяются, фактически означало бы отрицание традиционного деления на согласование, примыкание и управление. В конечном счете это привело бы к радикальному пересмотру концепции главных и второстепенных членов предложения, что крайне усложнило бы грамматику [там же: 61].

Совсем иное положение складывается в лингвистическом анализе, который, в отличие от грамматики, имеет в качестве объектов единицы всех уровней языка – фонетического, морфологического, синтаксического, а также лексического и, следовательно, включает в себя лексический анализ, где соответствующее место отводится изучению переходных глаголов, их управления, их функциональных рядов и сочетаемости с дополнениями [ср.: Мухин 1987: 7 и сл.]. Выделяя функциональные ряды переходных глаголов и исследуя их сочетаемость, мы тем самым способствуем и определению лексической базы вариантов объектных и косвенно-объектных синтаксисов, употребляемых в

предложениях как в зависимой позиции при переходных глаголах, так и в позиции подлежащего. Однако это – задача уже синтаксического анализа (точнее, функционального синтаксиса), который решает её с помощью метода эксперимента, как это показано во второй и третьей главах (где анализ проводится с учетом взаимодействия оппозитивных рядов синтаксем и функциональных рядов морфем).

В сущности, сказанное относительно необходимости дифференцированного подхода к изучению языковых явлений в грамматике, с одной стороны, и, с другой – в лингвистическом анализе, который располагает различными методами, иными возможностями их изучения, важно иметь в виду и тогда, когда решается вопрос о разграничении наклонений или о выделении различных залогов. В грамматике вместо единого сослагательного наклонения на основе передаваемой синтаксической семантики устанавливается ряд отдельных наклонений (условное, ирреальное и др.), что влечет за собой изолированное их рассмотрение, без учёта того общего, что связывает их друг с другом. Следствием этого является фактическое игнорирование системных отношений, членами которых в том или другом случае служат не только формы сослагательного наклонения, но и другие формы или синтаксически неделимые сочетания, передающие ту же синтаксическую семантику [Мухин 2002а: 77–79]. Впрочем, это не умаляет роли грамматики, которая и при изучении наклонений глагола имеет иные цели, чем лингвистический анализ.

Исследование системных отношений форм сослагательного и других наклонений осуществляется в функциональном синтаксисе (а не в морфологии, в отличие от грамматики, которая вообще не изучает синтаксическую семантику как таковую). Это достигается при выделении оппозитивных рядов синтаксем, выраженных формами сослагательного наклонения и другими средствами в разных синтаксических позициях [там же: 79–81]. Так и изучение системных отношений глагольных форм, подводимых в грамматике под понятие залогов, осуществляется в функциональном синтаксисе в соответствующих оппозитивных рядах синтаксем.

В частности, исходная синтаксема пассивного акционального ряда (собственно пассивная акциональная) может быть выражена причастием прошедшего времени не только со служебным глаголом *be*, но и с другими служебными глаголами (особенно *get*), которые обычно не принимаются во внимание при выделении в грамматике пассивного, или страдательного, залога. Для выражения же иных членов пассивного акционального ряда используются другие элементы или сочетания (также не относимые в грамматике к числу средств выражения пассивного залога), например в позиции сказуемого *used (to), would* (пассивная акциональная итеративная, или многократная, синтаксема), *ought (to), should, have (to), be (to)* (пассив-

ная акциональная дебитивная, или долженствовательная), can, may (пассивная акциональная потенциальная) [там же: 97–100]. В иных синтаксических позициях системные отношения синтаксем пассивного акционального ряда передаются посредством неличных форм служебных глаголов или без них [ср. там же: 100–103].

8.2. Из сказанного явствует, что объединить в грамматике (с её преимущественным педагогическим уклоном, требующим доступного изложения) всю ту проблематику, которую охватывает лингвистический анализ или, короче, лингванал (7.1), совершенно невозможно. Отграничение лингвистического анализа как одной из лингвистических наук, которая занимается исследованием единиц всех уровней языка с учётом их взаимодействия, от грамматики как другой лингвистической науки, имеющей в своих разделах морфологии и синтаксиса свою специфику (отсюда – понятия грамматических категорий), позволяет избежать того тупика, в котором неизбежно оказывались многие известные отечественные лингвисты, как, например, Л. В. Щерба и В. В. Виноградов в вопросе о категории состояния в грамматике русского языка (5.9), Б. А. Ильиш в вопросе о возвратном, взаимном и среднем залогах в грамматике английского языка [Ильиш 1971: 115–122; ср.: Мухин 2002а: 91–94] или Г. Н. Воронцова в вопросе о пассивном залоге в грамматике английского языка, выраженном с помощью различных служебных (вспомогательных) глаголов [Воронцова 1960: 84, 225–228].

Примечательны слова Л. В. Щербы, которыми он закончил упомянутый выше доклад в Институте языкознания в 1936 г., посвященный спорным вопросам грамматики, связанным с изучением второстепенных членов предложения в русском языке: «Я считаю, что мы, лингвисты, должны целиком этими делами заниматься не только потому, что это нужно для педагогической работы, но и потому, что это нужно науке» [Щерба 1958: 101]. Грамматика и лингвистический анализ очень тесно связаны между собой, однако у последнего есть такие области исследования и такие сферы приложения, которые не имеют отношения или имеют гораздо меньшее отношение к грамматике.

Большое значение для лингвистического анализа имеет изучение системных отношений лексем, особенно переходных глаголов, образующих функциональные ряды, яркие примеры которых приведены выше (4.4–4.5, 7.4). В исследовании таких функциональных рядов лексем в английском языке деятельное участие приняли многие аспиранты и преподаватели, которые в своих диссертационных работах собрали и проанализировали с опорой на методы эксперимента и моделирования огромное количество переходных глагольных лексем [см.: Мухин 1987: 4–6, 98–242]. Выше мы уже говорили о тех возможностях сравнительного, или сопоставительного анализа, которые свя-

заны с исследованием переходных глаголов с помощью указанных методов, в равной мере применимых на материале английского и русского языков (4.5, 6.6, 6.7).

Исследование переходных глаголов предполагает и следующий шаг – сравнение, или сопоставление, в разных языках объектных и косвенно-объектных синтаксем, используемых в их различных вариантах при переходных глаголах определённых функциональных рядов (как было показано выше во второй и третьей главах применительно к английскому языку). Шагом в том же направлении в функциональном синтаксисе является и сравнение, или сопоставление, в английском и русском языках пассивных акциональных синтаксем, лексической базой для которых служат переходные глаголы [Мухин 2002а: 109–117]. Как отмечалось выше (4.5), функциональные ряды переходных глаголов представляют несомненный интерес и для перевода, так как с этими рядами глагольных лексем связаны широкие возможности выбора необходимого для перевода лексического материала с его различными стилистическими и другими особенностями.

Однако особое значение для лингвистического анализа приобретает изучение системных отношений синтаксем и выделение их оппозитивных рядов, образующих синтаксические категории. Ещё в 70-е годы минувшего столетия отчетливо наметились пути исследования оппозитивных рядов синтаксем и раскрылись широкие возможности системной интерпретации синтаксических явлений с опорой на методы эксперимента и моделирования, которые воплотились в целом ряде диссертаций [ср.: Мухин 1980: 4 и сл.]. На этой основе возникает возможность проводить «сравнительное изучение структуры или строя различных языков», которое Л.В. Щерба относил к первой из основных очередных задач современного языковедения, полагая при этом, что «основная цель сравнительного исследования разных языковых структур едва ли не лучше достигается на сравнительно близких по структуре языках, так как тут исследование несколько приближается к эксперименту» [Щерба 1958: 5, 11].

К этому следует добавить, что синтаксические категории, каждая из которых включает в себя различные оппозитивные ряды синтаксем, имеют большое значение и для перевода (не говоря уже об исследовании систем вариантов синтаксем). Из них в этом отношении выделяются три важнейшие – акциональная, стативная и качественная категории, которые представляют при переводе значительный выбор между относящимися к ним синтаксемами (ср. 5.9).

Однако вернемся к вопросу о вопросах, с помощью которых в грамматике русского языка различаются второстепенные члены предложения. Из таких вопросов Л.В. Щерба упоминает, в частности, *чей*, а также *кого*, *что* по отношению к определению или дополнению [там же:

96, 99], хотя сам-то он был убежден в том, что необходимо «искать чего-то дальнейшего, какой-то дифференциации...не останавливаться на такой упрощенной схеме» [там же: 94]. Это «что-то дальнейшее» могло быть связано с переходом в область функционального синтаксиса, т.е. с выходом за пределы грамматики, которая, как отмечалось выше, не изучает синтаксическую семантику как таковую (с возможным использованием метода эксперимента). В первом случае *чей* передает синтаксическую семантику посессивности и в качестве посессивной и нтеррогативной синтаксемы может быть отнесено к посессивной синтаксической категории наряду с собственно посессивной, посессивной агентивной и другими синтаксемами [ср.: Мухин 2002а: 25–26]. Во втором же случае *кого* и *что* передают синтаксическую семантику объектности и в качестве вариантов объектной интеррогативной синтаксемы связаны системными отношениями с другими объектными синтаксемами, образующими объектную синтаксическую категорию [Мухин 1999: 96–102, 176]. Таким образом, при наличии существенных различий между грамматикой и функциональным синтаксисом (как неотъемлемой частью лингвистического анализа) между ними имеется много точек соприкосновения. Таковыми являются и вопросы, применяемые в грамматике к второстепенным членам предложения.

Грамматика дает знание языка. Лингвистический же анализ обеспечивает возможность выбора языковых единиц для проведения сопоставительного (сравнительного) анализа, а также для осуществления адекватного перевода. Говоря о соотношении между грамматикой и лингвистическим анализом, нужно сказать также, что в связи с восстановлением в вузах России академических степеней бакалавра и магистра, которые присуждались в начале минувшего столетия окончившим университеты студентам, сдавшим государственные экзамены и защитившим научные работы, существующие различия между грамматикой и лингвистическим анализом могли бы найти выражение и в том, что первая степень присуждалась бы в специальных вузах и филологических факультетах по вопросам прежде всего грамматики, вторая же степень – прежде всего по проблемам лингвистического анализа, в частности по проблемам, затронутым в настоящей работе. Для этого понадобилось бы отвести, видимо, около четырех лет на подготовку и защиту научной грамматической работы и несколько больше – на проведение исследования и защиту работы по проблемам лингвистического анализа.

Теоретическая грамматика

8.3. Для грамматики и лингвистического анализа существенное значение имеет определенная последовательность анализа языковых явлений, которую в одном случае можно охарактеризовать как *в о с х о д я щ у ю*, в другом – как *н и с х о д я щ у ю*. Касаясь прежде всего научной грамматики, мы будем опираться на две основные работы по теоретической грамматике Б. А. Ильиша: раннюю, задачей которой является “научный анализ проблем грамматического строя английского языка”, а целью – освещение “проблем строя этого языка, как системы, с точки зрения общелингвистических научных принципов” [Ильиш 1948: 5], и позднюю его работу, во многих отношениях более обстоятельную, где подчеркивается необходимость ввести читателя в круг некоторых выдающихся проблем современной лингвистики. Одна из этих проблем касается, с одной стороны, отношений между морфологией и синтаксисом и, с другой стороны, затрагивает парадигматические и синтагматические явления, с которыми непосредственно связана недавно проходившая дискуссия вокруг понятия “предложение” (sentence) [Ильиш 1971: 3,182].

Научная грамматика, как отмечается в первой книге, “находится в близкой связи с научной фонетикой. Она касается звуковых явлений, поскольку они приобретают какое-либо грамматическое значение. Сюда, например, относятся такие явления, как чередование гласных (“аблаут”), перегласовка (“умлаут”), грамматическая роль чередования согласных и многие другие явления сходного порядка” [Ильиш 1948: 5]. В этой связи рассмотрение фонетического строя современного английского языка сводится в книге к следующим основным разделам: система гласных, система согласных, взаимодействие звуков, принципы ударения, принципы современной орфографии [там же: 9 и сл.]

Во второй книге Б. А. Ильиша при изучении морфологии современного английского языка внимание сосредотачивается вокруг четырех основных пунктов (four main items), каковыми являются: (1) существенные особенности морфологии: общее изучение морфем и типов образования словоформ (синтаксических, аналитических и других типов), (2) система частей речи, (3) изучение каждой отдельной части речи, связанных с ней грамматических категорий и ее синтаксических функций [Ильиш 1971: 18]. Считая морфему одним из центральных понятий грамматической теории, без которого ни одна серьезная попытка грамматического исследования не может быть предпринята, и не входя в подробности проходивших дискуссий по вопросу о морфемах, Б. А. Ильиш определяет последние как наименьшие значимые единицы, на которые словоформа может делиться. При этом к их числу он относит и корневые морфемы наряду с деривационными морфемами, которые показывают, что

слово принадлежит к определенной части речи, и способствуют ограничению одной части речи от другой [там же: 21–22].

Что же касается самих частей речи, то под ними понимается тот или иной тип слова, отличающийся от других типов в некотором грамматическом отношении (или отношениях), как, например, глагол в отношении грамматической (морфологической) категории времени, которая свойственна только ему. В этой связи возникает необходимость определить те принципы, на которых основывается классификация частей речи. Предлагаемые в указанной второй книге Б. А. Ильиша принципы выделения частей речи сводятся к трем – значению, форме и функции, хотя и отмечаются некоторые трудности при их рассмотрении. Под значением части речи понимается не ее индивидуальное значение (ее лексическое значение), но значение, общее для всех слов данного класса и составляющее его сущность. Так, значение существительного (*substantive, noun*) – предметность (“thingness”), которое в равной мере применимо к каждому существительному, являясь структурным значением существительного как типа слова (*as a type of word*). Подобно этому и значение глагола как типа слова – значение “процесса”, каким бы ни было в том или другом случае индивидуальное значение отдельного глагола [Ильиш 1971: 27]. Подробно это рассматривается далее при анализе каждой части речи в отдельности.

Под формой и функцией части речи имеется в виду, соответственно, морфологические характеристики типа слова и его синтаксические свойства. Так, существительное характеризуется категорией числа (единственного и множественного), глагол – временем, наклонением и т. д., синтаксические же свойства подразделяются в зависимости от способа комбинирования с другими словами или от его функции в предложении; в одном случае приходится иметь дело со словосочетаниями (*phrases*), в другом – со структурой предложения. Беря опять-таки в качестве примера глагол, можно констатировать, что он комбинируется с последующим существительным (*write letters*), а также с последующим наречием (*write quickly*). Что же касается синтаксической функции глагола в предложении, то ею является функция сказуемого [там же: 27–28].

Прежде чем переходить к подробному анализу частей речи, в книге возникает необходимость затронуть два дополнительных замечания. Одно из них касается взаимоотношений критериев, так как заранее нельзя быть уверенным в том, что все три из них указывают на одно и то же и что все они равноценны (в книге сначала рассматривается значение, затем – форма и уже потом – функция). Другое дополнительное замечание заключается в определении места теории частей речи в грамматике. В книге эта теория характеризуется как существенная часть морфологии, хотя и требует учета некоторых синтаксических моментов [там же: 28].

Нужно сказать, что указанные критерии в морфологии довольно полно проявляют себя применительно к таким частям речи (при всем их разнообразии), как существительное, прилагательное, местоимение, числительное, глагол и наречие [там же: 28–30, 31, 36–48, 58–73, 76–148]. Однако совершенно иначе обстоит дело с предлогами, союзами, частямицами, модальными словами и междометиями [там же: 31–34, 149–167], также относимыми к частям речи вместе со словами категории состояния [там же: 74–75], которые выделены Б. А. Ильишом в английском языке в качестве части речи в развитие идей Л. В. Щербы (ср. 5.9). При этом автор рассматриваемой книги не может скрыть всей противоречивости принимаемого (в основном традиционного) решения, поскольку эти языковые единицы не раскрывают своей специфики в понятиях частей речи (с опорой на указанные критерии значения, формы и функции). Особенно показательны в этом отношении наиболее употребительные из них предлоги.

В главе, посвященной предлогам, Б. А. Ильиш прежде всего ставит под сомнение правомерность понимания их значения как средства выражения отношений между словами в предложении. Так, в следующей паре предложений: *The book is lying on the table*, *The book is lying under the table* предлоги выражают не отношения между словами *book* и *table*, а отношения (в пространстве) между предметами, обозначенными этими словами. Следовательно, различие в ситуациях, описанных в двух предложениях, является экстралингвистическим различием, выраженным посредством языка, а именно, предлогами. Подобно этому и в предложениях *He will come before the dinner*, *He will come after the dinner* предлоги обозначают отношения между явлениями в экстралингвистическом мире (временные отношения между “его приходом” и “обедом”), а не лишь отношения между словом *come* и словом *dinner* [там же: 149].

Далее, однако, говоря о синтаксической функции предлогов, Б. А. Ильиш фактически вносит уточнение в понимание их значения, различая при этом два уровня языка: уровень словосочетаний (*phrases*) и уровень предложения и его частей. Что касается словосочетаний, функция предлогов заключается в том, чтобы связывать слова друг с другом. На этом уровне имеются такие образцы (*patterns*), как “существительное + предлог + существительное”, “прилагательное + предлог + существительное”, “глагол + предлог + существительное” и т. д., которые могут быть представлены многочисленными словосочетаниями, такими как *a letter from my friend*, *a novel by Galsworthy*, *fond of children*, *true to life*, *listen to music*, *wait for an answer*, etc.

На уровне же предложения предлог сам по себе никогда не является частью предложения (*a part of a sentence*): он включается в ту часть предложения, главным центром которой является последующее существ-

вительное или местоимение, или герундий. “Нам не следует говорить”, – заключает Б. А. Ильиш, – “что предлоги связывают части предложения. Они не делают этого, так как они стоят внутри части предложения, а не между двумя частями” [там же: 150].

Большой интерес представляют и другие наблюдения и рассуждения Б.А. Ильиша о предлогах, особенно в таких случаях, когда связь устанавливается между предлогом, словом, которое предшествует ему, и словом, которое следует за ним, в различных случаях, требующих специального изучения. Вопрос в том, пишет он, чем продиктовано употребление того или иного предлога, как, например, в случае *This depends on you*. Здесь нельзя сказать, что предлог *on* имеет какое-либо свое значение. Это явствует также из того, что никакой другой предлог не мог бы быть использован после глагола *depend* (за исключением предлога *upon*, который, по всей видимости, является стилистическим вариантом предлога *on*). Можно сказать, что употребление предлога *on* здесь предсказано глаголом *depend*. То же самое можно сказать и о выражении *characteristic of him*. Если за прилагательным *characteristic* должно следовать какое-либо предложное словосочетание, должен быть использован только предлог *of*, что означает, что он предсказан словом *characteristic* [там же: 149, 150].

К предлогам и связанным с ними вопросам мы еще вернемся ниже, а пока следует сказать, что уже в свете изложенного становится очевидной неправомерность отнесения их в морфологии к числу частей речи наряду с существительным, прилагательным и другими подлинными частями речи. Возникающие в грамматике неясности и вопросы в отношении предлогов, а также упоминавшихся выше союзов, частиц, модальных слов и междометий могут быть решены с помощью методов эксперимента и моделирования в разных областях лингвистического анализа, при изучении как морфологических, так и синтаксических, а также лексических единиц, которые в грамматике обычно остаются без внимания.

В связи с вопросом о предлогах нужно добавить еще следующее. Следствием трактовки предлогов в морфологии как части речи является то, что эквивалентные им образования, такие как *apart from*, *with reference to*, которые “совершенно определенно выполняют ту же функцию в предложении, что и предлоги” и совершенно очевидно являются словосочетаниями (*phrases*), скорее чем словами, исключаются из числа предлогов, хотя в грамматической теории они чаще всего рассматриваются как предлоги особого типа. Эта точка зрения, пишет Б. А. Ильиш, игнорирует фундаментальное различие между словом и словосочетанием и поэтому является неприемлемой. “Мы будем придерживаться принципа, что словосочетание (как отличное от слова) не может быть частью речи и что словосочетания должны изучаться в Синтаксисе” [там же: 179].

Второе из только что приведенных “предложных словосочетаний” Б.А. Ильиш относит к одному из двух выделенных им грамматических образцов (patterns) – “предлог + существительное + предлог”, который представлен такими примерами, как *in front of, on behalf of, with reference to, in accordance with*. Если возникает сомнение в принадлежности подобных словосочетаний к данному образцу, предлагается использование специальных методов, сводящихся к определению возможности или невозможности употребления при существительном в их составе прилагательного или использования существительного в форме множественного числа и т.д. Другой образец “предложных словосочетаний”, эквивалентных предлогам, – “наречие + предлог”, представлен, например, сочетаниями *out of, apart from, down to*, которые выполняют функции, типичные для предлогов, а некоторые из них имеют синонимы среди предлогов. Так, словосочетание *apart from* является синонимом предлога *besides*, а словосочетание *previous to* синонимом предлога *before* и т.д. [там же: 180].

Аналогично этому в книге анализируются и союзы, а также союзные словосочетания (conjunctive phrases). Среди последних выделяется такой образец, как “наречие + наречие + союз”, к которому относятся словосочетания *as soon as, as long as, so long as*, выражающие временные отношения. К другому образцу – “предлог + существительное + союз” относится союзное словосочетание *in order that*, вводящее обстоятельственное предложение цели, а также *for fear that*, которое вводит особого рода предложение причины. В этой связи говорится и о других типах словосочетаний (phrases), требующих тщательного исследования, в частности о словосочетании *of course*, которое является эквивалентом модального слова. Как представляется, заключает Б.А. Ильиш, предпринятая здесь попытка истолкования таких словосочетаний дает более точное освещение как их структуры, так и функции, чем трактовка, которая включает их в число собственно предлогов и союзов, и таким образом затемняет существенную разницу между словами (частями речи) и словосочетаниями (группами слов) [там же: 180–181].

В этих и других рассуждениях Б.А. Ильиша отчетливо проявляются цель и задачи, поставленные им во введении ко второму изданию данной работы, – представить систематическое исследование грамматической структуры современного английского языка, которое предполагает достаточное знание со стороны читателя практического права, относящихся как к морфологии, так и к синтаксису языка. При этом необходимо будет провести анализ английской грамматической структуры в свете общих принципов лингвистики. Во многих случаях требуется рассмотрение спорных вопросов, по которым разными учеными были высказаны различные точки зрения. В некоторых случаях расхождения во взглядах ученых настолько велики, что они вряд ли пред-

ставляются совместимыми. Нашей задачей будет взвесить основные доводы, выдвигаемые в поддержку различных точек зрения и найти наиболее убедительный путь для решения соответствующей проблемы, такой как, например, проблема частей речи [см. там же: 5].

Переходя в область с и н т а к с и с а , в целом наименее глубоко разработанную в грамматике, Б. А. Ильиш выделяет ее центральную проблему, связанную с понятием п р е д л о ж е н и я , которое пока еще не получило удовлетворительного определения [там же: 181–182]. Как отмечается уже во введении, синтаксическая часть состоит из теории словосочетаний (phrases) и теории предложения (the sentence). Эти части оказываются неравными, потому что теория словосочетаний (в ее синтаксическом аспекте) представляется наименее развитой в английской грамматике, тогда как теория предложения имеет давнюю и плодотворную историю. Теория словосочетаний, продолжает Б. А. Ильиш, должна иметь дело с различными типами словосочетаний (существительное и глагол, глагол и наречие и т.д.) в их грамматическом аспекте, как отличном от их лексического аспекта; теория же предложения включает в себя обзор типов простого предложения и различных типов сложных предложений [там же: 11, 172–173].

Далее, однако, Б. А. Ильиш подчеркивает, что, переходя от изучения словосочетаний к изучению предложения, мы имеем дело уже с другим уровнем языковой структуры. Понятия, относящиеся к уровню словосочетаний, должны тщательно отграничиваться от понятий, относящихся к предложению и его членам. Только в таком случае возможно вообще серьезное синтаксическое исследование, хотя в некоторых случаях установление различия между этими двумя уровнями оказывается очень трудной задачей [там же: 181].

Здесь, следовательно, обнаруживается явное противоречие: с одной стороны, утверждается, что теория словосочетаний объединяется с теорией предложения в синтаксической части научной грамматики; с другой стороны, оказывается, между ними существуют такие различия, что они подлежат совершенно раздельному изучению. Возникает вопрос: что же тогда следует понимать под синтаксисом в теоретической грамматике?

Существенной особенностью теории предложения является общее признание наличия между членами предложения различных т и п о в с и н т а к с и ч е с к о й с в я з и , изучению которых особенно большое значение придается в отечественной лингвистике и наличие которых в языке подтверждается с помощью методов э к с п е р и м е н т а и м о д е л и р о в а н и я (см. ниже – 9.1). Существенная же особенность теории словосочетаний в книге усматривается в том, что словам – членам словосочетаний свойственны некоторые синтаксические отношения, а именно: с о г л а с о в а н и е (agreement, concord), под которым

понимается способ выражения синтаксических отношений, сводящийся к тому, чтобы заставить подчиненное слово принять форму, подобную форме того слова, которому оно подчинено, и у п р а в л е н и е (government), под которым подразумевается употребление определенной формы подчиненного слова, требуемой главным словом, но не совпадающей с формой самого этого главного слова. При этом, однако, отмечается, что согласование в современном английском языке может относиться только к категории числа и практически обнаруживается лишь в двух словах (местоимениях *this, that*) и что роль управления почти столь же незначительна, как и роль согласования [там же: 174–176].

Обращает на себя внимание то, что, характеризуя управление, а также согласование как “синтаксические отношения”, Б.А. Ильиш говорит именно о с л о в а х , между которыми эти отношения устанавливаются. Однако слова сами по себе не являются синтаксическими единицами, в отличие от членов предложения, между которыми существуют синтаксические связи и которые в зависимости от этого именуется либо подлежащим, либо сказуемым и т.д. Отсюда, видимо, следует, что вряд ли правомерным является использование термина “синтаксическое отношение” применительно к управлению или согласованию. Отсюда следует и другое (относящееся к указанному выше “противоречию”): очевидно, прав был Б. А. Ильиш, подчеркивая существенное отличие от теории предложения его теории словосочетаний, которая истолковывается им слишком широко, как охватывающая самые различные группы слов, независимо от того, состоят ли они из формального слова и значимого слова (a form word and a notional word) или из двух формальных слов и т.д. [там же: 179].

Как мы отмечали ранее [Мухин 1976: 127,129–130], распространенный ошибочный взгляд на управление как синтаксическую связь (или синтаксическое отношение) отчасти объясняется тем, что изучение вообще всякой сочетаемости языковых элементов обычно ассоциируется с синтаксисом. Однако основной причиной, почему управление рассматривается как синтаксическая связь и изучение конструкций на основе требования управляющего глагольного элемента относится к синтаксису, является неясность природы выделяемых на основе управления языковых единиц. При этом без внимания остается тот факт, что направление данной связи п р о т и в о п о л о ж н о тому, которое свойственно подлинной синтаксической связи подчинения, или, иначе, с у б о р д и н а т и в н о й с в я з и .

И если на основе последней определяется з а в и с и м ы й , или подчиненный, компонент предложения, то на основе управления выделяется управляющий элемент, который, используя введенный А.М. Пешковским термин “лексема”, точнее можно назвать переходной глагольной л е к с е м о й . Соответственно и управление определяется как л е к -

с и ч е с к а я с в я з ь (так оно неоднократно характеризовалось нами и выше – 2.1, 2.2 и др.).

Как известно, В. В. Виноградов предложил обозначать термином “лексема” с л о в о как единство его форм, организуемое “прежде всего его лексико-семантическим стержнем, который является общим у всех его форм”, причём он отмечал, что лексема (лексическая единица языка) как система форм и функций осознается “на фоне структуры языка в целом” [Виноградов 1944: 34].

Б. А. Ильиш, естественно, не мог определять управляющие элементы в л е к с и ч е с к о м аспекте, т.е. как относящиеся к лексическому, а не синтаксическому уровню, так как в грамматике, основными частями которой признаются лишь морфология и синтаксис, не остается для этого места. Подобно этому, между прочим, и упоминавшиеся выше п р е д л о г и , а также с о ю з ы , м о д а л ь н ы е с л о в а , м е ж - д о м е т и я интерпретировались только в аспекте известных грамматике единиц – как ч а с т и р е ч и . Таким образом, в некоторых сферах научной грамматики возникала ситуация, близкая к тупику. В этой связи следует вспомнить и о том тупике, в котором оказались Л. В. Щерба, В. В. Виноградов и Б. А. Ильиш в отношении выдвинутой первым к а - т е г о р и и с о с т о я н и я как части речи, которой в дальнейшем не нашлось места в научной грамматике русского или английского языка (5.9, 8.1).

Как убежден автор этих строк, выход из такого положения в теоретической грамматике нужно искать в установлении связей с лингвистическим анализом, для которого характерна более широкая интерпретация языковых явлений (в том числе и лексических) с применением различных лингвистических методов (9.1). В таком случае, следовательно, приходится говорить о взаимодействии грамматики и лингвистического анализа, который развивается на основе данных грамматики, с учетом ее достижений и трудностей.

В условиях, когда принятые грамматические решения не могли вполне удовлетворять и отсутствовали соответствующие методы исследования, понятным является стремление Б. А. Ильиша, нашедшее отражение в его книге, разобраться в развивающихся новых методах лингвистического исследования. Особое внимание уделяется взглядам тех лингвистов, которые полагают, что новые методы знаменуют собой новый период в развитии лингвистики и должны быть испытаны, не предполагая при этом, что все сделанное в ранние периоды должно быть признано не имеющим ценности и “донаучным”. “Поэтому, – пишет Б. А. Ильиш, – мы сохраним в нашей трактовке грамматической структуры английского языка многие идеи и термины, унаследованные от традиционной грамматики, такие как, например, теория частей речи и членов предложения (parts of the sentence), и в то же время укажем, какой новый свет

проливают на эти проблемы недавно развитые методы и какому изменению должно подвергнуться формулирование самих решений в свете новых идей”. И далее Б. А. Ильиш связывает эти новые идеи со стремлением сделать лингвистику чем-то подобным точной науке (something like an exact science) [Ильиш 1971: 8].

В теории предложения акцент сделан на применении лингвистического эксперимента при выделении и определении главных членов предложения – подлежащего и сказуемого, образующих структурную основу предложения (the backbone of the sentence). Эксперимент, осуществимый на материале подавляющего большинства предложений, заключается в попытке удалить из предложения любой второстепенный член предложения и в показе того, что предложение при этом не разрушается, тогда как удаление либо подлежащего, либо сказуемого влечет за собой разрушение предложения [там же: 198 и сл.]. Этого эксперимента мы ещё коснёмся ниже (9.1), а пока отметим, что дело обстоит гораздо сложнее при выделении и разграничении второстепенных членов предложения, число и номенклатура которых в грамматике колеблются.

Теория второстепенных членов предложения характеризуется в книге как один из наименее разработанных разделов лингвистики. “Обычная классификация этих членов на дополнения, определения и обстоятельства (objects, attributes and adverbial modifiers) известна каждому, независимо от того, какой язык является для него родным и какой иностранный язык он изучает. Однако она имеет много слабых мест. Характерные признаки каждого из этих трёх типов ясно не определены, и описание данного слова или словосочетания (phrase) как дополнения или определения в одних случаях или же описание его как дополнения или обстоятельства в других часто оказывается делом личного мнения или пристрастия. Такие утверждения лишены всякой научной ценности. Действительно, у некоторых учёных теория второстепенных членов предложения, как она обычно дается, дискредитирована до такой степени, что они попытались отбросить её совсем” [там же: 211; см. также: Мухин 1976: 152]. Из числа таких учёных Б. А. Ильиш упоминает А. М. Пешковского, попытавшегося заменить традиционные понятия дополнения, определения и обстоятельства понятиями управляемого второстепенного члена и примыкающего второстепенного члена. Однако ни управление, ни согласование и примыкание не являются синтаксическими связями и, следовательно, не могут быть положены в основу выделения второстепенных членов предложения как синтаксических единиц.

Как отмечалось выше (8.1), в грамматике нельзя обойтись без понятий второстепенных членов предложения, для которых опорой обычно служит метод вопросов. К этому методу иногда обращается и Б. А. Ильиш [Ильиш 1971:230]. Кроме того, в его книге при разграниче-

нии второстепенных членов иногда отмечается и возможность или невозможность проведения экспериментов, таких как опущение, замена, вставка, а также возможность или невозможность использования пассивной конструкции [там же: 205, 223, 224, 226, 227, 230 и др.].

Понятия второстепенных членов предложения наряду с понятиями главных членов лежат в основе грамматической классификации предложений (simple sentences), среди которых различаются, прежде всего, двусоставные и односоставные предложения (two-member and one-member sentences), которые затем подразделяются на распространённые и нераспространённые в зависимости от наличия в них второстепенных членов. В отличие от подлежащего и сказуемого в двусоставных предложениях, где они являются соотносительными, главный член в односоставных предложениях характеризуется в книге, вслед за В.В.Виноградовым, как таковой, ни как подлежащее и ни как сказуемое. Причем ставится задача, сопряжённая со многими трудностями, об отграничении таких предложений от двусоставных эллиптических предложений [там же: 189–190].

Нужно сказать также, что для теоретической грамматики в целом, включая изучение второстепенных членов предложения, большое значение имеют её связи с практической грамматикой того или иного языка, построение которой отражает ту же восходящую последовательность анализа языковых явлений, которая положена в основу теоретической грамматики.

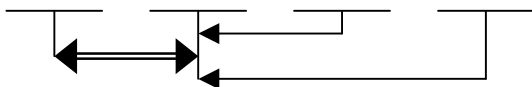
Глава 9. Лингвистический анализ

Структурный синтаксис

9.1. Совсем иную последовательность анализа, охарактеризованную выше как нисходящую (8.3), предполагает **лингвистический анализ**, или, сокращённо, **лингванал**, в задачи которого входит изучение не только морфологических и синтаксических, но и других языковых единиц (включая лексические), как это явствует из изложенного выше, особенно в связи с проблемой уровней организации языка (7.1–7.4). Такая последовательность анализа связана с исследованием взаимодействия единиц разных уровней – синтаксем, лексем, морфем и использованием при этом соответствующих разработанных методов лингвистического анализа. Есть основания полагать, что, придерживаясь указанной последовательности анализа языковых явлений, можно избежать тех ошибок, которые были допущены в нашей ранней попытке рассмотреть теоретическую и методологическую проблематику лингвистического анализа (см. об этом ниже – 9.8).

При анализе единиц синтаксического уровня организации языка на первый план выходит **структурный синтаксис**, к задачам которого относится выделение элементарных структурных синтаксических единиц на основе существующих между ними синтаксических связей. Таковой в предложениях первого, наиболее распространённого структурного типа является прежде всего ядерная предикативная связь, на базе которой выделяются ядерные компоненты, образующие структурную основу (или ядро) предложения и обычно именуемые сказуемым и подлежащим. Точнее их можно охарактеризовать как взаимно предполагающие друг друга ядерные компоненты предложения – ядерный предикативный и ядерный предикативный; существующая же между ними синтаксическая связь определяется как двусторонне направленная ядерная предикативная, в отличие от односторонне направленной subordinативной (или подчинительной) связи. Эти синтаксические связи получают отражение в структурной модели, получившей наименование юнкционной (от лат. *unctio* ‘связь’, ‘соединение’), как, например, в модели следующих предложений: *They walked for a little in silence (S. Maugham), He waited a moment before answering (Ibid.)*, где первая синтаксическая связь обозначена посредством двух параллельных прямых линий с двумя стрелками, символизирующими её двустороннюю направленность, а две

другие – посредством прямой линии с одной стрелкой, указывающей на наличие *з а в и с и м о г о* *к о м п о н е н т а* (при глаголе-сказуемом):

Приведённые примеры предложений и их структурная юнкционная модель взяты из последней опубликованной нами книги [Мухин 2004б: 7-8], которая несколько задержалась с выходом в свет и которая даёт наиболее полное представление о структурном синтаксисе (отчасти также – и о функциональном синтаксисе) английского языка (последующие примеры и модели в основном взяты из той же книги). Однако нужно заметить, что из указанной юнкционной модели не ясно, какой из двух ядерных компонентов является подлежащим, а какой – сказуемым. Отсюда следует, что структурный анализ предложений предполагает построение и других моделей, а именно – *к о м п о н е н т н ы х* *м о д е л е й* *п р е д л о ж е н и й*, которые могут быть двух видов в зависимости от того, отражены ли в них только *р а з л и ч и т е л ь н ы е* (дифференциальные) *п р и з н а к и* компонентов предложения или ещё и их *ф о р м а л ь н ы е* *о с о б е н н о с т и*.

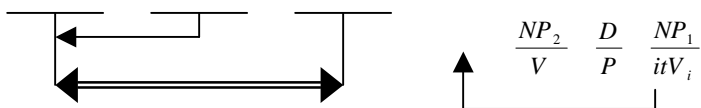
Так, компонентную модель приведённых двух предложений можно представить следующим образом, отразив в её знаках лишь различительные признаки подлежащего (ядерного предизируемого – NP₁) и сказуемого (ядерного предизирующего компонента – NP₂), а также *з а в и с и м ы х* *к о м п о н е н т о в* (D – от лат. *dependens* ‘зависимый’, N – от лат. *nuclearis*): NP₁ · NP₂ · D · D. Если же ввести в модель и обозначения *с р е д с т в* *в ы р а ж е н и я* компонентов предложения – частей речи и их форм, а также служебных элементов, то обозначение компонента предложения приобретает вид дроби, в числителе которой указаны его различительные признаки, а в знаменателе – его формальные особенности (V – глагол в личной форме, V_{gr} – глагол в форме герундия, S – существительное, P – местоимение, Adv – наречие, p – предлог). При этом указанные предложения подводятся уже под разные модели, поскольку имеют различия в средствах выражения их зависимых компонентов, ср.:

$$\frac{NP_1}{P} \quad \frac{NP_2}{V} \quad \frac{D}{pAdv} \quad \frac{D}{pS} \qquad \frac{NP_1}{P} \quad \frac{NP_2}{V} \quad \frac{D}{S} \quad \frac{D}{pV_{gr}}$$

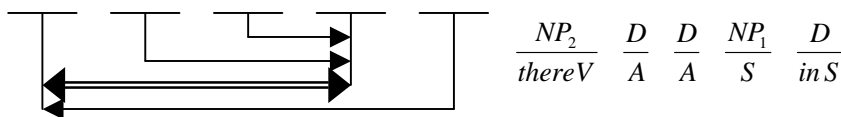
Структурные модели этого рода играют существенную роль при классификации предложений в зависимости от порядка следования их двух ядерных компонентов, которые предопределяют собой и самое наименование предложений данного (первого) структурного типа – как *д в у х* *я д е р н ы х* (в отличие от *о д н о я д е р н ы х* *п р е д л о ж е*

ний, о которых см. ниже). Большое влияние на порядок следования ядерных компонентов оказывает употребление служебного элемента. Таковым может быть формальное *it*, при наличии которого подлежащее занимает место после сказуемого, как, например, в предложении *It eases me to talk* (S. Maugham); соответственно и тогда, когда сказуемое выражено с помощью служебного *there*, подлежащее следует за сказуемым, например: *There are many foolish people in the world* (Ibid.) [ср. там же: 15–16].

Заметим также, что наличие согласования между формальным *it* и глаголом в первом случае ни в коей мере не отражает реального членения предложения, при котором нужно учитывать и данные функционального синтаксиса (см. ниже). Подлежащим здесь является не семантически опустошённый формальный элемент *it*, который выступает в единстве с инфинитивом *to talk*, а этот последний, на что указывает эксперимент с заменой элемента *it* инфинитивом: *It eases me to talk* → *To talk eases me*. При этом, однако, в компонентной модели нужно указать и место в предложении формального элемента *it*. Следовательно, юнкционной и соответствующей компонентной моделью анализируемого предложения являются:

В сущности, так же обстоит дело и с построением юнкционной и компонентной моделей второго предложения – со служебным (семантически опустошённым) элементом *there*, который в модели выступает в единстве с глаголом в личной форме, ср.:

Нужно сказать, что отражение в компонентной модели служебного элемента *it* или *there* в единстве с глаголом (в форме инфинитива или в личной форме) аналогично отражению в модели предлога в единстве с существительным (*inS*, etc.), поскольку только в таком единстве раскрывается их роль в предложении как подлежащего или сказуемого, а также их роль как средств выражения синтаксисом в функциональном синтаксисе (см. 9.2).

К построению структурных моделей предложений на материале современного английского, а также русского языка мы вплотную подошли еще в 60-е годы минувшего столетия, особенно в книге «Структура

предложений и их модели», где мы исходили из понимания м о д е - л и р о в а н и я как метода научного исследования, который обязательно предполагает отношение между оригиналом (объектом, непосредственно интересующим исследователя) и моделью, воспроизводящей те или иные стороны первого (моделируемой действительности) и способной служить целям получения н о в ы х з н а н и й о нем [Мухин 1968: 27]. В частности, имея в виду построение юнкционных моделей предложений, мы отмечали, что модели этого рода (в отличие от знаковых схем А.М. Пешковского) должны строиться горизонтально (линейно) и в соответствии с реальным расположением компонентов предложения по отношению друг к другу [там же: 75–79]

Что же касается способности научной модели служить целям получения новых знаний о моделируемой действительности, то применительно к юнкционным моделям справедливым является то, что на их основе в предложениях выделяются строго соотносительные ядерные компоненты (нельзя говорить о ядерном предизируемом компоненте, не имея в виду ядерного предизирующего компонента). И далее, опираясь на них, можно переходить к изучению функциональных синтаксических единиц – синтаксем, имеющих определенную синтаксическую семантику и выделяемых в определенных синтаксических позициях [Мухин 1999: 5 и сл.]. И можно утверждать, что если синтаксические связи, отраженные в юнкционной модели, определены неправильно, то и анализ синтаксем не может быть осуществлен с опорой на такие модели.

Наряду с моделированием при изучении с т р у к т у р ы предложений, которая охватывает компоненты предложения и существующие между ними синтаксические связи [Мухин 1968: 60], мы одновременно обратились и к методу э к с п е р и м е н т а , сводящемуся к последовательному или “комбинированному” исключению синтаксических связей или, иначе, отбрасыванию соответствующих компонентов предложения [там же: 96]. Эффективность этого метода проявляется при анализе подавляющего большинства двухъядерных предложений с зависимыми компонентами, которые обычно допускают возможность их опущения, подчеркивая тем самым одностороннюю направленность субординативной связи, как, например, в первой паре приведенных выше предложений *They walked for a little in silence, He waited a moment before answering* [ср.: Мухин 2004б: 32]. Однако при проведении таких экспериментов с опущением зависимых компонентов предложения приходится считаться с наличием ограничений или помех в их применении, которые требуют своего выявления и объяснения.

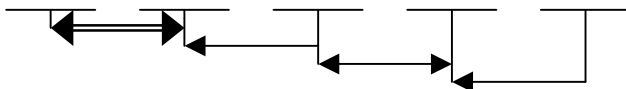
Из факторов, ограничивающих возможность опущения в предложении зависимого компонента, отметим здесь п е р е х о д н о с т ь глагола, которым выражено сказуемое. Так, в приведенном выше предложении с формальным элементом *it – It eases me to talk* – опущению зависи-

мого компонента не препятствует переходный глагол *ease*, так как в результате его опущения получаем, казалось бы, незавершенное в смысловом отношении предложение. Однако, как неоднократно подчеркивалось выше, переходность, определяемая на основе управления как лексической связью, присуща глаголу как лексеме, а сущность зависимого компонента предложения определяется на базе синтаксической связи, каковой является субординативная связь, имеющая противоположную направленность (отражаемую в юнкционной модели посредством стрелки).

Субординативная связь является самой распространенной синтаксической связью в предложениях английского и других языков. На ее основе формируются различные синтаксические конструкции, именуемые синтагмами, которые в качестве ведущего или опорного элемента имеют тот или иной компонент предложения. Таковым часто служит сказуемое, обладающее наиболее многообразной и разветвленной системой средств выражения и обнаруживающее наибольшие потенции в образовании синтагм, простых и особенно сложных. Характерной особенностью сказуемых, как, впрочем, и других синтагм, в частности подлежащих и зависимых, является то, что их составные элементы между собой тесно связаны и не допускают обособления, хотя сами синтагмы, особенно зависимые, могут быть обособленными и необособленными [см. там же: 24–29, 37–52]. Вопросов обособления, однако, мы коснемся ниже, когда перейдем к функциональному синтаксису.

Своеобразие субординативной связи проявляется и в том, что она может комбинироваться с другой синтаксической связью, причем соответствующий компонент предложения тогда характеризуется с учетом обеих синтаксических связей. Такой другой синтаксической связью, с которой комбинируется субординативная связь, служит неядерная предикативная связь, которая является двусторонне направленной, как и ядерная предикативная связь, но отличается от нее тем, что она не образует структурной основы предложения. Подобная ситуация часто возникает в предложениях, когда сказуемое выражено переходным глаголом, принадлежащим к одной из лексико-семантических групп, таких как: а) глаголы физического восприятия (*hear, feel, see, notice, observe, perceive, watch, etc.*), б) глаголы умственной деятельности (*believe, think, consider, conclude, suppose, expect, fancy, imagine, know, understand, etc.*), в) каузативные глаголы (*make, cause, get, command, demand, bid, direct, order, promise, require, allow, let, help, call, name, etc.*), г) глаголы желания или нежелания (*want, desire, wish, intend, hate, etc.*), д) глаголы речевой деятельности (*announce, assert, argue, declare, proclaim, profess, report, state, etc.*).

Типичным примером таких предложений с неядерной предикативной связью, которые мы отнесли к первому структурному подтипу [там же: 52–61], может служить предложение *They had heard no one walk along the verandah* (S. Maugham), юнкционная модель которого имеет следующий вид:

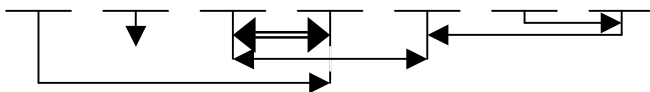

Как показывает эта модель, третий компонент предложения синтаксически связан одновременно со вторым (односторонне направленная субординативная связь) и с четвертым компонентом (двусторонне направленная неядерная предикативная связь). На основе субординативной связи он характеризуется как зависимый компонент предложения, на основе же предикативной связи – как преддицируемый компонент, т.е. является зависимым преддицируемым компонентом; следующий же за ним и соотносительный с ним четвертый компонент на базе предикативной связи определяются только как преддицирующий компонент. Последний, который часто выражен глаголом в форме инфинитива или причастия, в предложениях первого структурного подтипа играет большую роль, поскольку он может служить опорным элементом многочисленных и разнообразных преддицирующих синтагм [см. там же: 56–57]. Однако специфику предложений первого структурного подтипа определяет упомянутый зависимый преддицируемый компонент, и предложения этого рода именуются предложениями с зависимым преддицируемым компонентом.

Чтобы подчеркнуть двустороннюю направленность неядерной предикативной связи, можно прибегнуть к эксперименту, сводящемуся к опущению подлежащего и сказуемого и последующей замене инфинитива, например в приведенном предложении, личной формой глагола, в результате чего получаем предложение с ядерной предикативной связью, имеющей ту же двустороннюю направленность: *They had heard no one walk along the verandah* → ... *No one walked along the verandah*. При использовании же в качестве преддицирующего компонента прилагательного эксперимент может сводиться к замене последнего зависимым предложением, в котором сказуемое выражено прилагательным со служебным глаголом, ср.: *I did not believe him capable of love* (S. Maugham) → *I did not believe that he was capable of love*. В итоге получаем такую же двусторонне направленную синтаксическую связь, создающую структурную основу предложения.

Что касается неядерной предикативной связи, то нужно заметить, что она может комбинироваться с ядерной предикативной связью, и то-

гда соответствующий компонент предложения характеризуется с учетом и той, и другой предикативной связи. Таковым в предложениях второго структурного подтипа [там же: 61–65] является ядерный дважды предикцируемый компонент, выраженный, например, местоимением в предложении *In the end, however, she was found hiding in her stall...* (G. Orwell). Указанная синтаксическая особенность данного компонента получает отражение в юнкционной модели предложения:

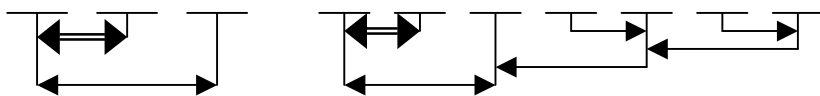

В этом предложении первый компонент является зависимым (субординативная связь), второй – вводным (см. ниже об интродуктивной синтаксической связи), третий – ядерным дважды предикцируемым компонентом, который можно назвать подлежащим, поскольку он синтаксически связан со сказуемым (ядерная предикативная связь), выраженным причастием прошедшего времени переходного глагола со служебным глаголом в личной форме; пятый компонент, следующий за сказуемым, – предикцирующий, который в предложениях второго структурного подтипа может быть выражен различными средствами, как и в предложениях первого подтипа, в частности глаголом в форме причастия или инфинитива, а также прилагательным или причастием в сочетании с инфинитивом служебного глагола, например: *The dog was said to be devoted to its mistress* (A. Christie). Предикцирующий компонент в предложениях второго, как и первого, структурного подтипа играет большую роль, так как он может служить опорным элементом многочисленных и разнообразных предикцирующих синтагм (ср. синтагму в анализируемом предложении *hiding in her stall*). Однако специфику предложений второго подтипа, по сравнению с предложениями первого подтипа, определяет упомянутый ядерный дважды предикцируемый компонент, поэтому они и именуется предложениями именно с таким компонентом.

Неядерная предикативная связь в предложениях второго структурного подтипа определяется с помощью экспериментов. Один из них сводится к опущению сказуемого и последующей замене неличной формы – причастия или инфинитива – личной формой глагола, в результате чего получаем ядерную предикативную связь с той же двусторонней направленностью, ср.: *...she was found hiding in her stall* → *She was hiding in her stall*; *The dog was said to be devoted to its mistress* → *The dog was devoted to its mistress*. В основе же другого эксперимента лежит лексическая соотносительность (использование одних и тех же переходных глаголов в качестве сказуемого) и синтаксическая соотносительность

предложений первого и второго структурных подтипов, которая обуславливает возможность проведения и экспериментов – трансформаций пассивизации или депассивизации тех и других предложений с одной и той же ядерной предикативной связью [там же: 63–64]. Так, приведенные выше предложения первого подтипа могут быть подвергнуты трансформации пассивизации, в результате которой получаем предложения второго подтипа: *They had heard no one walk along the verandah* → *No one had been heard to walk along the verandah*; *I did not believe him capable of love* → *He was not believed to be capable of love*. Однако подобные эксперименты – трансформации пассивизации и депассивизации также имеют свои ограничения, т.е. не всегда осуществимы (как, например, в случае приведенного предложения второго подтипа с переходным глаголом *say*).

Ядерный дважды предизируемый компонент составляет специфику и предложений третьего структурного подтипа [там же: 65–70], в частности следующих двух предложений, где предизирующий компонент выражен прилагательным или причастием прошедшего времени: *Dermot sat silent* (A. Christie). *He stood transfixed* by a horrible identity with this failure (M. Wilson). Построим их юнкционные модели:

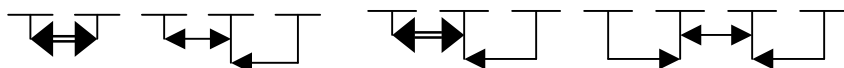

Для предложений третьего подтипа характерно употребление в качестве сказуемого непереходных глаголов, особенно глаголов со значением движения (*come, go, fly, move, etc.*) или покоя (*lie, sit, stand, hang, etc.*). Предизирующий же компонент чаще всего выражен прилагательным или причастием прошедшего времени, хотя может быть и причастие настоящего времени: *Tomasso kissed Michelangelo on the brow, withdrew weeping* (I. Stone), а также существительное с неопределенным артиклем или без артикля: *When I came to your house a poor young bride, how all you looked me over* (E. Forster).

Экспериментом, подчеркивающим двустороннюю направленность неядерной предикативной связи, здесь может быть замена полнозначного глагола (вместе с относящимися к нему элементами, если таковые имеются), которым выражено сказуемое (*Dermot sat ...; He stood ...; Tomasso ...withdrew ...; ... I came ...*), служебным глаголом *be* как средством выражения (в сочетании с прилагательным или причастием, или существительным) сказуемого: *Dermot sat silent* → *Dermot was silent*; *He stood transfixed by...* → *He was transfixed by...*; *Tomasso ... withdrew weeping* → *Tomasso was weeping*; *When I came to your house a poor young bride...* → *When I was a poor young bride ...*

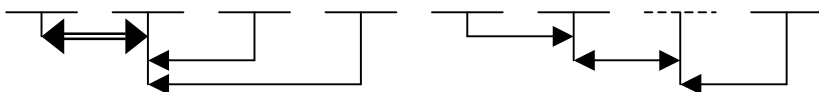
Нужно сказать, что смысловым центром предложения данного структурного подтипа, а также предложений указанных выше первого и второго подтипов является предизирующий компонент, имеющий разнообразные средства выражения и способный образовывать самые различные предизирующие синтагмы. Этим он существенно отличается от упомянутого ядерного дважды предизируемого компонента, подобно тому как отличается предизирующий компонент от зависимого предизируемого или ядерного дважды предизируемого компонента в предложениях двух других структурных подтипов [там же: 70–71].

Отметим также предложения с абсолютными конструкциями, возникающими на основе той же самой двусторонне направленной неядерной предикативной связи, специфика которой здесь заключается в том, что она не комбинируется с какой-либо другой синтаксической связью. Соответствующими компонентами предложения, выделяемыми с опорой на эту синтаксическую связь, являются предизируемый и предизирующий компоненты, которые отличаются от подлежащего и сказуемого, т.е. ядерного предизируемого и ядерного предизирующего компонентов, тем, что они не образуют структурной основы предложения [там же: 73–77]. Таковы, например, третий и четвертый, пятый и шестой компоненты, соответственно, следующих двух предложений: *The traffic was heavy, cars streaming out of town* (C.P. Snow). *Michelangelo walked home, his face suffused with ecstasy* (I. Stone). Построим юнкционные модели этих двух предложений:

Как и в рассмотренных выше предложениях с неядерной предикативной связью каждого из трех структурных подтипов, предизирующий компонент в абсолютных конструкциях имеет разнообразные средства выражения (кроме причастий настоящего и прошедшего времени, как в приведенных примерах). Тем самым он существенно отличается от предизируемого компонента (ср. существительные *cars*, *face*) и при этом обладает способностью образовывать самые различные предизирующие синтагмы (*streaming out of town*, *suffused with ecstasy*, etc.). Э к с п е р и м е н т , подчеркивающий наличие в абсолютной конструкции двусторонне направленной неядерной предикативной связи, сводится к опущению основной части предложения (с подлежащим и сказуемым) и к замене причастия личной формой глагола или сочетанием причастия со служебным глаголом в личной форме, ср.: → ... *cars streamed (were streaming) out of town*; → ... *his face was suffused with ecstasy*. В результате получаем синтаксическую связь с той же двусторонней направленностью.

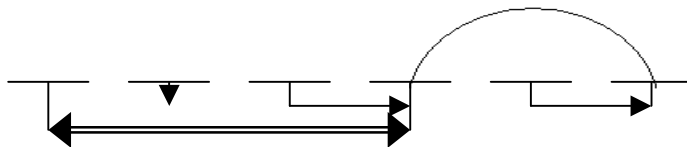
Характерную особенность абсолютных конструкций можно усмотреть в том, что у них часто обнаруживается нулевой (нев्यраженный) преддицирующий компонент, как, например, в случае *He walked home in silence, his head down* (I. Stone). Без признания в подобных предложениях нулевого преддицирующего компонента вряд ли возможно понять зависимый компонент, выраженный в данном случае наречием *down*, который синтаксически не связан с предшествующим преддицируемым компонентом. Об этом свидетельствует эксперимент, подобный указанному выше, в результате которого абсолютная конструкция преобразуется в предложение: $\rightarrow \dots$ *his head was down*. Построим юнкционную модель рассматриваемого предложения с абсолютной конструкцией, обозначив в ней нулевой преддицирующий компонент посредством пунктирного штриха:

Нулевые компоненты, однако, часто обнаруживаются не только в абсолютных конструкциях. Они вообще нередки в двухъядерных предложениях, особенно в разговорной речи, где часто обнаруживается или нулевое сказуемое, или нулевое подлежащее, или нулевой зависимый компонент. Эксперименты с такими неполными предложениями и с учетом контекста позволяют установить соответствующие синтаксические связи и построить юнкционные модели, которые способствуют определению и других (выраженных) компонентов предложения [там же: 111–120].

Теперь вернёмся к приведенному выше предложению с вводным компонентом, выраженным наречием, который выделяется на основе интродуктивной связи, обозначенной в построенной там юнкционной модели посредством вертикальной линии со стрелкой, которая не направлена в сторону какого-либо другого компонента предложения. Специфика вводного компонента отчетливо проявляется в его сопоставлении с зависимым компонентом, который на основе субординативной связи соотносится с другим компонентом предложения: в отличие от зависимого компонента вводный обычно относится к предложению в целом, что проявляется в том, что он допускает использование его в разных положениях – в начале, середине или (если размеры предложения допускают) в конце. Об этом можно судить по приведенному выше предложению (*In the end, however, she was found hiding in her stall ...*), а также по следующему, где вводный компонент также выражен наречием: *... but servants, unfortunately, are very credulous and easily frightened* (A. Christie). Ср. перестановки: $\rightarrow \dots$ *but, unfortunately, servants are*

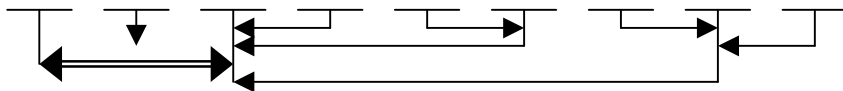
very credulous and easily frightened; → ...but servants are very credulous and easily frightened, *unfortunately*. Построим юнкционную модель и данного предложения, которое включает в себя однородные компоненты предложения (см. ниже о координативной синтаксической связи):

Подобно субординативной связи, интродуктивная имеет одностороннюю направленность, о чем свидетельствуют эксперименты с опущением вводного компонента, которые практически всегда осуществимы, т.е. не имеют ограничений, в отличие от экспериментов с опущением зависимого компонента. Средствами выражения вводного компонента часто служат наречия, которые обычно именуется *модальными словами*, поскольку они передают различные оттенки отношения к высказываемому (уверенность, вероятность, возможность, сомнение и др.) и в теоретической грамматике относятся к особой части речи: *actually, apparently, assuredly, certainly, evidently, fortunately, happily, indeed, luckily, maybe, naturally, obviously, perhaps, possibly, probably, really, supposedly, surely, undoubtedly, etc.* Однако наряду с наречиями в качестве вводного компонента используются и некоторые фразеологические сочетания со служебным элементом, в частности сочетание существительного с предлогом (*in truth, of course*) или сочетание прилагательного с инфинитивом служебного глагола (*to be sure*), а также некоторые синтаксически неделимые сочетания фразеологического характера (*as a matter of fact, in point of fact, in all likelihood, no doubt, etc.*) [там же: 106–107].

Всех этих средств выражения вводного компонента подробнее мы коснемся ниже, когда перейдем и функциональному синтаксису (9.2). Здесь, однако, нужно затронуть те случаи, когда наречие с модальным значением используется в соотнесенности не с предложением в целом, а с его частью, каковой может быть компонент предложения, например: *Sheila, however, had visited the house quite often, possibly owing to the enthusiasm of Mrs. Eden ...* (C.P. Snow). Ранее мы допускали, что вводный компонент употребляется в соотнесенности не только со всем предложением, но иногда – лишь с его частью, как в данном случае [см. там же: 108]. Но соотнесенность с другим компонентом предложения – это характеристика зависимого (а не вводного) компонента, выделяемого на основе субординативной связи. Отсюда, очевидно, следует, что наречие с модальным значением *possibly* в приведенном предложении служит средством выражения зависимого (а не вводного) компонента, рассматривае-

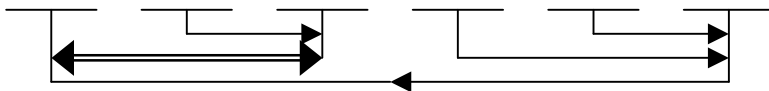
мого по отношению к зависимому компоненту, выраженному предложным сочетанием *owing to the enthusiasm* (который имеет при себе зависимый компонент с предлогом *of*). Это явствует из следующей юнкционной модели предложения:

Чтобы полнее уяснить вопрос, нужно будет, однако, обратиться к данным функционального синтаксиса (см. 9.3). Здесь же следует еще рассмотреть, хотя бы кратко, вопрос о в в о д н ы х с и н т а г м а х, одну из которых находим, например, в следующем неполном предложении в разговорной речи: “You’ll help us, Michelangelo?” ... “*Most certainly*” (I. Stone) [ср. там же: 110, 118]. В отличие от большинства других компонентов предложения, вводный компонент вообще сравнительно редко образует синтагмы (особенно сложные). Чаще вводные синтагмы возникают на основе сочетаний существительных с предлогом, которые обычно имеют при себе один зависимый компонент и при этом обособляются: *To his surprise*, Bramante’s eyes were sparkling with approval (Ibid.). *In actual fact*, this meant that Inspector Neele’s mind was racing once more round an imaginary track (A. Christie), etc.

Иной тип синтаксической связи по сравнению с рассмотренными выше синтаксическими связями – ядерной предикативной или неядерной предикативной, субординативной и интродуктивной представляет собой а п п о з и т и в н а я с в я з ь [там же: 78 и сл.]. На ее основе выделяется п р и л о ж е н и е, или а п п о з и ц и о н н ы й к о м п о н е н т, который находим, например, при подлежащем и зависимом компоненте в следующих двух предложениях (соответственно): He was your friend, that poor *Englishman* (T. Caldwell). To the old lady’s nephew, *Charles Ridgeway*, the doctor was slightly more explicit (A. Christie).

Аппозитивная синтаксическая связь сближается с субординативной связью в том отношении, что она также имеет одностороннюю направленность, однако если вторая всегда соотносит зависимый компонент только с одним компонентом, к которому она направлена, то первая может соотносить приложение не только с компонентом, именуемым а н т е ц е д е н т о м, но и через него, т.е. уже о п о с р е д о в а н н о, с другим компонентом. Таким другим компонентом в первом предложении является сказуемое, выраженное существительным со служебным глаголом. Построим юнкционную модель этого предложения, где аппозитивная связь обозначена посредством прямой линии со стрелкой (в середине), которая символизирует собой одностороннюю направленность данной синтаксической связи:

Существенное отличие аппозитивной связи от субординативной подчеркивается экспериментом с заменой antecedента приложением с зависимыми компонентами, если таковые имеются при нем, ср. в обоих случаях: → That poor *Englishman* was your friend; → *To Charles Ridgeway* the doctor was slightly more explicit. В результате эксперимента в первом предложении исследуемый компонент предстает как подлежащее, во втором – как зависимый компонент (при сохранении предлога как служебного элемента).

К некоторым особенностям приложения, выраженного существительным, нужно отнести его согласование с antecedентом, а также отсутствие повторения при нем служебного элемента (предлога или связочного глагола). Кроме того, имеет место и обособление приложения, которое на письме обычно осуществляется посредством запятых, как в приведенных примерах. Однако аппозитивная связь не всегда сопровождается обособлением, например: The young man *Butterfield* had smiled (J.Galsworthy). Somewhere *near them* the other child was laughing (A. Christie). В подобных случаях также допускается проведение указанных выше экспериментов с заменой, свидетельствующих о наличии аппозитивной связи, ср: → *Butterfield* had smiled; → *Near them* the other child was laughing.

Характерным свойством приложения является и его местоположение после того компонента, с которым оно непосредственно связано, причем приложение может занимать дистантное положение, как, например, в приведенном предложении, юнкционная модель которого построена выше. В качестве формальных показателей приложения используются иногда такие элементы или сочетания, как *that is, named, called, by the name of, by name*. Подобно типичным формальным средствам выражения компонентов предложения, таким как предлоги или служебные глаголы, указанные элементы и сочетания образуют неразрывное синтаксическое единство с существительным и при экспериментах опускаются или заменяются вместе с ним. Например: The confidential secretary paid the widowed aunt, *Madame Saladin by name*, a visit (S. Maugham).

На основе приложений часто формируются **аппозиционные синтагмы**, простые, как, например, *that poor Englishman* в приведенном выше первом предложении с аппозитивной связью, или сложные, образуемые сравнительно редко [там же: 85 и сл.]. Возможности образования аппозиционных синтагм в значительной мере определяются тем, какой частью речи представлено приложение. Наибольшими потенциями в этом отношении обладает приложение, выраженное суще-

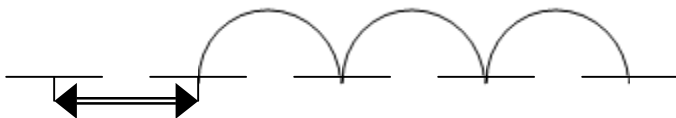
ствительным. Однако нельзя не отметить различную роль имен нарицательных и собственных, хотя последние также довольно широко используются в качестве приложений. Различия между теми и другими особенно ярко проявляются, когда они рассматриваются как средства выражения функциональных синтаксических единиц – синтаксем. Этой их роли мы коснемся ниже, в разделе, посвященном функциональному синтаксису (9.3).

Особый тип синтаксической связи представляет собой *координативная*, или *сочинительная* связь, которой совершенно чужд признак направленности, характерный для всех рассмотренных выше синтаксических связей [там же: 92 и сл.]. Если на основе ядерной предикативной и неядерной предикативной связей, имеющих двустороннюю направленность, положительно характеризуются оба члена противопоставления – подлежащее и сказуемое (как ядерный предикатируемый и ядерный предикатирующий компоненты) и, соответственно, предикатируемый и предикатирующий компоненты, а на основе субординативной, интродуктивной и аппозитивной связей, имеющих одностороннюю направленность, положительно характеризуется только один член противопоставления – зависимый, вводный или аппозиционный компонент (приложение), то координативная связь вообще не служит основанием для противопоставления компонентов предложения. Последние при наличии между ними координативной связи именуются *однородными компонентами предложения*.

Существенное различие между координативной и другими синтаксическими связями находит выражение в формальных специфических средствах, используемых только при реализации в предложении координативной связи. Ими являются, прежде всего, *союзы*, подразделяемые обычно на три группы: *соединительные* (простые и составные, в том числе соотносительные, – *and, nor, as well as, both...and, neither...nor, not only... but(also)*), *разделительные* (*or, either ... or*) и *противительные* (*but, yet*). Наряду с союзами широко используются *соединительные паузы*, которые на письме отражаются посредством запятых, например: *She was small, sturdy, bright-eyed, smiling* (C. P. Snow). Параллелизм соединительных пауз и союзов как средств выражения координативной связи обуславливает возможность использования вторых, особенно самого употребительного из них союза *and*, в *экспериментах* с заменой первых вторыми [ср. там же: 94].

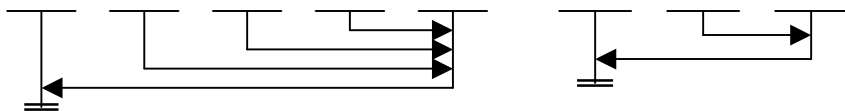
Однако координативная связь реализуется в предложении только в комбинации с другой синтаксической связью, которая вводит в предложение однородные компоненты. Таковой в только что приведенном предложении является ядерная предикативная связь, в соответствии с которой эти компоненты определяются как *однородные ска-*

з у е м ы е . Примечательная особенность последних заключается в том, что служебный элемент – связка присутствует только при первом из них. Построим юнкционную модель этого предложения, обозначив координативную связь между каждыми двумя однородными компонентами посредством дугообразной линии:

Как показывает юнкционная модель приведенного выше предложения ... but servants, unfortunately, are very credulous and easily frightened (A. Christie), которое включает в себя вводный компонент и однородные сказуемые, эти последние могут иметь при себе зависимые компоненты (см. 9.2).

Указанные выше синтаксические связи и соответствующие компоненты предложения наиболее полно реализуются в двухъядерных предложениях, т.е. в предложениях с двумя я д е р н ы м и к о м п о н е н т а м и – подлежащим и сказуемым (ядерным предизируемым и ядерным предизирующим компонентами). Предложениям этого первого (основного) структурного типа противопоставляются предложения второго типа, структурную основу (или ядро) которых составляет один я д е р н ы й к о м п о н е н т , который нельзя назвать ни подлежащим, ни сказуемым, поскольку он не имеет ни признака предизируемости, ни признака предизирувания. Такой ядерный компонент содержится в двух рассмотренных нами ранее одноядерных предложениях, где он выражен собственным и нарицательным существительными [Мухин 1980: 239–240]: (He opened the parlour door.) *Rachel* – with her honest brown eyes (A. Christie). *Dusk* – of a summer night (Th. Dreiser). Воспроизведем здесь юнкционные модели этих двух одноядерных предложений, обозначив ядерный компонент с помощью двух параллельных линий без стрелок:

В том и другом случае при ядерном компоненте обнаруживается обособленная з а в и с и м а я с и н т а г м а , опорным компонентом которой является существительное с предлогом: *with her honest brown eyes, of a summer night* [см. об обособленных и необособленных зависимых синтагмах: Мухин 2004б: 37 и сл.]. Роль собственного и нарицательного существительных как средств выражения ядерного компонента в рассматриваемых случаях можно подчеркнуть с помощью

экспериментов, сводящихся к опущению зависимой синтагмы, в результате которых получаем нераспространенные одноядерные предложения. Подобные эксперименты с опущением зависимой синтагмы или зависимого компонента проводятся и при изучении других одноядерных предложений, в частности в о к а т и в н ы х с ядерным компонентом, выраженным существительным собственным или нарицательным: *My poor Charles, what a terrible life you must lead* (Coward), etc. или э м о т и в н ы х п р е д л о ж е н и й, например такого, которое содержит зависимый компонент в препозиции и постпозиции к ядерному компоненту: *Oh, Merciful Christ in heaven, how kind they were* (Williams) [там же: 128, 132].

При изучении одноядерных предложений нельзя не обратить внимания на ту роль, которую играет с и н т а к с и ч е с к а я с е м а н т и к а при их классификации. Точнее, речь идет о синтаксемах в позиции ядерного компонента, в соответствии с которыми п р е д л о ж е н и я этого второго структурного типа в указанной книге автора делятся на несколько подтипов, имеющих свои формальные особенности [там же: 121 и сл.]. К их числу относятся и только что упомянутые вокативные и эмотивные предложения, а также бытийные предложения, каковыми являются, в частности, приведенные выше два предложения с обособленными зависимыми синтагмами. Такие подтипы одноядерных предложений подробнее мы рассмотрим в следующем разделе, посвященном функциональному синтаксису (9.2), к задачам которого относится исследование синтаксем в разных синтаксических позициях, в том числе и в позиции ядерного компонента в предложениях второго структурного типа. Однако сначала следует сказать, хотя бы кратко, об основных особенностях элементарных синтаксических единиц, именуемых синтаксемами, методах их изучения и их системных отношениях.

Функциональный синтаксис и сопоставительный анализ

9.2. Функциональный синтаксис в основной своей проблематике сформировался лишь к концу 90-х годов в противопоставленности структурному синтаксису, который, как явствует из предыдущего раздела, предполагает изучение структурных особенностей предложений – их внутренних синтаксических связей и компонентов предложения как элементарных структурных синтаксических единиц, различаемых по их роли в организации предложения (с ядерные и неядерные компоненты предложения). При этом исследованием охватываются и возникающие на основе компонентов предложения синтаксические конструкции – с и н т а г м ы, простые и сложные, обособленные и необособленные. Существенно также заметить, что относящиеся к структурному синтаксису исследования позволяют охарактери-

зовать и сами предложения (англ. clauses), которые служат исходными единицами для функционального синтаксиса, как единицы языка и речи. Они могут быть как отдельными, так и синтаксически связанными предложениями, выступающими в составе сложных синтаксических образований, известных обычно под названиями сложноподчиненных или сложносочиненных предложений [Мухин 1999: 3–4].

Синтаксемы как элементарные функциональные синтаксические единицы характеризуются синтаксико-семантическими, или, короче, синсемантическими, признаками и, в отличие от компонентов предложения, определяются прежде всего по их отношениям в парадигматическом плане языка. Если компоненты предложения выделяются из их противопоставленности друг другу в каждом конкретном предложении, то для того чтобы определить синтаксему, нужно обычно противопоставить её другой синтаксеме в той же синтаксической позиции, т.е. в позиции того же компонента предложения, но уже в составе другого предложения.

Такие противопоставления, или, точнее, оппозиции, устанавливаются именно в парадигматическом плане. Их члены образуют оппозитивные ряды вследствие наличия у них общего синсемантического признака [там же: 5]. Примерами могут служить приведенные в настоящей работе, в первых трех главах, оппозитивные ряды следующих синтаксем в позициях подлежащего и зависимого компонента (или, иначе, в зависимой позиции): агентивных (агентивной акциональной, агентивной пассивной акциональной, агентивной стативной, агентивной квалитативной, собственно агентивной), объектных (объектной акциональной, объектной пассивной акциональной, объектной стативной и др.) и косвенно-объектных (косвенно-объектной акциональной и др.); ср. также идентифицирующие, классифицирующие, темпоральные и экзистенциальные синтаксемы в четвертой главе.

Приведенные в первых трех главах синтаксемы агентивного, объектного и косвенно-объектного рядов дают представление и об экспериментах, проводимых при их анализе, которые существенно отличаются от экспериментов, к которым мы прибегали в предыдущем разделе при изучении компонентов предложения и синтаксических связей. Так, своеобразие агентивной акциональной синтаксемы подчёркивается с помощью экспериментов, сводящихся к трансформации вычленяемой из предложения подлежащей или зависимой синтагмы, содержащей данную синтаксему, в предложение с родственной акциональной синтаксемой в позиции сказуемого, выраженной глаголом в личной форме (ср.: Her *disapproval* of my casualness → She *disapproved* of my casualness; Its sudden *disapperance* → It suddenly

disappeared, etc.– 1.1). Аналогично этому агентивная стативная синтаксема определяется с помощью экспериментов, сводящихся к трансформации вычленяемой из предложения подлежащей или зависимой синтагмы с этой синтаксемой в предложение с родственной стативной синтаксемой в позиции сказуемого, выраженной прилагательным со служебным глаголом (ср: *Walter's moderation* → *Walter was moderate*; *The dejection of his eyes* → *His eyes were dejected*, etc. – 1.3), и т.д.

В подобных экспериментах участвуют синтаксемы всех трех функциональных классов – субстанциальные, процессуальные и квалификативные (ср.: Мухин 1995: 25–30). К первым относятся синтаксемы агентивного, объектного и косвенно-объектного рядов, выраженные существительными с предлогом или без предлога в позициях подлежащего и зависимого компонента (см. главы 1–3); ко вторым – синтаксемы, выраженные глаголами в позиции сказуемого, к третьим – синтаксемы, представленные прилагательными со служебными глаголами в позиции сказуемого. В соответствии с различием этих трёх функциональных классов синтаксем проводится и изучение оппозитивных рядов синтаксем в упомянутой выше книге автора “Функциональный синтаксис”, причем их изучение начинается с позиции сказуемого, где основное внимание привлекают процессуальные синтаксемы акционального ряда, прежде всего такие, как собственно акциональная, акциональная континутивная и акциональная итеративная, или многократная [Мухин 1999: 20–36].

Выбор в первую очередь позиции сказуемого при изучении оппозитивных рядов синтаксем обусловливается прежде всего тем, что, как отмечалось выше, в разделе, посвящённом структурному синтаксису, сказуемое обладает наиболее многообразной и разветвлённой системой средств и обнаруживает наибольшие потенции в образовании синтагм. С этим связано и то, что именно в позиции сказуемого наиболее полно раскрывается вариантность синтаксем, которая является их важнейшей формальной особенностью, отличающей их от компонентов предложения [см. там же: 7–10, 22 и сл.]. Вариантность синтаксем открывает широкие возможности для применения метода эксперимента, который здесь обычно сводится к замене одних вариантов синтаксем другими её вариантами, более характерными и показательными для данной синтаксем [ср. там же: 15–17].

В позиции сказуемого наиболее полно раскрывается и другая характерная для синтаксем особенность, отличающая их от компонентов предложения, а именно их сочетаемость с другими синтаксемами, которые могут составлять их непосредственное синтаксическое окружение. Так, наличие в этом окружении при глаголе синтаксически не-

делимого сочетания *day after day* указывает на то, что глагол обозначает повторяемое действие, т.е. что мы имеем дело с упомянутой выше акциональной итеративной синтаксемой. Что же касается собственно акциональной синтаксемы, то в её непосредственное окружение могут входить элементы, указывающие на единичность, внезапность, мгновенность действия, обозначенного глаголом, такие как *suddenly, at once, later, etc.* [там же: 11]. Однако для той и другой синтаксемы упомянутого акционального ряда характерна сочетаемость с синтаксемами темпорального ряда, которые дифференцируются в зависимости от того, при какой из акциональных синтаксем в позиции сказуемого они употребляются [там же: 21, 25 и сл.].

Различая синтаксемы как члены оппозитивных рядов в пределах каждого из трёх указанных функциональных классов (субстанциальных, процессуальных и квалификативных синтаксем), изучая при этом системы их вариантов и их сочетаемость с другими синтаксемами, а также иные дистрибутивные особенности, в частности их местоположение, мы в конечном счёте приходим к определению синтаксических категорий (СК), которые, как отмечалось в упомянутой книге, объединяют элементарные синтаксические единицы разных классов, если их в е д у щ и й синсемантический признак, устанавливаемый в соответствующих оппозитивных рядах, является общим для них [там же: 175]. В пятой главе настоящей работы мы рассмотрели три важнейшие синтаксические категории, объединяющие субстанциальные, процессуальные и квалификативные синтаксемы, ведущим признаком которых является, соответственно, акциональность, стативность или качественность (и внесли при этом дополнения и уточнения в нашу предыдущую узкую трактовку акциональной, стативной и качественной синтаксических категорий – 5.1).

Всё это создаёт теоретическую и методологическую базу для проведения на системной основе сопоставительного, или сравнительного, анализа. Так, в одной из наших поздних работ на материале английского и русского языков намечаются пути сопоставительных исследований посессивных, акциональных, пассивных акциональных и некоторых других синтаксем [Мухин 2002а: 3–4].

В первом случае речь идёт о посессивной синтаксической категории (СК), или категории принадлежности, которая включает в себя два оппозитивных ряда посессивных синтаксем – субстанциальных и квалификативных, имеющих различные системы вариантов и различные дистрибутивные особенности – сочетаемость и местоположение (подробно рассмотренные нами ранее в книге «Вариантность синтаксических единиц», а также в книге «Функциональный синтаксис»). К сопоставительным исследованиям посессивных синтаксем указанных двух рядов в

английском и русском языках непосредственное отношение имеют наблюдения Л.В. Шербы над родительным падежом существительного (в известных его примерах, приведённых выше – 5.9), в которых отчётливо проявляется различие между синтаксической семантикой субстанциальности (предметности) и квалификативности (характеристики) [Мухин 2002а: 26–27, 29–35].

Во втором случае затрагивается а к ц и о н а л ь н а я синтаксическая категория (СК), охватывающая три ряда акциональных синтаксем – субстанциальных, процессуальных, квалификативных (ср. 5.1–5.2). Из них особенно выделяется многочисленный оппозитивный ряд процессуальных акциональных синтаксем в позиции сказуемого, к которому относятся упомянутые выше собственно акциональная, акциональная перфективная, акциональная континуативная и акциональная итеративная синтаксем, выраженные обычно временными глагольными формами в позиции сказуемого. В русском языке мы не находим таких временных глагольных форм, однако это не служит препятствием для проведения сопоставительных исследований, поскольку соответствующие синтаксем, выраженные глагольными формами, обнаруживаются как в английском, так и в русском языке. Причём в непосредственном синтаксическом окружении сопоставляемых синтаксем и в русском языке возможны те самые синтаксем, с о ч е т а е м о с т ь с которыми является характерной их особенностью. Таковыми по отношению к синтаксемам оппозитивного акционального ряда являются различные темпоральные синтаксем – собственно темпоральная, темпоральная терминативная, темпоральная континуативная, темпоральная итеративная и др. [там же: 38–43, 55–57].

В третьем случае мы имеем дело с п а с с и в н о й синтаксической категорией (СК), объединяющей два ряда пассивных синтаксем – процессуальных и квалификативных (выраженных прилагательными). Из них особенно выделяются синтаксем пассивного акционального ряда в позиции сказуемого (пассивная акциональная, пассивная акциональная итеративная, пассивная акциональная перфективная и др.), которые очень употребительны в английском языке и составляют его примечательную особенность. Несмотря на существенные различия в средствах выражения синтаксем в английском и русском языках, сопоставительное исследование и в данном случае может проводиться в том же направлении, что и в предыдущем случае, поскольку возникает возможность опереться на аналогичные и иные особенности в их непосредственном синтаксическом окружении (ср. их с о ч е т а е м о с т ь с определёнными темпоральными синтаксемами, наличие или возможность наличия в их окружении а г е н т и в н о й с и н т а к с е м ы и др.). Однако здесь приходится считаться с проблемами, связанными с выделением и изучением переходных глаголов, составляющих лексическую базу синтаксем пассивного

акционального ряда как в английском, так и в русском языке [там же: 97–100, 109–117].

К переходным глаголам мы ещё вернёмся ниже (9.5).

В связи с изучением путей осуществления сопоставительного анализа на системной основе наряду с акциональной и пассивной категориями особого внимания заслуживают стативная и качественная синтаксические категории (СК), в которых объединяются синтаксемы трёх и двух оппозитивных рядов, соответственно (ср. 5.3–5.5, 5.6–5.8). В этих случаях также возникает необходимость выделить в позиции сказуемого синтаксемы стативного и качественного рядов, выраженные прилагательными (с различными связочными глаголами), которые сопоставимы с прилагательными русского языка, указанными (со связками) Л. В. Щербой в связи с намечаемыми им категориями состояния и качества или свойства как частей речи: *я весел* (состояние), *я весёлый* (качество); *он шумен* (состояние); *он шумливый* (качество); *он сердит* (состояние), *он сердитый* (качество); *он грустен* (состояние), *он грустный* (качество) ... Одновременно Л. В. Щерба указывает и соответствующие глаголы как средства выражения состояния: *я веселюсь* (состояние в виде действия), *он шумит* (действие), *он сердится* (состояние в виде действия), *он грустит* (состояние в виде действия) [там же: 126–127].

К прилагательным и соответствующим глаголам мы также вернёмся ниже (9.4), а здесь нужно обратить внимание на следующее. Говоря о стативной и качественной синтаксических категориях, мы акцентируем роль синтаксем стативного и качественного рядов в позиции сказуемого. Подобно этому и в предыдущих случаях, говоря об акциональной и пассивной синтаксических категориях (СК), мы акцентировали роль синтаксем акционального и пассивного акционального рядов в позиции сказуемого, где, как отмечалось выше, наиболее полно раскрывается вариатность синтаксем, а также их сочетаемость с другими синтаксемами, составляющими их непосредственное синтаксическое окружение.

Синтаксемы указанных оппозитивных рядов широко взаимодействуют с синтаксемами других оппозитивных рядов. Это явствует, в частности, из анализа синтаксем агентивного, объектного и косвенно-объектного рядов, приведённых в первых трёх главах настоящей работы, среди которых выделяются синтаксемы с семантикой акциональности, пассивной акциональности, стативности или качественности. Так, в оппозитивном ряду агентивных синтаксем обнаруживаются агентивная акциональная, агентивная пассивная акциональная, агентивная стативная и агентивная качественная синтаксемы. Каждая из них изучается с помощью экспериментов, которым подвергаются вычленимые из предложения подлежащ-

ные или зависимые *синтагмы* (трансформируемые в предложении с родственной – акциональной, пассивной акциональной, стативной или качественной синтаксемой – в позиции сказуемого), ср.: Her *disapproval* of my casualness → She *disapproved* of my casualness, etc. (1.1); by the *removal* of his burden → His burden *was removed*, etc. (1.2); Walter's *moderation* → Walter *was moderate*, etc. (1.3); *the importance* of her new assignment → Her new assignment *was important*, etc. (1.4).

В этих экспериментах отчётливо проявляется взаимодействие указанных синтаксем агентивного ряда с родственными синтаксемами в позиции сказуемого – собственно акциональной (*disapproved*), пассивной акциональной (*was removed*), стативной (*was moderate*), качественной (*was important*). Подобное же взаимодействие существует и между упомянутыми выше синтаксемами объектного или косвенно-объектного ряда и родственными синтаксемами в позиции сказуемого – собственно акциональной, пассивной акциональной, стативной или качественной. На это взаимодействие так же отчётливо указывают проведённые во второй и третьей главах эксперименты с синтаксемами объектного и косвенно-объективного рядов, передающими синтаксическую семантику акциональности, пассивной акциональности, стативности или качественности. Здесь, следовательно, также чётко проявляется роль экспериментов при определении синтаксем объектного или косвенно-объектного ряда.

Совершенно иначе обстояло бы дело, если бы мы говорили о взаимодействии синтаксем агентивного или объектного, или косвенно-объектного ряда не с оппозитивными рядами синтаксем в позиции сказуемого, а с соответствующими синтаксическими категориями – акциональной, пассивной акциональной, стативной или качественной, каждая из которых объединяет не один оппозитивный ряд синтаксем. О таком взаимодействии, к сожалению, речь шла в нашей предыдущей работе, где отмечалось широкое взаимодействие с акциональной, а также качественной категорией целого ряда синтаксических категорий, в частности агентивной, а также объектной и других категорий [Мухин 2002а: 122 и сл.]. Если бы мы исходили из допущения взаимодействия именно синтаксем синтаксических категорий (а не отдельных оппозитивных рядов синтаксем), при их изучении мы не смогли бы опереться на метод эксперимента, так как каждая синтаксическая категория объединяет синтаксемы разных оппозитивных рядов, употребляемые в разных синтаксических позициях и представленные в языке различными системами вариантов.

Итак, следует говорить о взаимодействии оппозитивных рядов синтаксем, а не взаимодействии синтаксических категорий. Например, упомянутый агентивный ряд по признаку акциональности взаимодействует с акциональным оппозитивным рядом в позиции сказуемого (о чём свидетельствует наличие в этом ряду агентивной

акциональной синтаксемы), по признакам же пассивности и акциональности тот же ряд взаимодействует с пассивным акциональным рядом в позиции сказуемого (ср. агентивную п а с с и в н у ю а к - ц и о н а л ь н у ю синтаксему в агентивном ряду), по признакам же стативности и квалитативности тот же ряд взаимодействует, соответственно, со стативным или квалитативным рядом в позиции сказуемого (ср. наличие в агентивном ряду агентивной с т а т и в н о й и агентивной к в а л и т а т и в н о й синтаксем).

Нужно внести также и другое уточнение в нашу трактовку синтаксических категорий: к их числу ранее нами были отнесены и такие «категории», которые включают в себя синтаксемы только одного оппозитивного ряда. Из этого решения фактически вытекало бы, что следует установить какой-либо один оппозитивный ряд синтаксем, чтобы определить тем самым соответствующую синтаксическую категорию. Такое ошибочное решение, видимо, обуславливалось совершенно недостаточной изученностью оппозитивных рядов синтаксем. В частности, акциональная категория, которая в настоящей работе охарактеризована как одна из трёх важнейших синтаксических категорий (5.1–5.2), ранее определялась как включающая в себя лишь процессуальные синтаксемы (Мухин 1999: 176).

Синтаксическая семантика и вариантность синтаксем

9.3. Теперь, после сделанных уточнений, вернёмся к разделу, посвящённому структурному синтаксису, с тем чтобы дополнить проведённый там анализ структурных особенностей предложений ф у н к ц и о - н а л ь н ы м а н а л и з о м синтаксических единиц в позициях тех или иных компонентов предложения. На необходимость такого «дополнительного анализа» неоднократно указывалось выше (9.1). Так, при изучении ядерной предикативной связи в предложении *It eases me to talk* мы констатировали, что наличие согласования между формальным *it* и глаголом ни в коей мере не отражает реального членения предложения. Причём мы отметили, что в этом случае нужно учитывать и данные функционального синтаксиса.

Действительно, учитывая передаваемую в указанном предложении с и н т а к с и ч е с к у ю с е м а н т и к у, можно понять формальный служебный элемент *it* только в неразрывном единстве с инфинитивом *to talk*, поскольку сам по себе он семантически пуст. В единстве же с инфинитивом он может быть определён как акциональная синтаксема, которая на базе ядерной предикативной связи (по отношению к глаголу в позиции сказуемого) обозначает производителя действия, т.е. является а к ц и о - н а л ь н о й а г е н т и в н о й синтаксемой. Точнее, здесь мы имеем дело с одним из двух вариантов этой синтаксемы в позиции подлежаще-

го, которые фактически были указаны выше при проведении э к с п е - р и м е н т а с заменой одного из них другим: *It eases me to talk* → *To talk eases me* (ср. там же). По отношению друг к другу в данном случае они могут быть охарактеризованы как ф а к у л ь т а т и в н ы е в а р и - а н т ы синтаксемы, т.е. как взаимозаменяемые варианты (в знаковой модели – *it to V_i to V_i*).

В упоминавшемся выше (8.3) курсе теоретической грамматики Б.А. Ильиш ссылается на проходившую некоторое время дискуссию по поводу предложений этого типа, например: *It gave Hermione a sudden convulsive sensation of pleasure, to see these rich colours under the candlelight* (Lawrence), и отмечает при этом, что две точки зрения были выдвинуты относительно таких предложений: согласно одной, формальным подлежащим является местоимение *it* в начале предложения, а реальным подлежащим служит инфинитив (в данном случае – *to see*); согласно же другой точки зрения, *it* является подлежащим, а инфинитив – приложением к нему. В целом, считает Б.А. Ильиш, вторая точка зрения представляется предпочтительной, так как деление подлежащих на формальные и реальные трудно оправдать в общей синтаксической теории [Ильиш 1971: 199]. Такое решение вопроса в теоретической грамматике, конечно, вынужденное, хотя возникает сомнение, можно ли вообще говорить о приложении к формальному, семантически пустому служебному элементу (см. ниже о синтаксемах в позиции приложения).

Подобные предложения с формальным *it*, распространённые в английском языке, представляют интерес и для сопоставительного анализа. В рассматриваемом нами предложении *It eases me to talk* инфинитив вряд ли можно сопоставить с инфинитивом в русском языке, но можно сопоставить его с существительным в позиции подлежащего, ср.: *Беседа успокаивает меня*. В английском предложении мы обнаруживаем п р о - ц е с с у а л ь н у ю акциональную агентивную синтаксему, выраженную инфинитивом вместе с формальным *it*, в русском же – с у б с т а н - ц и а л ь н у ю акциональную агентивную синтаксему, выраженную существительным (без какого-либо служебного элемента). Здесь, следовательно, сопоставлению подлежат синтаксемы разных функциональных классов, одна из которых относится к классу процессуальных синтаксем (в английском языке), другая (в русском языке) – к классу субстанциальных синтаксем (см. выше о функциональных классах синтаксем – 9.2)

При изучении субординативной синтаксической связи мы отметили, что на ее основе в предложениях формируются различные с и н - т а г м ы , в частности з а в и с и м ы е (с зависимым компонентом предложения в качестве опорного элемента), которые могут быть обособленными (9.1). Многие из обособленных зависимых синтагм возникают под влиянием с и н т а к с и ч е с к о й с е м а н т и к и , переда-

ваемой синтаксемой в позиции опорного элемента синтагмы. Такой синтаксемой может быть темпоральная, выраженная существительным с предлогом, например: *Inside the five minutes, a policeman arrived* (C.P. Snow), а также темпоральная синтаксема, выраженная совершенным причастием или совершенным герундием с предлогом: *Having taken a day off without permission, Michelangelo was at the studio early* (I. Stone). *After having spent so many years laboriously begrudging him those picaresque adjectives, I feel it's a matter of life and death to get them in here* (J. Salinger). Нередки также обособленные зависимые синтагмы с локативной синтаксемой в позиции опорного элемента синтагмы: *At the family church of San Lorenzo, Piero formally presented Contessina to Rudolfi ...* (I. Stone), etc. [Мухин 2004б: 40,46].

Нужно заметить в этой связи, что ранее мы ошибочно отнесли к числу обособленных синтагм конструкции с временными союзами, например: *While pondering this new idea, I heard the front door opening ...* (Ch. Brontë) [там же: 40]. Однако в одной из недавних работ, анализируя подобные конструкции с помощью экспериментов, мы уточнили, что они представляют собой не полные зависимые предложения с невыраженным (нулевым) вариантом агентивной синтаксемы в позиции подлежащего и частично выраженным вариантом акциональной континуативной синтаксемы в позиции сказуемого [Мухин 2002а: 139]. Ср. показания экспериментов: *When carving he was charged with spontaneous energy ...* → *When he was carving he was charged with spontaneous energy*; *While waiting, the sergeant proceeded to score up some credit for himself* → *While he was waiting, the sergeant proceeded to score up...* По этому поводу см. также [Амахина 2005: 22].

Далее, изучая выше субординативную связь в структуре предложений английского языка (9.1), мы отметили, что ее своеобразие проявляется и в том, что она может комбинироваться с другой синтаксической связью, каковой часто является неядерная предикативная связь, как, например, в следующем предложении, где сказуемое выражено переходным глаголом со значением физического восприятия: *They had heard no one walk along the verandah* (S. Maugham). При этом особое внимание мы обратили на инфинитив *walk*, играющий роль предикатора компонента по отношению к предшествующему компоненту предложения. В аспекте функционального синтаксиса он может быть определен как позиция в варианте акциональной синтаксемы, используемый в позиции предикующего компонента наряду с другим вариантом этой синтаксемы – причастием настоящего времени, ср.: *They had heard no one walking along the verandah* [см. о позиционных и иных вариантах синтаксем: Мухин 1999: 7 и сл.].

Чтобы подчеркнуть двустороннюю направленность неядерной предикативной связи в рассматриваемом предложении с инфинитивом,

мы прибегли выше (там же) к эксперименту, сводящемуся к опущению подлежащего и сказуемого и последующей замене инфинитива личной формой глагола, в результате чего получили предложение с ядерной предикативной связью, имеющей ту же двустороннюю направленность: They had heard no one *walk* along the verandah → ... No one *walked* along the verandah. В этом эксперименте отчетливо проявилось соотношение между позиционным вариантом акциональной синтаксемы, выраженным неличной формой глагола, и одним из её основных вариантов, выраженных личными формами, которыми акциональная синтаксема представлена в оппозитивном ряду акциональных синтаксем в позиции сказуемого [там же: 22 и сл.].

Позиционные варианты синтаксем находим и в рассмотренных выше предложениях другого структурного подтипа с неядерной предикативной связью, где эта синтаксическая связь комбинируется с ядерной предикативной связью, например: In the end, however, she was found *hiding* in her stall... (G. Orwell). The dog was said to be *devoted* to its mistress (A. Christie). В этих случаях мы также прибегли к экспериментам, чтобы подчеркнуть двустороннюю направленность неядерной предикативной связи, ср.: → She *was hiding* in her stall; → The dog *was devoted* to its mistress (там же). В результате стало возможным определить: в первом случае соотношение между причастием настоящего времени *hiding* как позиционным вариантом акциональной континуативной синтаксемы и ее основным вариантом в позиции сказуемого *was hiding*, во втором случае соотношение между причастием прошедшего времени в сочетании с инфинитивом служебного глагола *to be devoted* как позиционным вариантом пассивной акциональной синтаксемы и ее основным вариантом в позиции сказуемого *was devoted* [ср. позиционные варианты других синтаксем: там же: 146–147, 150, 154–155].

Касаясь, далее (9.1), аппозитивной синтаксической связи, имеющей одностороннюю направленность, мы отметили, что на ее основе выделяется приложение, или аппозиционный компонент предложения, например при подлежащем или зависимом компоненте: He was your friend, that poor *Englishman* (T. Caldwell). To the old lady's nephew, *Charles Ridgeway*, the doctor was slightly more explicit (A. Christie). Чтобы подчеркнуть отличие аппозитивной связи от subordinативной, мы прибегли к эксперименту с заменой антецедента приложением (с зависимыми от него компонентами), ср.: → That poor *Englishman* was your friend; → *To Charles Ridgeway* the doctor was slightly more explicit. В результате в первом предложении исследуемый компонент предстает как подлежащее, во втором – как зависимый компонент (сохраняющий при себе служебный элемент – предлог).

В аспекте функционального синтаксиса подобные эксперименты дают возможность понять, что в первом примере устанавливается соотношение между двумя вариантами одной и той же синтаксемы, которая по отношению к идентифицирующей синтаксеме в позиции сказуемого может быть определена как идентифицируемая синтаксема [ср.: Мухин 1999: 163]. В позиции подлежащего, которая является сильной синтаксической позицией данной синтаксемы, здесь выделяется один из двух основных вариантов синтаксемы (другим основным вариантом может быть существительное); в позиции же приложения находим позиционный вариант синтаксемы, который представлен существительным (но может быть выражен местоимением).

Во втором примере устанавливается соотношение между двумя вариантами другой синтаксемы, которую можно определить как атрибуционную синтаксему, (от лат. *attribuere* 'предназначать', 'предоставлять', ср. англ. *attribute*, фр. *attribuer*). При этом в позиции зависимого компонента находим основной вариант синтаксемы, выраженный существительным с предлогом *to*, в позиции приложения – позиционный вариант, выраженный именем собственным без предлога. Таким образом, если в аспекте структурного синтаксиса исследуемые явления в том и другом случае предстают как две разные структурные синтаксические единицы – подлежащее и приложение или зависимый компонент и приложение, то в аспекте функционального синтаксиса они представляют собой в каждом случае одну и ту же функциональную синтаксическую единицу – идентифицируемую или атрибуционную синтаксему в ее двух вариантах, *основном* и *позиционном* [ср. там же: 7–9].

Позиционные варианты могут иметь некоторые формальные показатели, специфические для них, – *by name, by the name of, named, called, etc.*, как в приведенном выше (9.1) примере *The confidential secretary paid the widowed aunt, Madame Saladin by name, a visit* (S. Maugham). В таких случаях возрастает роль имен собственных, составляющих лексическую базу позиционного варианта синтаксемы, который включает в себя и сочетание *by name*.

Исследуя выше интродуктивную синтаксическую связь, на основе которой выделяется вводный компонент предложения, мы отметили значительную группу модальных слов, используемых в позиции вводного компонента и обычно обособливаемых (*actually, apparently, assuredly, certainly, etc.*). В теоретической грамматике они относятся к морфологии и рассматриваются как особая часть речи, хотя и к ним не применимы критерии, устанавливаемые в морфологии по отношению к частям речи (ср.8.3). Передаваемая ими семантика модальности не поддается истолкованию в плане лексическом, поскольку их существенной особен-

ностью является то, что они выделяются в позиции вводного компонента предложения, т.е. изучаются на основе интродуктивной синтаксической связи. Это значит, что речь, очевидно, идет о синтаксической семантике модальности, которой обладают и упоминавшиеся выше фразеологические сочетания *of course*, *to be sure*, *no doubt* и др., также употребляемые в позиции вводного компонента.

Иначе говоря, здесь мы имеем дело с модальной синтаксемой, средствами выражения которой служат как слова (наречия), так и сочетания слов (существительное с предлогом, прилагательное с инфинитивом и др.). И как таковая она имеет систему вариантов, среди которых возможны и позиционные варианты. К их числу относится, например, наречие *possibly* в приведенном выше (9.1) предложении *Sheila, however, had visited the house quite often, possibly owing to the enthusiasm of Mrs. Eden ...* (C. P. Snow), где это наречие выделяется не в позиции вводного компонента, а в позиции зависимого компонента в составе обособленной зависимой синтагмы и где оно не обособливается. Однако для модальной синтаксемы более характерны варианты иного рода – факультативные (взаимозаменяемые), а также коннотативные, или оттеночные [ср. Мухин 1999: 9,13].

Касаясь вопроса о модальных словах в упоминавшемся курсе теоретической грамматики, Б. А. Ильиш указывает на то, что по значению они классифицируются различным образом по группам: выделяются модальные слова, выражающие уверенность, например *certainly*, *surely*, *undoubtedly*, или сомнение, такие как *perhaps*, *maybe*, *possibly*, *etc*, причем количество типов у разных авторов сильно различается. «Нам нет необходимости здесь, – заключает он, – вникать в этот вопрос, так как это скорее лексикологическая, чем грамматическая проблема. С грамматической точки зрения достаточно констатировать, что все модальные слова передают некоторого рода отношение говорящего к реальности действия, выраженного в предложении» [Ильиш 1971: 164].

9.4. Такое решение вопроса, нужно признать, в теоретической грамматике является естественным, так как иного решения и нельзя было ожидать в условиях, когда синтаксическая семантика в предложениях недостаточно изучалась и не были известны возможности выделения на ее основе функциональных синтаксических единиц и систем их в ариантов, выраженных различными средствами, словами и неделимыми сочетаниями слов. Между тем, указанное выше соотношение наречий и неделимых фразеологических сочетаний при выражении одной и той же синтаксемы наблюдается не только в случае модальной синтаксемы.

Как представляется, в позиции вводного компонента одно и то же значение присоединения или добавления передают, с одной стороны, обособливаемые наречия, именуемые союзными наречиями, *besides*, *however*, *moreover*, *nevertheless*, *therefore*, а

также *firstly, secondly, lastly, finally*, с другой – многие фразеологические сочетания, которые также обособляются, например *after all, at any rate, at all events, by the bye, by the way, first of all, in short, on the contrary, to begin with, etc.*, ср.: *Besides*, they still owed him for one of the figures... (I. Stone). *However*, he occupied the front and best room... (Ibid.). *After all*, he barely knew the girl (C. P. Snow). *At all events*, you can be forced to support your wife and children (S. Maugham). В сущности, так же обстоит дело с союзными наречиями и сочетаниями фразеологического характера со значением пояснения, такими как *admittedly, frankly, personally, presumably, in plainer words, for example, for instance*, которые также часто обособляются в позиции вводного компонента, ср.: «*Admittedly* he can draw, but his colorings?» (I. Stone). *Frankly*, I'm more worried about the road than the marble (Ibid). *Presumably*, they could get an answer (C.P. Snow) [ср: Мухин 2004б: 107–108].

Все это говорит о том, что кроме модальной синтаксемы в позиции вводного компонента, возможно, подлежат выделению и некоторые другие синтаксемы, выраженные союзными наречиями и сочетаниями слов, одну из которых можно назвать присоединительной (аддитивной) синтаксемой. Она представлена многочисленными коннотативными вариантами, передающими различные смысловые оттенки. О последних можно судить по тому, что отмечает Л. Л. Иофик в курсе теоретической грамматики, подготовленной ею совместно с В. Н. Жигadlo и И. П. Ивановой: «Слова и сочетания с присоединительным значением в функции вводного члена указывают на связь данной мысли с предыдущей (реже с последующей) или на переход от одной мысли к другой. Среди них выделяются слова и словосочетания, указывающие на последовательность в развитии мысли, на то, что предложение, в котором они стоят, носит характер дополнительного сообщения, развивающего ранее высказанную мысль; слова и словосочетания с противительным значением; слова и словосочетания с пояснительным значением. Такие слова и сочетания, как *first, firstly, secondly, lastly, finally, after all, moreover, besides, then, again, now, by the by, by the way, first of all, to begin with*, вносят в предложение оттенок перечисления, передают последовательность мыслей и тем самым связывают данную мысль с предыдущей или последующей... Общее значение противления реализуется различным образом в связи с лексическим значением данных слов и сочетаний; так, например, *on the contrary* имеет оттенок усиления, *nevertheless, still, yet* – уступительный, *otherwise* – следственный... Поясняющее, иногда конкретизирующее значение имеют словосочетания *in other words, in plainer words, for example, for instance*, связывающие подобно другим членам этой группы, данное предложение с одним из предшествующих... Ввод-

ные члены, у т о ч н я ю щ и е высказывание, охватывают довольно широкий круг отношений; они выражают оттенки обобщения, ограничения...» [Жигадло, Иванова, Иофик 1956: 300].

Далее, к проблеме синтаксической семантики и вариантности имеют отношение и с о ю з ы , которые, как отмечалось выше (8.3), в теоретической грамматике также подводятся под особую часть речи и рассматриваются в морфологии. Существенно при этом, однако, то, что отмечает Б. А. Ильиш: «Деление союзов на ко-ординативные и субординативные такое, с которым едва ли можно иметь дело за пределами синтаксиса: ко-ординативные союзы предполагают ко-ординацию предложений (clauses), субординативные же – субординацию предложений... Здесь достаточно будет сказать что в самом союзе нет ничего, что показывало бы, что он является ко-ординативным или субординативным...» [Ильиш 1971: 157].

В отличие от модальных слов, относимых в теоретической грамматике вместе с союзами, а также междометиями к частям речи (8.3), союзы не предполагают наличия какой-либо особой синтаксической связи в структуре предложения (clause), поэтому они не находят себе соответствующего места среди выделенных выше (8.1) компонентов предложения (clause components). Однако несомненным является то, что они обладают с и н т а к с и ч е с к о й с е м а н т и к о й и служат средствами выражения синтаксем, которые, в отличие от всех других синтаксем, используемых в позициях определенных компонентов предложения, можно назвать к о н ь ю н к т и в н ы м и с и н т а к с е м а м и (conjunctive syntaxemes), причем они также имеют систему вариантов (среди которых, впрочем, нет позиционных вариантов). Они вводят придаточные предложения, передавая при этом т е м п о р а л ь н у ю или л о к а т и в н у ю , или к а у з а л ь н у ю , или и н у ю с и н т а к с и ч е с к у ю с е м а н т и к у , и, соответственно, могут быть названы, например, т е м п о р а л ь н о й к о н ь ю н к т и в н о й или л о к а т и в н о й к о н ь ю н к т и в н о й , или к а у з а л ь н о й к о н ь ю н к т и в н о й с и н т а к с е м о й . Вариантами первой из этих синтаксем являются довольно многочисленные союзы, которые, как отмечается в указанном курсе теоретической грамматики В. Н. Жигадло, И. П. Ивановой, Л. Л. Иофик, выражают «разнообразные оттенки в р е м е н н ы х о т н о ш е н и й м е ж д у г л а в н ы м и п р и д а т о ч н ы м п р е д л о ж е н и я м и »: when, as, while, as soon as, as long as, the moment, etc.; when, before, after, since, by the time, as soon as, the moment, the instant, once, directly, etc. [Жигадло, Иванова, Иофик 1956: 331–333]. Основным вариантом второй синтаксем служит where, вариантами же каузальной конъюнктивной синтаксем являются союзы because, as, since, seeing (that), которые «синонимичны, но для каждого из них характерен специфический оттенок значения» [там же: 333–334].

Однако, рассматривая союзы в аспекте синтаксической семантики и вариантности синтаксем, нужно сказать, что выраженные ими темпоральная конъюнктивная и другие конъюнктивные синтаксемы представляют собой особого рода синтаксемы, которые находятся в не системных отношениях, характерных для синтаксем. Мы имеем в виду прежде всего тот факт, что синтаксемы, устанавливаемые в той или иной синтаксической позиции, по своему ведущему синсемантическому (синтаксико-семантическому) признаку соотносительны с другими синтаксемами, вместе с которыми они составляют оппозитивный ряд [Мухин 1999: 5]. Так обстоит дело, например, с той или иной темпоральной, локативной или каузальной синтаксемой в соответствующем (темпоральном, локативном или каузальном) оппозитивном ряду, где они выражены в основном существительными с предлогом или без предлога [см. там же: 108–122, 127–128].

Кроме того, члены такого оппозитивного ряда находятся в системных отношениях с членами других оппозитивных рядов, выраженных другими средствами, например, глаголами в рядах процессуальных синтаксем [ср. темпоральные и каузальные синтаксемы: там же: 135–136, 136–137]. Ничего подобного нельзя отметить у синтаксем, выраженных союзами. Их можно охарактеризовать как самодовлеющие величины, как синтаксемы, стоящие особняком.

Для сравнения можно сослаться на первые главы настоящей работы, где анализируются синтаксемы, образующие оппозитивные ряды. При их анализе мы не могли не отметить наличия системных отношений синтаксем, опираясь на метод эксперимента. При этом в поле зрения находился и лексический фактор, т.е. отмечались лексемы, составляющие лексическую наполняемость субстанциальных, процессуальных и квалификативных синтаксем, находящихся между собой в системных отношениях. При рассмотрении же синтаксем, выраженных союзами, лексический фактор фактически остается вне поля зрения, так как союзы определяют собой не лексическую наполняемость синтаксем, а их вариантность. И – нужно добавить – при обозначении вариантов синтаксем, выраженных союзами, отсутствует необходимость в построении знаковых моделей [ср. использование знаков S, A, Nm при построении знаковых моделей различных синтаксем: Мухин 1995: 233–237].

В сущности, то же самое можно сказать об упомянутых выше синтаксемах, выраженных модальными словами и сочетаниями (9.3), а также союзными наречиями и сочетаниями. В этом свете нужно, очевидно, рассматривать и междометия, которые служат средствами выражения эмотивной синтаксемы, причем они образуют систему ее вариантов в позиции ядерного компонента в одноядерных предложениях, нераспространенных и распространенных, соответственно именуемых эмотивными предложениями [Мухин

20046: 130–133]. Например, коннотативными (оттеночными) вариантами этой синтаксемы являются междометия *ugh*, *fie*, *wow*, передающие оттенки презрения, неодобрения, упрёка, возбуждения и др. (We took Giuseppe and Maria to the church and had them married. *Ugh!* That wedding!; Moan; *wow*, there's so many things to do, so many things to write!; – Were you really scared? – *Fie*, Nicolas!). Ср. также наречия *why*, *there*: “*Why*, it's you miss Essex. What a pleasant surprise!” (J. Priestley). “Religious mana was thrust upon me,” Paul said. “I did not seek it.” And he thought: *There!* Let this manfish think himself victorious in our battle of words! (F. Herbert) [Мухин 1980: 135,157].

Междометия как средства выражения эмотивной синтаксемы не способны образовать какой-либо оппозитивный ряд, члены которого находились бы в системных отношениях между собой или с синтаксемами других оппозитивных рядов. Иное положение вещей наблюдается у синтаксем в позиции ядерного компонента, выраженных обычно существительными, которые передают синтаксическую семантику экзистенциальности, или бытийности. Они образуют оппозитивный ряд *э к з и с т е н ц и а л ь н ы х* (*б ы т и й н ы х*) синтаксем, которые находятся между собой в системных отношениях, имея при этом различные системы в а р и а н т о в , а также различную сочетаемость, и дифференцируются с помощью *э к с п е р и м е н т о в* [Мухин 1999: 167–168].

Из числа других синтаксем, употребляемых в позиции ядерного компонента, в связи с изучением их системных отношений особого внимания заслуживают *п о б у д и т е л ь н ы е* *с и н т а к с е м ы*, процессуальные, квалификативные, субстанциальные, выраженные, соответственно, глаголами, прилагательными или существительными, которые соотносятся с синтаксемами в позиции сказуемого (ср. побудительную акциональную, побудительную акциональную континуативную, побудительную акциональную итеративную и другие побудительные синтаксемы) [там же: 169–171]. Наличие побудительной сеиантики определяет своеобразие систем их вариантов и особенности их синтаксического окружения. См. также о побудительных, или хортативных, синтаксемах в предпоследней книге автора [Мухин 2002а: 84–89, 157–160].

Функциональная лексикология

9.5. Начиная данную главу, мы указали на то, что лингвистический анализ, в отличие от теоретической грамматики, предполагает нисходящую последовательность рассмотрения языковых явлений, что связано с исследованием *в з а и м о д е й с т в и я* *е д и н и ц* *р а з н ы х* *у р о в н е й* *о р г а н и з а ц и и* *я з ы к а* – *с и н т а к с е м*, *л е к с е м*, *м о р ф е м*. Как явствует из изложенного в предыдущем разделе, при изучении *с и с т е м н ы х* *о т н о ш е н и й* *с и н т а к с е м*, в принципе, нельзя обойтись

без выделения лексических единиц – существительных, глаголов, прилагательных и др., на базе которых реализуются эти синтаксические единицы. На это обстоятельство мы обращали внимание в каждой из первых пяти глав и выделяли там существительные, которые составляют лексическую наполняемость синтаксем агентивного, объектного и других оппозитивных рядов.

Это позволило нам обобщить выделенные в каждой главе группы существительных и наметить множества субстантивных лексем, служащих лексической базой синтаксем, обнаруживаемых в том или ином оппозитивном ряду. Такими множествами являются а к ц и о н а л ь н ы е , с т а т и в н ы е и к в а л и т а т и в н ы е с у щ е с т в и т е л ь н ы е . Первые составляют лексическую базу агентивной акциональной, объектной акциональной, косвенно-объективной акциональной и других акциональных синтаксем – членов разных оппозитивных рядов; вторые – лексическую базу агентивной стативной, объектной стативной, косвенно-объектной стативной и других стативных синтаксем – членов тех же оппозитивных рядов; третьи – лексическую базу агентивной квалитативной, объектной квалитативной, косвенно-объектной квалитативной и других квалитативных синтаксем.

Кроме того, опираясь на показания экспериментов (трансформаций синтагм в предложения с родственной синтаксемой в позиции сказуемого, выраженной глаголами или прилагательными), мы наметили и множество а к ц и о н а л ь н ы х г л а г о л о в , составляющих лексическую базу акциональной синтаксемы в позиции сказуемого, и множество с т а т и в н ы х г л а г о л о в , являющихся средствами выражения стативной синтаксемы в позиции сказуемого. Аналогично этому было намечено множество с т а т и в н ы х п р и л а г а т е л ь н ы х , а также множество к в а л и т а т и в н ы х п р и л а г а т е л ь н ы х , которые образуют лексическую базу, соответственно, стативной и квалитативной синтаксем в позиции сказуемого (ср. 6.5).

В этой связи нужно коснуться здесь известной статьи Дж.Миллера «Стативные глаголы в русском языке», которую мы упоминали ранее, рассматривая синтаксемный анализ в аспекте разграничения единиц лексического и синтаксического уровней языка [Мухин 1980: 129–130]. Исходя из основных критериев, выдвинутых Дж. Лакоффом применительно к стативным глаголам в предложениях английского языка, Дж. Миллер отмечает, что стативные глаголы не употребляются 1) в повелительном наклонении (*Know the answer – *Знай ответ); 2) в прогрессивной форме (*I'm knowing that Bill went there); 3) с некоторыми видами «наречий способа» (manner adverbs), например cleverly, with great enthusiasm, masterfully, industriously, carefully (*He carefully knew the solution – *Он острожно знал решение) [Miller 1970: 490].

Однако как формы повелительного наклонения, так и прогрессивная форма глагола сами по себе не являются синтаксическими единицами. Следовательно, они не могут рассматриваться по отношению к стативным и другим глаголам как лексическим единицам. Такими синтаксическими единицами служат синтаксемы, представленные в языке системами вариантов и находящиеся между собой в системных отношениях, в частности как члены оппозитивного стативного ряда, которые в отличие от стативных глаголов, могут быть выражены синтаксически неделимыми сочетаниями со служебными элементами [ср. синтаксемы оппозитивного стативного ряда: Мухин 1999: 50–52]; ср. также синтаксемы побудительного, или хортативного, акционального ряда: Мухин 2002а: 85–87, 157–159].

Намечая указанные выше множества акциональных, стативных и других лексем, мы и поставили вопрос о необходимости выделения на системной основе особой области лингвистического анализа – **функциональной лексикологии**, тесно связанной с функциональным синтаксисом и существенно отличающейся от **структурной лексикологии** (6.6). К функциональной лексикологии мы отнесли и обширную область исследований, связанных с изучением переходных (однопереходных и двухпереходных) глаголов, в частности в аспекте сопоставительного анализа (там же).

Выделяя функциональные ряды переходных глаголов на основе управления как лексической связи и опираясь при этом на метод моделирования – построения знаковых моделей лексических конструкций (глагольных фраз), мы получаем возможность определить лексическую базу соответствующих синтаксем в позиции сказуемого, подобно тому, как изучение упомянутых выше акциональных и стативных глаголов открывает возможность определения лексической базы соответствующих акциональных или стативных синтаксем в позиции сказуемого. Таким образом, в том и другом случае можно говорить о системном взаимодействии синтаксем и лексем.

Такое системное взаимодействие синтаксем и лексем было отмечено выше отчасти во второй главе (также в третьей и четвёртой главах) при выделении объектной акциональной синтаксемы, варианты и субварианты которой с предлогами в зависимой позиции употребляются не при каких-то отдельных глаголах, а при однопереходных глаголах, образующих функциональные ряды (например, с предлогом *at* при глаголах со значением взгляда на кого-л., что-л. или при глаголах со значением ‘кричать,’ ‘орать,’ ‘ворчать’ на кого-л., что-л. и с управлением посредством предлога *at*; с предлогом *to* при глаголах согласия или несогласия на что-л. и с соответствующим управлением; с предлогом *for* при глаголах со значением ожидания или надежды и с соответствующим управлением;

с предлогом *on/upon/over* при глаголах со значением размышления о чём-либо (2.1). Несколько ранее, в книге «Морфологические категории и функциональный синтаксис», нечто подобное мы отметили в сопоставительном аспекте при выделении п а с с и в н ы х а к ц и о н а л ь н ы х с и н т а к с е м в английском и русском языках, исключив при этом возможность опоры на падежную форму в русском языке при определении переходных глаголов в их противопоставленности непереходным глаголам [Мухин 2002а: 110–113, 115–117].

С изучением функциональных рядов переходных глаголов связано и исследование обычно соотносительных с ними п е р е х о д н ы х с у щ е с т в и т е л ь н ы х , а также п р и л а г а т е л ь н ы х , при которых в предложениях также употребляются объектные синтаксемы, ср.: He resumed his *scrutiny of the chess-board* (S.Maugham). But *the desire for approbation* is perhaps the most deeply seated instinct of civilized man (Ibid). She had been perhaps a little *afraid of him* (Ibid), etc. [Мухин 1999: 97–99]. Указанные переходные существительные имеют предложное управление, причём первое существительное управляет посредством предлога *of* ($S_{tr} + of + C$), второе имеет вариативное предложное управление ($S_{tr} + for/of + C$, где *C* – дополнение, от лат. *complementum*). Соотносительным же с ним переходным глаголам *scrutinize* и *desire* свойственно беспредложное управление ($V_{tr} + C$).

Для функциональной лексикологии подобная соотносительность переходных глаголов и существительных представляет особый интерес при изучении функциональных рядов переходных глаголов (особенно рядов многочисленных глаголов с беспредложным управлением), так как наличие у соответствующих существительных различного управления свидетельствует о принадлежности соотносительных с ними глаголов к разным функциональным рядам. Так, из указанных двух переходных глаголов с беспредложным управлением один относится к функциональному ряду глаголов, означающих нужду или потребность в чём-либо (*demand, desire, need, require, want, lack*), другой – к ряду глаголов со значением тщательного изучения предмета (*analyze, assay, examine, explore, inspect, investigate, scrutinize, study, survey, test*) [Мухин 1987: 100, 103].

Возникает возможность в таких случаях прибегнуть к методу э к с п е р и м е н т а , сводящемуся к трансформации субстантивизации, т.е. к трансформации глагольной фразы в субстантивную, которая указывает на принадлежность переходных глаголов к разным функциональным рядам, ср.: *to desire sth* → *desire for/of sth* , *to scrutinize sth* → *scrutiny of sth*; ср. в знаковых моделях: $V_{tr} + C$ → $S_{tr} + for/of + C$; $V_{tr} + C$ → $S_{tr} + of + C$. Аналогичные результаты эксперименты дают и в следующих двух случаях (также при трансформациях глагольных фраз с переходными глаголами, имеющими беспредложное управление, в субстантивные фразы): *to adore a woman* → *adoration for a woman*, *to impress sb* → *an impres-*

tion on sb ($V_{tr} + C \rightarrow S_{tr} + for + C$; $V_{tr} + C \rightarrow S_{tr} + on + C$). Первый из этих двух переходных глаголов с беспредложным управлением относится к функциональному ряду лексем, выражающих чувство, эмоциональное отношение к кому-л., чему-л. (*abhor, abominate, admire, adore, appreciate, detest, dislike, etc.*) [там же: 98–99], второй – к функциональному ряду глаголов со значением психического воздействия на кого-л., что-л. (*impress, influence, sway*) [там же: 104–105].

Показательным для только что упомянутого функционального ряда переходных глаголов, выражающих чувство, эмоциональное отношение к кому-л., чему-л., является и то, что многие из соотносительных с ними переходных существительных употребляются в составе у с т о й - ч и в ы х г л а г о л ь н ы х ф р а з : to show a *dislike* (for sb), to have a *distaste* (for sth), to have a *fancy* (for sb), to take a *fancy* (for sb), to have a *love* (for sth), to have a *pity* (on sb), to have a *respect* (for sb), etc. [там же: 100]. Подобные устойчивые глагольные фразы часто именуется «групповыми глаголами» [см. подробнее: Мухин 1976: 207 и сл.; 1980: 119–120].

К функциональной лексикологии относится также изучение упоминавшихся выше непереходных глаголов, соотносительных с переходными глаголами, а именно в о з в р а т н ы х (или рефлексивных), в з а и м н ы х и м е д а л ь н ы х глаголов, а также глагольных образований типа to ring up, to put on, которые в лингвистической литературе получают различные наименования (6.7).

Функциональная морфология

9.6. Придерживаясь и далее в этой главе нисходящей последовательности анализа языковых явлений, мы переходим теперь в область функциональной морфологии, к которой относятся выделенные в настоящей работе ф у н к ц и о н а л ь н ы е р я д ы м о р ф е м со значением действия, состояния или качества. К изучению этих рядов деривационных морфем мы фактически приступили уже во введении наряду с соответствующими с у б с т а н т и в н ы м и л е к с е м а м и (оформленными ими), рассматривая те и другие в их тесном взаимодействии с синтаксемами агентивного ряда (0.3–0.4). В первой и последующих главах эти ряды были пополнены за счет многозначных морфем с опорой на метод эксперимента.

Морфемы указанных функциональных рядов системно связаны с субстантивными лексемами, образующими лексическую базу синтаксем агентивного, объектного, коственно-объектного и других оппозитивных рядов. Так, морфемы со значением действия находятся в с и с т е м - н ы х о т н о ш е н и я х с упомянутыми выше а к ц и о н а л ь н ы м и с у щ е с т в и т е л ь н ы м и (6.5), которые определяют собой

лексическую наполняемость агентивной акциональной, объектной акциональной, косвенно-объектной акциональной и других акциональных синтаксем в различных оппозитивных рядах. Морфемы со значением состояния системно связаны с оформленными ими стативными и стивными, которые образуют лексическую базу агентивной стивной, объектной стивной и других стивных синтаксем; морфемы же со значением качества соотносительны с квалитативными и квалитативными, которые оформлены ими (там же).

Однако как средства выражения синтаксем указанных оппозитивных рядов акциональные, стивные и квалитативные существительные включают в себя и лексемы, лишенные суффиксальных морфем, на что мы обращали внимание в каждой из глав первой части. Таким образом возникает некоторое соотношение между субстантивными лексемами, с одной стороны, и, с другой – частью речи, каковой в рассматриваемых случаях является существительное (имя существительное, в интернациональной терминологии субстантив). Роль данной части речи здесь проявляется в том, что лексемы определяются по их соотносительности с существительным как частью речи (и поэтому именуется субстантивными лексемами, или, короче, существительными).

Следовательно, часть речи предполагает возможность наличия соответствующих лексем. Однако эта возможность не всегда реализуется в языке. Так, в структурном синтаксисе при определении подлежащего, сказуемого, зависимого и других компонентов предложения требуется знание только существительного как части речи (S) в его противопоставленности другим частям речи – глаголу (V), прилагательному (A) и наречию (Adv), а также числительному (Nm) и местоимению (Prn), которые в компонентных моделях предложений имеют свои знаки (ср.: Мухин 1968: 155 и сл.). В таких случаях не возникает необходимости выделения лексем, которые определялись бы по их соотносительности с той или иной частью речи.

Совсем иначе обстоит дело при изучении синтаксической семантики, т.е. при определении синтаксем в функциональном синтаксисе, когда требуется знание не только существительного как части речи, но и относящихся к данной части речи субстантивных лексем, например акциональных, стивных и других, составляющих лексическую базу синтаксем. Поэтому во введении (0.5), говоря о знаковых моделях вариантов или субвариантов синтаксем мы заметили, что знак S указывает на существительные, или субстантивные лексемы. Это связано с необходимостью изучения лексической наполняемости синтаксем, исследуемых в настоящей работе.

Сказанное имеет прямое отношение к приведенному выше анализу модальных слов, союзов, союзных наречий (9.4), которые в теоретической грамматике рассматриваются как части речи (8.3). Если бы мы предположили, что они действительно являются частями речи, которые передают синтаксическую семантику, то мы не нашли бы соотносительных с ними лексем. Рассматривая же их как в а р и а н т ы той или иной синтаксемы, мы можем констатировать наличие среди этих вариантов не только слов, но и с о ч е т а н и й с л о в , или ф р а з , являющихся функциональными эквивалентами модальных слов, союзов или союзных наречий (см. там же). Как справедливо подчёркивал Б.А. Ильиш, такие фразы нельзя трактовать как части речи [Ильиш 1971: 179].

В связи с различием частей речи и связанных с ними лексем нужно признать как ошибочную выдвигавшуюся нами ранее негативную трактовку установившихся значений частей речи. Основным поводом для такой негативной трактовки значений частей речи послужило изучение синтаксической семантики форм родительного падежа существительных, например, в следующих парах конструкций – синтагм, вычленяемых из предложений: 1) *their woman's hands* ‘их женские руки’ – 2) *this woman's hands* ‘руки этой женщины’; 1) *her men's shoes* ‘ее мужские ботинки’ – 2) *these men's shoes* ‘ботинки этих мужчин’; ср. предложения, из которых вычленяются первые конструкции: *He knew they were reaching their woman's hands to him* (J. London). *Her men's shoes, too large for her, made the puddles splash* (S. Neym) [Мухин 1980: 8–9].

Мы отмечали там же, что в приведённых первых конструкциях (1) формы родительного падежа существительных (*woman's, men's*) не могут иметь при себе местоименного элемента, тогда как во вторых конструкциях (2) сочетаемость с местоименным элементом свойственна именно форме родительного падежа существительного. Данная дистрибутивная особенность сигнализирует о различии синтаксической семантики, передаваемой формой родительного падежа: в одних случаях последняя представляет к в а л и ф и к а т и в н у ю посессивную синтаксему, в других – с у б с т а н ц и а л ь н у ю посессивную синтаксему. Следовательно, речь идёт о двух различных синтаксемах, одна из которых относится к “категории” кваликативных, или, точнее, к функциональному классу к в а л и ф и к а т и в н ы х с и н т а к с е м , другая – к “категории” субстанциальных, или, точнее, к функциональному классу с у б с т а н ц и а л ь н ы х с и н т а к с е м . (См. подробнее об указанных функциональных классах синтаксем: Мухин 1995: 25–29).

Однако далее в цитируемой книге 1980 г. ставится вопрос о существительном как части речи с учётом приведённых синтаксических конструкций с существительными в форме родительного падежа: если существительное может обозначать в предложении и не-предмет, сохраняя

при этом все морфологические особенности существительного, то, очевидно, нельзя говорить о предметности как значении данной части речи; при этом справедливо указывалось на то, что части речи не являются синтаксическими единицами (единицами, определяемыми на основе синтаксических связей в предложении), и, следовательно, они не могут быть носителями синтаксической семантики – предметности или субстанциальности, и др. [Мухин 1980:161]. Здесь возникают неясности и противоречия, которые являются следствиями неразработанности проблемы уровней языка, в частности в нашей предыдущей книге 1976 года, где эта проблема была поставлена (см. ниже – 9.8).

Как явствует из сказанного выше (6.1), части речи являются такими морфологическими единицами, которые служат базой для выделения и изучения их различных компонентов, или составных частей, как в функциональной морфологии, так и в структурной морфологии (включая изучение флективных морфем – 7.2). Поэтому Л. В. Щерба при определении частей речи в русском языке имел все основания говорить о предметности, или субстанциальности, существительного как части речи, формальными признаками которой являются изменяемость по падежам и ряд словообразовательных суффиксов, как-то: **-тель, -льщик, -ник, -от(-а), -изн(-а), -ость, -(о)к, -(е)к** и т.д. [Щерба 1957: 68].

Определяя таким образом существительное как часть речи, противостоящую глаголу и другим частям речи как в русском, так и в английском языке, нельзя понять формы родительного падежа английских существительных в приведенных выше конструкциях-синтагмах, в одних из которых они выражают **к в а л и ф и к а т и в н у ю** посессивную синтаксему и поэтому переводятся нами на русский язык **п р и л а г а т е л ь н ы м и** (*женские* руки, *мужские* ботинки), а в других представляют **с у б с т а н ц и а л ь н у ю** посессивную синтаксему и, соответственно, переводятся **с у щ е с т в и т е л ь н ы м и** в родительном падеже (руки этой *женщины*, ботинки этих *мужчин*). Подобный перевод был бы невозможен, если бы мы исходили из признания только существительного как части речи, имеющей предметное, или субстанциальное, значение.

Выше уже отмечалось, что часть речи предполагает возможность наличия в языке соответствующих лексем, которые определяют собой лексическую наполняемость синтаксем. И вот, если **ч а с т я м р е ч и** не свойственно иметь разные значения, то характерной особенностью **л е к с е м** как раз является их способность приобретать разные значения в условиях контекста, в котором они выступают. Это мы и наблюдаем в рассматриваемых здесь случаях, причем разница в значениях английских существительных в форме родительного падежа проявляется в их **д и с т р и б у т и в н ы х о с о б е н н о с т я х – с о ч е т а е м о с т и**

(или отсутствии сочетаемости) с местоименными элементами и прилагательными, а также в их местоположении.

Подобные явления мы наблюдаем и в других случаях при изучении, с одной стороны, квалификативных, с другой – субстанциальных посессивных синтаксисом, из которых первые могут быть выражены существительными не только в форме родительного падежа, но и в исходной, беспадежной, форме, а вторые – существительными с предлогом of [ср.: Мухин 1995: 19, 27–30, 39 и сл.; 1999: 151–153; 2002а: 26–27, 29–34; ср. также в пятой главе настоящей работы в связи с известными примерами Л. В. Щербы и их переводом на французский язык – 5.9]. Существует, однако, необходимость и в дальнейшем изучении взаимодействия существительного как части речи и лексем.

Фонология и проблема уровней языка

9.7. Проблематика фонологического анализа довольно подробно рассмотрена нами в третьем разделе книги 1976 г. в связи с проблемой уровней языка и в основной своей части могла бы быть воспроизведена в данной главе.

Это касается прежде всего понятия фонемы как элементарной фонологической единицы и слога как фонологической единицы-конструкции, в рамках которой изучается сочетаемость фонем; в книге подчеркивается роль знаковых фонемных моделей слогов, однако отмечается, что более высокой конструктивной фонологической единицей является слово, обладающее смысловым содержанием; при этом указывается на то, что вокруг понятия слова накопилось много противоречивых суждений и неясностей [Мухин 1976: 54–56]. Эти и связанные с ними другие вопросы фонологического анализа затрагиваются здесь и далее с учетом работ Н. С. Трубецкого, Е. Фишер-Йоргенсен, Е. Д. Панфилова, Г. П. Торсуева, Б. Мальмберга, Е. Куриловича, С. Д. Кацнельсона, В. М. Жирмунского, И. М. Тронского, Д. Н. Шмелева, Б. Трнка и др.

Для понимания слова как конструктивной фонологической единицы существенное значение имеет определение его как единицы речи П. С. Кузнецовым, которое должно служить основанием для проведения границы между словами в речевом потоке, т.е. для отграничения каждого слова от предшествующего и последующего. Отмечая далее, что предлагаемое им определение относится лишь к устной, или звучащей, речи и что слово как значимая единица речи должно быть определено без обращения к другим значимым единицам, П. С. Кузнецов, формулирует понятие отдельного самостоятельного слова, внутрь которого не может быть вставлена какая-либо другая звуковая последовательность.

Здесь нельзя не обратить внимания на открывающиеся возможности экспериментальной проверки целостности отдельного самостоятельного слова [там же: 57].

Касаясь вопроса о том, какие из фонологических единиц – слов и фонем являются и с х о д н ы м и для определения других, в книге отмечается, что, лишь отправляясь от слова, мы приходим к выделению в нем фонем.

Однако, касаясь другого вопроса – следует ли учитывать производные единицы при определении исходных единиц, можно утверждать, что, поскольку фонемы устанавливаются и изучаются в рамках слова, наличие их в слове вовсе не безразлично для определения природы последнего. Оба этих вопроса нашли отражение в следующем высказывании Н.С. Трубецкого: “Не будем представлять себе фонемы теми кирпичиками, из которых складываются отдельные слова. Дело обстоит как раз наоборот: любое слово представляет собой целостность, с т р у к т у р у ; оно и воспринимается слушателями как структура, подобно тому, как мы узнаем, например, на улице знакомых по их общему облику. Опознавание структур предполагает, однако, их различие, а это возможно лишь в том случае, если отдельные структуры отличаются друг от друга известными признаками. Фонемы как раз и являются р а з л и ч и т е л ь н ы м и п р и з н а к а м и словесных структур. Каждое слово должно содержать столько фонем и в такой последовательности, чтобы можно было отличить его от других слов” [там же: 59].

В указанной книге все это служит основанием для формулирования понятия ф о н о л о г и ч е с к о г о с о д е р ж а н и я с л о в а , которое в конечном счете сводится к фонемам, связанным между собой в рамках слога или слогов в целом. Такому пониманию фонологического содержания слова соответствуют определенные ф о р м а л ь н ы е ф о н о л о г и ч е с к и е о с о б е н н о с т и с л о в а , а именно его просодические признаки [там же].

Фонологическое содержание слова следует противопоставить его смысловому содержанию: последнее не является объектом фонологического анализа, тогда как первое является именно таковым, причем – и это важно подчеркнуть – оно изучается с помощью методов л и н г в и с т и ч е с к о г о а н а л и з а – моделирования и эксперимента. Так, можно прибегнуть к построению знаковых ф о н е м н ы х м о д е л е й с л о в , отражая в них возможные для данного языка последовательности гласных и согласных фонем в пределах тех или иных слогов в составе слова. Модели этого рода в книге именуются с о д е р ж а т е л ь н ы м и м о д е л я м и с л о в , в отличие от знаковых ф о р м а л ь н ы х м о д е л е й , в которых получают отражение формальные особенности слов как конструктивных фонологических единиц. Использование в фонологическом анализе тех и других моделей дает возмож-

ность проводить количественные исследования слов, подводимых под ту или иную модель. При этом исследователь отвлекается от морфологического строения слов [там же: 59–61].

Фонологическое содержание слова, в отличие от его смыслового содержания, изучается и с помощью метода э к с п е р и м е н т а , который применительно к единицам разных уровней языка приобретает характер трансформаций. К этому методу при выделении фонем в составе слова фактически прибегают все фонологи, хотя он и облекается в иную терминологию. В своем учении о смысловразличении Н. С. Трубецкой вводит понятие фонологической (смысловразличительной) о п п о з и - ц и и и говорит о в з а и м о з а м е н и м ы х звуках. Однако эксперименты с заменой одного звука в слове другим при одном и том же звуковом окружении имеют свои ограничения и поэтому сами по себе недостаточны для выделения звуков-фонем. Фонемный состав языка только тогда может быть установлен, когда определены и д и ф ф е р е н ц и - а л ь н ы е (с у щ е с т в е н н ы е) признаки, которые составляют фонологическое содержание каждой фонемы. Как отмечал Н. С. Трубецкой, под фонологическим содержанием фонемы понимается совокупность всех фонологически существенных признаков фонемы, т.е. признаков, общих для всех вариантов данной фонемы и отличающих ее от других и прежде всего от близкородственных фонем в данном языке. Отсюда явствует, что основную роль в фонемном анализе играют дифференциальные признаки фонемы. Установление же последних в свою очередь предполагает изучение системы противопоставлений (оппозиций), членом которых является данная фонема [там же: 61–66].

Особая природа фонем проявляется не только в их фонологическом содержании, но и в их формальных особенностях – их с о ч е - т а е м о с т и , относительно которой Н. С. Трубецкой писал, что при описании любой фонологической системы необходимо со всей тщательностью перечислить все те правила, которые в каком-либо отношении ограничивают употребление отдельных фонем, и что сочетания фонем подчиняются в любом языке своим особым законам или правилам, которые имеют значение только для данного языка и которые необходимо устанавливать для каждого языка отдельно. Нельзя также не отметить, что благодаря наличию у них тех или иных дифференциальных признаков, в совокупности составляющих их фонологическое содержание, фонемы определяются как фонологические и н в а р и а н т ы , каждый из которых представлен в языке рядом в а р и а н т о в – факультативных, комбинаторных или позиционных. С наличием у фонемы особого содержания, совершенно отличного от содержания конструктивных фонологических единиц, связана и возможность истолкования фонемы как а б - с т р а к т н о й е д и н и ц ы . В этой связи Б. Трнка и другие чехословацкие лингвисты писали в «Вопросах языкознания» в 1957 г., что фоне-

ма является абстракцией, но абстракцией не менее необходимой, чем понятие «слова» в высказывании или «морфемы» в слове, и что только такая абстракция дает возможность свести большое количество моторно и акустически различных звуков к определенному числу фонем, а на письме пользоваться более или менее последовательно только небольшим инвентарем различительных знаков [там же: 66–68].

К сказанному нужно добавить, что изучение фонем как элементарных фонологических единиц вызвало необходимость разработки в фонологии понятия п о з и ц и и . Применительно ко многим языкам мира Н. С. Трубецкой устанавливал четыре типичные позиции, а именно позицию максимального различения гласных (под ударением между согласными), позицию максимального различения согласных (перед гласными заднего ряда), позицию минимального различения гласных (перед безударными гласными) и позицию минимального различения согласных (перед шумными и в исходе слова) [там же: 68].

9.8. В плодотворности разработанных в фонологии понятий и методов нам довелось убедиться в процессе исследования синтаксических единиц как древнеанглийского, так и современного английского языка. В частности, одним из первых понятий того направления лингвистического анализа, за которым в наших поздних работах закрепилось название ф у н к ц и о н а л ь н ы й с и н т а к с и с , было только что упомянутое понятие позиции или, точнее, с и н т а к с и ч е с к о й п о з и ц и и (в отличие от фонологической позиции), при этом отмечалось, что решающее значение для определения позиции синтаксического элемента в предложении имеет учет основных типов синтаксической связи в структуре предложения [Мухин 1964: 34]. Однако для более точного понимания синтаксической позиции и синтаксических связей понадобились дальнейшие исследования, которые в итоге привели к выделению в лингвистическом анализе наряду с функциональным синтаксисом и с т р у к т у р н о г о с и н т а к с и с а [Мухин 1999: 3; 2004б: 3 и сл.].

С изложения основных положений последнего мы и начали данную главу (9.1), определяя далее синтаксемы в позиции того или иного компонента предложения и опираясь при этом на методы м о д е л и р о в а н и я и э к с п е р и м е н т а (9.2). Так, речь шла (или могла идти) о синтаксемах в позициях сказуемого и подлежащего (двусторонне направленная ядерная предикативная связь), в позиции зависимого компонента или, иначе, в зависимой позиции (односторонне направленная субординативная связь, при существительном, глаголе и др.), в позициях предиктирующего и предиктируемого компонентов (двусторонне направленная неядерная предикативная связь) и т.д. Устанавливалась и в а р и а н т н о с т ь с и н т а к с е м в разных синтаксических позициях (9.3–9.4), причем получали обоснование в синтаксисе понятия

инварианта и вариантов [Мухин 1964: 248–278; 1995: 11–30, 39 и сл.; 1999: 7–14, 21 и сл.].

Общность основных теоретических понятий и методов как функционального синтаксиса, так и фонологии свидетельствует об их принадлежности к одной науке, именуемой лингвистическим анализом, в отличие от грамматики [Мухин 1976: 12 и сл.]. Однако в указанной работе фонология рассматривалась в связи с проблемой уровней языка, которая находилась в центре внимания лингвистов во второй половине минувшего столетия [там же: 34]. В то время отчетливо проявлялась общая неразработанность данной проблемы, и было совершенно неясно, какой иерархической градации – восходящей или нисходящей – следует придерживаться при анализе языковых единиц, от единиц низшего уровня к единицам высшего уровня или наоборот [там же: 37]. В этих условиях, естественно, нельзя было реализовать и справедливое требование о необходимости при разграничении явлений разных уровней языка учитывать их взаимодействие [там же: 40].

Конечно, ошибочным было наше решение перейти (хотя оно представлялось тогда естественным) вслед за рассмотрением элементарных и конструктивных единиц фонетического уровня языка к изучению элементарных и конструктивных единиц морфологического уровня. Это становится очевидным теперь, когда мы можем сопоставить фонологические единицы (9.7) с выделенными выше морфологическими единицами (7.1), среди которых также различаются элементарные и конструктивные единицы. Последние, впрочем, как и конструктивные единицы других уровней организации языка, точнее следовало бы называть конструкционными единицами (единицами – конструкциями).

Приняв такое ошибочное решение, мы вынуждены были констатировать, что выделение указанных двух типов морфологических единиц сопряжено с рядом теоретических (и обусловленных ими терминологических) трудностей [там же: 71] и фактически лишили себя возможности исследовать тогда взаимодействие языковых единиц разных уровней организации. Оставалось лишь, по-возможности, разобраться в целом ряде сложных вопросов, связанных с соотношением понятий залогов и элементарных синтаксических единиц, с выделением разного рода языковых конструкций – фраз, синтагм и предложений, с соотношением понятий второстепенных членов предложения и синтаксем, с изучением управления как лексической связи и групп, или, точнее, функциональных рядов переходных глаголов и иных переходных лексем [там же: 95–229].

Возникла необходимость рассмотреть и другие вопросы, которые далее разрабатывались в наших последующих работах, включая настоящую. И в данной работе мы вплотную подошли к решению проблемы

взаимодействия всех четырех уровней организации языка, отраженных в построенном выше «проблемном дереве» лингвистического анализа (7.1). При этом мы придерживались нисходящей последовательности анализа языковых единиц (9.1).

О взаимодействии синтаксического, лексического, морфологического и фонетического уровней организации языка

9.9. Возвращаясь к начальным главам настоящей работы, можно сказать, что п е р в ы м э т а п о м на пути решения проблемы взаимодействия указанных четырех уровней организации языка является выделение в функциональном синтаксисе того или иного оппозитивного ряда синтаксем, находящихся в системных отношениях как между собой, так и с другими синтаксемами, которые определяются с помощью методов моделирования и эксперимента.

Так, среди синтаксем в позициях подлежащего и зависимого компонента выделяется оппозитивный ряд агентивных синтаксем, который включает в себя агентивную а к ц и о н а л ь н у ю синтаксему в ее различных вариантах (1.1). По признаку акциональности эта синтаксема исследуется с помощью экспериментов, сводящимся к трансформациям вычлняемых из предложений подлежащих или зависимых синтагм в предложения с родственной а к ц и о н а л ь н о й синтаксемой в позиции сказуемого, где она обычно выражена личными формами глаголов. Последние, именуемые а к ц и о н а л ь н ы м и г л а г о л а м и , в отличие, например, от стативных глаголов, образуют группы лексем, используемых в качестве лексической базы акциональной синтаксемы в позиции сказуемого, тогда как соотносительные с ними а к ц и о н а л ь н ы е с у щ е с т в и т е л ь н ы е составляют группы существительных, используемых в качестве лексической базы исследуемой агентивной акциональной синтаксемы.

Анологично этому и агентивная с т а т и в н а я синтаксема, относящаяся к тому же оппозитивному ряду (1.3) и находящаяся в системных отношениях с родственной с т а т и в н о й синтаксемой в позиции сказуемого, исследуется с помощью экспериментов, сводящихся к трансформациям соответствующих синтагм в предложения со стативной синтаксемой в позиции сказуемого, где она выражена прилагательными служебными глаголами. Такие с т а т и в н ы е п р и л а г а т е л ь н ы е также образуют группы лексем, используемых в качестве лексической базы стативной синтаксемы в позиции сказуемого, подобно тому как соотносительные с ними с т а т и в н ы е с у щ е с т в и т е л ь н ы е составляют группы лексем, образующих лексическую базу агентивной стативной синтаксемы.

В сущности, аналогично обстоит дело с изучением и других синтаксем агентивного ряда, каковой является, в частности, агентивная к в а л и т а т и в н а я синтаксема в ее различных вариантах в позициях подлежащего и зависимого компонента (1.4). И в этом случае с помощью указанных экспериментов обнаруживаются группы соотносительных к в а л и т а т и в н ы х с у щ е с т в и т е л ь н ы х и к в а л и т а т и в н ы х п р и л а г а т е л ь н ы х , составляющих лексическую базу агентивной квалитативной синтаксемы в позициях подлежащего и зависимого компонента и, соответственно, квалитативной синтаксемы в позиции сказуемого.

В т о р ы м э т а п о м на пути решения проблемы взаимодействия четырех уровней организации языка является изучение г р у п п а к ц и о н а л ь н ы х или стативных л е к с е м , определяющих собой лексическую наполняемость указанных синтаксем агентивного или стативного ряда, в м е с т е с г р у п п а м и акциональных или стативных л е к с е м , выделяемых при изучении соответствующих синтаксем иных оппозитивных рядов. К таким синтаксемам относятся, например, о б ь е к т н а я а к ц и о н а л ь н а я или объектная с т а т и в н а я (2.1–2.2, 2.4), к о с в е н н о - о б ь е к т н а я а к ц и о н а л ь н а я или косвенно-объектная с т а т и в н а я (3.1, 3.3), а также э к з и с т е н ц и а л ь н а я с т а т и в н а я , классифицирующая а к ц и о н а л ь н а я или классифицирующая с т а т и в н а я и другие синтаксемы разных оппозитивных рядов (4.1). Аналогично этому исследуются и упомянутые выше г р у п п ы к в а л и т а т и в н ы х с у щ е с т в и т е л ь н ы х и к в а л и т а т и в н ы х п р и л а г а т е л ь н ы х .

На этом этапе изучения взаимодействия синтаксического, лексического и других уровней организации языка мы переходим из функционального синтаксиса в область **функциональной лексикологии** (6.5–6.7), изучая множества а к ц и о н а л ь н ы х , с т а т и в н ы х и к в а л и т а т и в н ы х л е к с е м , составляющих лексическую базу синтаксем. Как отмечалось выше (7.4), необходимость последовательного различения лексем и синтаксем, особенно одноименных акциональных и стативных, осложняет изучение единиц лексического уровня организации языка. Однако необходимость их различения диктуется спецификой системных отношений тех и других, а также спецификой средств их выражения: группы акциональных существительных системно связаны с другими группами акциональных же существительных или иных акциональных лексем, тогда как системные отношения синтаксем проявляются прежде всего в образуемых ими оппозитивных рядах, причем средствами выражения синтаксем служат различные элементы и сочетания – как лексем, так и эквивалентные им фраземы, а также синтаксически неделимые сочетания лексем со служебными элементами (см. там же).

В указанном процессе перехода от функционального синтаксиса к функциональной лексикологии отчетливо проявляется ведущая роль первого при определении самого предмета исследования второй. К выделению групп акциональных и других лексем мы приступаем лишь после предварительного изучения оппозитивных рядов синтаксем, которые устанавливаются с учетом их системных отношений с другими синтаксемами и с помощью метода эксперимента (ср. 1.1, 1.3 и т.д.). Совсем иначе обстояло бы дело, если бы мы попытались сначала определить группы акциональных, стативных и других лексем и затем уже приступали бы к выделению оппозитивных рядов синтаксем, лексическую базу которых составляют такие лексемы. Вряд ли тогда было бы возможно установить системные отношения как лексем (при наличии их многозначности), так и самих синтаксем и найти при этом опору в методе эксперимента.

Выделив группы акциональных, стативных и других лексем, соотносительных с определенными синтаксемами агентивного, объектного и других оппозитивных рядов, можно определить функциональные ряды суффиксальных морфем, которыми оформлены существительные в этих группах (последние, однако, могут включать в себя и лексемы, лишенные суффиксальных морфем). Изучение морфем различных функциональных рядов с учетом их многозначности относится уже к области **функциональной морфологии** и может рассматриваться как третий этап на пути к решению проблемы взаимодействия всех четырех уровней организации языка, хотя первоначально, как показывает наша статья в первом томе трудов Института лингвистических исследований (ч.1, СПб, 2003, отв. ред. Н. Н. Казанский), мы были склонны рассматривать выделение морфем различных функциональных рядов как предшествующее изучению самих лексем в их соотносительности с синтаксемами определенных оппозитивных рядов. Иначе говоря, сначала мы намечали рассмотреть функциональные ряды морфем в их взаимодействии с синтаксемами, как бы минуя изучение лексем в их соотносительности с синтаксемами определенных оппозитивных рядов.

Следующий, четвертый, этап на пути к решению данной проблемы приводит нас уже к **фонологии** (7.1, 9.7, 9.8), или, как ее еще именовал А. Мартине, к функциональной фонетике (7.1). Фонология в рассматриваемом аспекте совершенно недостаточно разработана и требует специальных, дополнительных исследований. Особое внимание привлекают здесь прежде всего просодические признаки, которые, как пишет Н. С. Трубецкой, «служат не только для дифференциации значения слов, но и для различения значения целых словосочетаний и фраз. Эту функцию выполняют мелодика (фразовая интонация), изменения регистра, фразовое ударение и паузы» [Трубецкой 1960: 246]. Однако далее, указывая на неблагоприятные обстоя-

тельства, затрудняющие изучение роли просодических противоположений в экспликативной фонологии предложений, он объясняет, почему «мы вынуждены ограничиться здесь лишь отдельными соображениями по этому вопросу» [там же: 247].

Нужно сказать, что основным препятствием для изучения просодических признаков служила крайне слабая разработанность с и н т а к - с и с а п р е д л о ж е н и я в грамматике. В своем курсе теоретической грамматики английского языка, который мы кратко проанализировали выше, Б. А. Ильиш характеризует область синтаксиса как наименее глубоко разработанную в грамматике (8.3). Неопределенности возникали прежде всего в отношении самого понятия предложения или «фразы» [см., например, в связи с концепциями А. А. Потемни и А. М. Пешковско-го: Мухин 1968: 47 и сл., 193 и сл.]. В меньшей степени это касается и выделяемых в предложениях синтаксических конструкций, именуемых с и н т а г м а м и , изучению которых, как известно, большое значение придавал Л. В. Щерба. В настоящей работе мы затронули вопрос о влиянии с и н т а к с и ч е с к о й с е м а н т и к и , которой в грамматике почти не уделялось внимания, на интонационное о б о с о б л е н и е в предложениях различных синтагм (на письме отражаемых обычно посредством запятых, – 9.3), и при этом мы указали на ошибочность отнесения к числу синтагм конструкций с союзами, которые также обособляются. Более подробно обособление синтагм под влиянием различной синтаксической семантики рассмотрено в нашей предыдущей работе [Мухин 2004б: 39 и сл.].

9.10. К вопросу о синтагмах и их просодических признаках имеет отношение высказывание Л. В. Щербы о многих так называемых «сложных словах» немецкого языка или санскрита, которые «являются в этих языках словами лишь по форме, а по существу будут соответствовать тем простейшим единицам «речи» (parole), которые я называю с и н т а г - м а м и : большинство сложных слов этих языков делается в процессе речи и не входит в репертуар «языка как системы» [Щерба 1958: 9]. Подобные «сложные слова» исследованы в нашей первой монографии на материале древнеанглийского языка, где их первым элементом является основа существительного. Препозитивная субстантивная основа, передающая к в а л и ф и к а т и в н у ю с и н т а к с и ч е с к у ю с е м а н т и - к у , сопоставима с ее функциональными эквивалентами – существительным в родительном падеже и производным прилагательным, которые также используются в препозиции к существительному и могут заменять ее (как и друг друга). Ср., например, препозитивные субстантивную основу и существительное в родительном падеже в одних и тех же предложениях в разных рукописях письменного памятника или в разных предложениях в пределах одного и того же памятника: for woroldbismere (worlde bismere) «из-за одного только мирского упрека», mid wif-scrude

(mid wifes scryde) «женской одеждой», mid weres scrude «мужской одеждой», be cuhorne (be cuus horne) «о коровьем роге» и т.п. [Мухин 1964: 57; см. также приведенные далее примеры, там же: 229–246].

Конструкции с препозитивной субстантивной основой так же свободно возникают в древнеанглийском языке, как и эквивалентные им конструкции с препозитивным существительным в родительном падеже или с производным прилагательным, и подобно этим синтаксическим конструкциям именуются синтагмами. Они широко используются при переводе с латинского языка для выражения отношений, которые в последнем передаются только посредством синтагм с препозитивным существительным в родительном падеже или прилагательным. Показательно, например, сравнение древнеанглийских переводных текстов с их латинскими оригиналами, в которых древнеанглийской препозитивной основе соответствует родительный падеж существительного, иногда прилагательное, ср.: ficleaf «листья смоковницы», лат. folia ficus; on hancrede «в петушиное пение», лат. galli-cantu; mangunghus «дом торговли», лат. domus negotiationis; offrunghlaf «хлеб предложения», лат. panis propositionis; bicepsunu «епископский сын», лат. episcopi fili(ol)us; geneatright «арендаторское право», лат. uillani rectum, etc. [там же: 57, 58, 231].

При анализе древнеанглийских синтагм с препозитивной субстантивной основой мы не имеем возможности установить их просодические признаки, которые отличали бы их от подлинных сложных слов, но можем опереться на функциональный критерий [ср. там же: 58, 61], учитывая прежде всего системные отношения субстантивной основы с родительным падежом существительного и производным прилагательным как средствами передачи квалификативной синтаксической семантики [ср. там же: 61]. Результатом функционального анализа явилось выделение квалификативной синтаксемы, в а р и а н т а м и которой в древнеанглийском языке служат указанные элементы.

Такую квалификативную синтаксему мы неточно тогда назвали «релятивно-квалитативной» [там же: 259], о чем свидетельствуют выделенные или, лучше сказать, намеченные нами несколько позже, в другой работе, р е л я т и в н ы е с и н т а к с е м ы и системы их вариантов, выраженных относительными местоимениями без предлогов или с предлогами [Мухин 1980: 215 и сл.]. Не входя здесь в подробности, заметим, что в данном случае речь должна идти о целом ряде квалификативных синтаксем, одной из которых является, в частности, к в а л и ф и к а т и в н а я п о с е с с и в н а я синтаксема, которая выражена препозитивной основой существительного в приведенном выше примере bicepsunu «епископский сын» (но может быть выражена и родительным падежом bicepses, другим вариантом этой синтаксемы).

Последняя из названных синтаксем относится к оппозитивному ряду квалификативных посессивных синтаксем, противопоставляемых субстанциальным посессивным синтаксемам. Эти два ряда синтаксем, квалификативных посессивных и субстанциальных посессивных, рассмотрены на материале современного английского языка в наших предыдущих работах «Вариантность синтаксических единиц» и «Функциональный синтаксис» [Мухин 1995: 25–31, 39–69; 1999: 151–153], а также в книге «Морфологические категории и функциональный синтаксис», в частности в связи с анализом известных русских примеров Л. В. Щербы и их переводом на французский [Мухин 2002а: 14–18, 25–27, 29–33]. Различия между синтаксемами указанных двух рядов устанавливались с учетом их сочетаемости, местоположения и с опорой на метод эксперимента.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абсолютные конструкции 9.1, 9.2
Аксиональные глаголы 1.1, 1.2, 2.2, 2.3, 3.1, 4.2, 5.2, 5.4, 7.2, 9.5, 9.9
Аксиональные наречия 5.2, 7.2
Аксиональные прилагательные 4.2, 5.2, 7.2, 9.5, 9.9
Аксиональные существительные 1.1, 1.2, 2.1, 2.2, 2.3, 3.1, 3.2, 4.2, 5.1, 5.7, 7.2, 9.5, 9.9
Аксиональные синтаксемы 1.1, 2.1, 2.2, 3.1, 5.1, 5.2, 6.2, 6.5, 9.9
Аксиональная синтаксическая категория 5.1, 5.2
- Вариантность морфем 0.1, 0.2
Вариантность синтаксем 0.5, 9.2, 9.3, 9.4, 9.6, 9.8, 9.10
Взаимные и возвратные глаголы 7.3, 7.4, 9.5
Взаимодействие функционального синтаксиса с деривационными морфемами 0.3
Взаимодействие оппозитивных рядов синтаксем 9.2
Взаимодействие синтаксем, лексем и морфем 0.3, 0.4, 4.1, 4.2, 5.1, 5.2, 5.6, 5.9, 6.1–6.4, 7.2, 7.3, 9.1, 9.5, 9.9
Взаимодействие флективных морфем со служебными элементами 7.2
Восходящая последовательность анализа языковых единиц (явлений) 8.3
- Грамматика (теоретическая, практическая) 8.1, 8.2, 8.3, 9.3, 9.9
- Дистрибутивные особенности 9.6, 9.9
- Исчисление языковых единиц 7.3, 7.4
- Квалитативные наречия 5.6
Квалитативные прилагательные 1.4, 2.5, 3.4, 4.2, 5.6, 5.7, 5.8, 6.5, 7.4, 9.9
Квалитативные существительные 1.4, 2.5, 3.4, 4.2, 5.6, 6.5, 7.4, 9.9
Квалитативные синтаксемы 1.4, 2.5, 3.4, 5.6, 5.8, 6.5, 9.9
Квалитативная синтаксическая категория (категория качества) 1.4, 5.6
Кваликативная синтаксическая семантика 9.10
Компоненты предложения (clause components) 7.4, 9.1, 9.2, 9.3, 9.6, 9.8
Конструктивные, или к о н с т р у к ц и о н н ы е , единицы 7.4, 8.1, 9.8
- Лексемы (слова-лексемы) 0.2, 6.8, 7.1, 7.2, 7.4, 8.2, 8.3, 9.4, 9.6, 9.8, 9.9
Лексико-семантические группы глаголов 2.1, 7.4, 9.1
Лексическая связь 6.6, 8.1, 8.3, 9.1
Лексическая семантика 4.4, 7.1
Лексический уровень организации языка 7.1, 7.4, 9.9

Лингвистический анализ (лингванал) 0.1, 5.5, 6.6, 7.1, 8.1– 8.3, 9.1, 9.8, 9.9, 9.10

Лингвистическая география 5.7

Лингвистическая стилистика 5.5, 6.7

Медиальные глаголы 7.4

Междометия 8.3, 9.4

Метод вопросов в грамматике 8.3

Многозначность лексем 5.7, 6.6, 9.6, 9.9

Многозначность морфем 0.4, 1.4, 3.4, 5.8, 6.2

Модальные слова и сочетания 8.3, 9.1, 9.3, 9.4

Моделирование 0.5, 4.5, 6.1, 6.6, 7.1, 8.1, 9.1, 9.4, 9.5, 9.6, 9.7, 9.8

Морфемы первого функционального ряда 0.3, 1.1, 1.2, 2.1, 2.3, 3.1, 3.2, 4.2, 4.3, 5.1, 5.2

Морфемы второго функционального ряда 0.3, 1.3, 2.4, 3.3, 4.2, 4.3, 5.3

Морфемы третьего функционального ряда 0.3, 1.4, 2.5, 3.4, 4.2, 5.6

Морфемы четвертого функционального ряда 0.4, 1.5, 2.5, 3.5, 6.4

Морфологическая семантика 4.2, 4.3, 6.4, 7.1

Морфологический уровень организации языка 7.1, 9.8, 9.9

Научная грамматика 8.3

Нисходящая последовательность анализа языковых единиц (явлений) 9.1, 9.5, 9.6, 9.8, 9.9

Обособление синтагм 9.1, 9.3, 9.9

Пассивная акциональная синтаксема 1.2, 2.2, 3.2, 8.1, 9.5

Перевод 4.5, 5.9, 8.2, 9.10

Переходные глаголы 2.1, 3.1, 6.6, 7.1, 7.2, 7.4, 9.1, 9.5

Переходные существительные и прилагательные 9.5

Позиции (синтаксические, фонологические) 1.1, 7.2, 7.4, 9.7, 9.8

Посессивная синтаксическая категория 5.5

Просодические признаки 9.9, 9.10

Предложения (clauses) 7.4, 8.3, 9.1– 9.4, 9.9, 9.10

Релятивные синтаксемы 9.10

Ряды квалификативных и субстанциальных посессивных синтаксем 9.10

Синсемантические (синтаксико-семантические) признаки 0.4, 1.2, 5.1, 7.1, 9.2, 9.4

Синтагмы (подлежащие, сказуемые, зависимые) 0.3, 1.1– 1.4, 2.1– 2.5, 3.1– 3.4, 4.5, 5.3, 7.4, 9.1, 9.2, 9.3, 9.9, 9.10

Синтаксемы 9.2, 9.3, 9.4, 9.6, 9.10

Синтаксемы агентивного ряда 0.5, 1.1–1.5, 9.9
Синтаксемы идентифицирующего ряда 4.1
Синтаксемы классифицирующего ряда 4.1
Синтаксемы косвенно-объектного ряда 3.1– 3.5
Синтаксемы объектного ряда 2.1–2.6
Синтаксемы темпорального ряда 4.1
Синтаксемы экзистенциального (бытийного) ряда 4.1
Синтаксические категории (СК) 4.5, 7.4, 8.2, 9.2
Синтаксические связи 8.3, 9.1
Синтаксическая семантика 0.3, 1.1, 4.3, 5.9, 6.3, 6.4, 7.1, 8.1, 9.2, 9.3, 9.6
Синтаксическая семантика модальности 9.3
Синтаксический уровень организации языка 6.8, 7.4, 9.1, 9.9
Системные отношения синтаксем и лексем 7.2, 7.4, 8.2
Слово как фонетический комплекс 7.1, 7.2, 9.7
Слоговое строение 7.1, 9.7
Служебные элементы 4.5, 7.1, 7.2, 7.3, 7.4, 9.5, 9.9
Сопоставительный, или сравнительный, анализ 4.5, 6.3, 6.6, 7.2, 8.2, 8.3, 9.2, 9.3, 9.5
Сочетаемость лексем 4.4, 7.1
Сочетаемость синтаксем 1.1, 2.1, 3.1, 9.2
Союзные наречия 9.4, 9.6
Союзы 8.3, 9.4, 9.6
Сравнительная грамматика (компаративистика) 6.7
Стативные глаголы 2.1, 5.5, 6.5, 9.5, 9.9
Стативные наречия 5.4
Стативные прилагательные 1.3, 1.4, 2.4, 3.3, 3.4, 4.2, 5.4, 5.5, 5.7, 5.8, 7.2, 9.9
Стативные существительные 1.3, 1.4, 2.4, 3.3, 4.2, 5.3, 5.7, 6.5, 7.4, 9.9
Стативные синтаксемы 3.2, 2.4, 3.3, 5.3 – 5.5, 6.2, 6.5, 9.9
Структура предложений 9.1
Структурная лексикология 6.6, 7.2, 9.5
Структурная морфология 6.1, 6.4, 7.2, 9.6
Структурный синтаксис 6.1, 6.7, 7.1, 7.2, 9.1, 9.2
Субварианты синтаксем 0.5, 1.1–1.5, 2.1–2.5, 3.1–3.5, 5.1, 5.3, 5.6, 5.7, 5.8, 6.1
Субряды глагольных лексем (однопереходных, двупереходных) 4.4, 4.5
Субряды морфем и синтаксем 4.3
Существительное как часть речи 9.6, 9.8

Управление как лексическая связь 2.1, 3.1, 6.6, 7.4, 8.3, 9.1, 9.5, 9.8
Уровни организации языка 7.1–7.4, 9.1, 9.9
Устойчивые глагольные фразы 6.6, 9.5

Фонетический уровень организации языка 7.1, 9.8, 9.9
Фонология 7.1, 9.7, 9.8, 9.9
Фраземы и лексемы 4.4, 6.7
Фразы (глагольные, субстантивные и др.) 2.1, 3.1, 4.5, 6.7, 7.1, 9.5, 9.6
Функциональный анализ элементарных единиц разных уровней организации языка 7.1
Функциональный класс квалификативных синтаксем 0.5, 5.1, 5.2, 5.6, 5.7, 9.2, 9.6
Функциональный класс процессуальных синтаксем 0.5, 5.2, 5.7, 6.5, 9.2
Функциональный класс субстанциальных синтаксем 5.1, 5.3, 5.7, 6.5, 9.2, 9.6
Функциональный критерий 9.10
Функциональная лексикология 6.1, 6.6, 6.7, 7.1, 7.2, 9.9
Функциональная морфология 6.1, 7.1, 7.2, 9.9
Функциональные ряды глаголов (однопереходных, двухпереходных) 2.1, 2.3, 2.5, 3.1, 3.3, 3.4, 3.5, 4.4, 4.5, 6.6, 6.7, 7.2, 9.5, 9.8
Функциональные ряды морфем 0.3, 0.4, 1.1– 1.4, 2.1– 2.5, 3.1– 3.4, 4.1– 4.3, 5.1, 5.3, 5.6, 7.1, 7.2, 7.4, 9.1
Функциональный синтаксис 0.2 – 0.5, 5.1– 5.9, 6.1, 6.6, 6.7, 7.1, 7.2, 8.1, 8.2, 9.2 – 9.4, 9.9

Части речи 0.5, 5.9, 6.1, 7.1, 7.2, 7.3, 7.4, 8.3, 9.6

Эксперименты 0.3 – 0.5, 1.1 – 1.4, 2.1– 2.5, 3.1 – 3.4, 4.2, 4.4, 4.5, 6.1 – 6.3, 6.6, 6.7, 8.1, 8.3, 9.1, 9.2, 9.5, 9.7, 9.8
Элементарные с т р у к т у р н ы е синтаксические единицы 7.4, 9.1, 9.2
Элементарные ф у н к ц и о н а л ь н ы е синтаксические единицы 7.1, 7.2, 9.1, 9.2

Языковая семантика 7.1

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аванесов Р. И.* 8.1
Амахина С. А. 9.3
Ахманова О. С. 7.3
Виноградов В. В. 5.9, 7.3, 8.2, 8.3
Воронцова Г. Н. 8.2
Горбачевич К. С. 0.2
Джалолов С. 0.1, 5.8
Жигадло В. Н. 9.4
Жирмунский В. М. 9.7
Иванова И. П. 9.4
Ильин Б. А. 5.5, 5.9, 8.2, 8.3, 9.3, 9.4, 9.6, 9.9
Иофик Л. Л. 9.4
Казанский Н. Н. 9.9
Кацнельсон С. Д. 9.7
Кузнецов П. С. 9.7
Курилович Е. 9.7
Лакофф Дж. 9.5
Лопатин В. В. 0.1
Мальмберг Б. 9.7
Мартине А. (Martinet A.) 6.1, 7.1, 7.3, 9.9
Миллер Дж. (Miller J. E.) 9.5
Панфилов Е. Д. 9.7
Пешковский А. М. 6.1, 8.3, 9.1, 9.9
Потебня А. А. 9.9
Смирницкий А. И. 0.2
Торсуев Г. П. 9.7
Трнка Б. 9.7
Тронский И. М. 9.7
Трубецкой Н. С. 6.1, 7.3, 9.7, 9.9
Филимонова О. Е. 1.4
Фишер-Йоргенсен Е. 9.7
Шадрин В. И. 5.9
Шмелев Д. Н. 9.7
Щерба Л. В. 0.1, 0.2, 1.3, 1.4, 4.5, 5.9, 6.6, 7.1, 7.3, 7.4, 8.1, 8.2, 8.3, 9.2, 9.6, 9.9, 9.10
Щербак А. М. 7.1
Яковлева Т. Е. 6.6

ЛИТЕРАТУРА

- Амахина 2005** – Амахина С. А. Вариантность синтаксических единиц и перевод в аспекте методики преподавания иностранного языка // Вопросы методики преподавания в вузе. Вып. VII. СПб.
- Ахманова 1966** – Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.
- Виноградов 1944** – Виноградов В. В. О формах слова // Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1944, т. 3.
- Виноградов 1947** – Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.-Л.
- Воронцова 1960** – Воронцова Г. Н. Очерки по грамматике английского языка. М.
- Горбачевич 1978** – Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма (на материале современного русского языка). Л.
- Грамматика русского языка I 1953** – Грамматика русского языка. Т. I. М.
- Джалолов 1988** – Джалолов С. Деривационные морфемы со значением подобия и полноты в структуре прилагательных современного английского языка. Канд. дисс. Л.
- Жигадло, Иванова, Иофик 1956** – Жигадло В. Н., Иванова И. П., Иофик Л. Л. Современный английский язык. Теоретический курс грамматики. М.
- Ильиш 1948** – Ильиш Б. А. Современный английский язык (теоретический курс). Изд. 2-е. М.
- Ильиш 1971**– Ильиш Б. А. Строй современного английского языка (на англ. языке). Изд. 2-е. Л.
- Лопатин 1977** – Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемика (Проблемы и принципы описания). М.
- Максимов 1977** – Максимов В. И. Структура и членение слова. Изд-во Ленинградского университета. Л.
- Мартине 1960** – Мартине А. О книге «Основы лингвистической теории» Луи Ельмслева // Новое в лингвистике. Вып. I. М.
- Мартине 1963** – Мартине А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. Вып. III. М.

- Мухин 1964** – Мухин А. М. Функциональный анализ синтаксических элементов (на материале древнеанглийского языка). М.-Л.
- Мухин 1968** – Мухин А. М. Структура предложений и их модели. Л.
- Мухин 1976** – Мухин А. М. Лингвистический анализ. Теоретические и методологические проблемы. Л.
- Мухин 1980** – Мухин А. М. Синтаксемный анализ и проблема уровней языка. Л.
- Мухин 1982** – Мухин А. М. Деривационные морфемы и методы их исследования // Лингвистические исследования 1982. Языковые единицы в синхронии и диахронии. М.
- Мухин, Джалолов 1984** – Мухин А. М., Джалолов С. Вариантность деривационных морфем // Лингвистические исследования 1984. Грамматика и семантика предложения. М.
- Мухин 1987** – Мухин А. М. Системные отношения переходных глагольных лексем (на материале английского и русского языков). Л.
- Мухин 1995** – Мухин А. М. Вариантность синтаксических единиц. СПб.
- Мухин 1999** – Мухин А. М. Функциональный синтаксис. СПб.
- Мухин 2002а** – Мухин А. М. Морфологические категории и функциональный синтаксис. СПб.
- Мухин 2002б** – Мухин А. М. Категория состояния Л.В. Щербы и перевод // Материалы XXXI Всероссийской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 2. Актуальные проблемы переводоведения. Отв. ред. В. И. Шадрин. Филологический фак-т СПбГУ.
- Мухин 2004а** – Мухин А. М. Три важнейшие синтаксические категории // Пятые Федоровские чтения. Университетское переводоведение. Вып. 5. Отв. ред. В. И. Шадрин. Филологический фак-т СПбГУ.
- Мухин 2004б** – Мухин А. М. Эксперимент и моделирование в лингвистике. Структурный синтаксис предложения. СПб.
- Смирницкий 1954** – Смирницкий А.И. К вопросу о слове: Проблема «тождества слова» // Труды ин-та языкознания. Т. IV.
- Стр-ра английского имени сущ-го 1975** – Структура английского имени существительного. Под ред. проф. И. П. Ивановой (авторы: И. П. Иванова, С. П. Балашова, Д. Н. Борисова, Н. В. Варгина, Л. П. Винокурова, М. А. Кашеева, В. В. Менькова, И. А. Потапова, Л. В. Соловьева, Л. П. Чахоян). М.

- Трубещкой 1960** – Трубещкой Н. С. Основы фонологии. М.
- Филимонова 1978** – Филимонова О. Е. Стаивная синтаксема в английском предложении (На материале сочетаний связочного глагола со словами категории состояния, прилагательными и предложно-именными группами). Канд. дисс. Л.
- Щерба 1948** – Щерба Л. В. Фонетика французского языка. Изд. 3-е. М.
- Щерба 1957** – Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Академик Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М.
- Щерба 1958** – Щерба Л. В. Очередные проблемы языковедения // Акад. Л. В. Щерба. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. I. Изд-во Ленинградского университета.
- Щерба 1958** – Щерба Л. В. О второстепенных членах предложения // Там же.
- Щерба 1974** – Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Изд-во «Наука», Л.
- Щербак 1970** – Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л.
- Яковлева 1980** – Яковлева Т.Е. Системный анализ английских переходных глаголов (с учетом их реализации в предложениях). Канд. дисс. Л.
- Martinet 1949** – Martinet A. Phonology as functional phonetics. London.
- Miller 1970** – Miller J.E. Stative verbs in Russian // Foundations of language, 1970, vol.6, № 4.

Словари

- Большой англо-русский словарь 1972** – Большой англо-русский словарь. Под руков. И.П. Гальперина. Т.1–2. М.
- Longman 1978** – Longman Dictionary of Contemporary English. Longman Group Limited.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

Деривационные морфемы и их вариантность (0.1 – 0.2)	3
Функциональные ряды морфем (0.3 – 0.4)	7
Деривационные морфемы и субварианты синтаксем (0.5)	14

Часть I

Глава 1. Функциональные ряды морфем и субварианты синтаксем агентивного ряда

Субварианты агентивной акциональной синтаксемы (1.1).....	17
Субварианты агентивной пассивной акциональной синтаксемы (1.2)	22
Субварианты агентивной стативной синтаксемы (1.3)	24
Субварианты агентивной квалитативной синтаксемы (1.4)	27
Собственно агентивная синтаксема (1.5)	31

Глава 2. Функциональные ряды морфем и субварианты синтаксем объектного ряда

Субварианты объектной акциональной синтаксемы (2.1–2.2)	33
Субварианты объектной пассивной акциональной синтаксемы (2.3)	40
Субварианты объектной стативной синтаксемы (2.4)	42
Субварианты объектной квалитативной синтаксемы (2.5)	46
Собственно объектная синтаксема (2.6)	49

Глава 3. Функциональные ряды морфем и субварианты синтаксем косвенно-объектного ряда

Субварианты косвенно-объектной акциональной синтаксемы (3.1)	50
Субварианты косвенно-объектной пассивной акциональной синтаксемы (3.2)	54
Субварианты косвенно-объектной стативной синтаксемы (3.3)	55
Субварианты косвенно-объектной квалитативной синтаксемы (3.4)	58
Собственно косвенно-объектная синтаксема (3.5).....	59

Глава 4. Функциональные ряды морфем и синтаксемы иных оппозитивных рядов

Взаимодействие морфем, синтаксем и лексем (4.1–4.2).....	61
О субрядах морфем и синтаксем (4.3).....	64
О субрядах лексем (4.4–4.5).....	65

Глава 5. Три важнейшие синтаксические категории (акциональные, стативные и квалитативные синтаксемы)

Акциональная синтаксическая категория (5.1–5.2)	70
Стативная синтаксическая категория (5.3–5.5)	75
Квалитативная синтаксическая категория (5.6–5.8)	82
Из истории отечественной лингвистики (5.9)	87

Часть II

Глава 6. Функциональная морфология и функциональная лексикология

Функциональные ряды морфем и функциональный синтаксис (6.1–6.4)	93
Функциональная лексикология и функциональный синтаксис (6.5–6.7)	98

Глава 7. К проблеме уровней языка

Функциональный анализ элементарных единиц языка (7.1–7.2).....	106
Исчисление языковых единиц (7.3–7.4).....	112

Глава 8. Грамматика и лингвистический анализ (лингана́л)

Грамматика и синтаксическая семантика (8.1–8.2)	122
Теоретическая грамматика (8.3)	129

Глава 9. Лингвистический анализ

Структурный синтаксис (9.1)	139
Функциональный синтаксис и сопоставительный анализ (9.2)	154
Синтаксическая семантика и вариантность синтаксем (9.3–9.4)	161
Функциональная лексикология (9.5)	170
Функциональная морфология (9.6)	174
Фонология и проблема уровней языка (9.7, 9.8)	178
О взаимодействии синтаксического, лексического, морфологического и фонетического уровней организации языка (9.9, 9.10)	183

Предметный указатель	189
-----------------------------------	-----

Именной указатель	193
--------------------------------	-----

Литература	194
-------------------------	-----

Оглавление	197
-------------------------	-----